

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»*

На правах рукописи

Гель -

Пчелкина Дарья Сергеевна

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ МАНИФЕСТАЦИИ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.**

Специальность: 24.00.01 – теория и история культуры (культурология)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель:
доктор философских наук
профессор Н.П. Копцева

Красноярск 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
1 Теоретические и методологические подходы в культурологических исследованиях этнической манифестации.....	21
1.1 Этническая манифестация и процессы этнической идентификации как предмет культурологических исследований.....	23
1.2 Цифровая этнография как методологическая стратегия культурологического изучения этнической манифестации.....	50
2 Трансформация этнической манифестации этнокультурных групп коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (конец XX – начало XXI вв.).....	77
2.1 Формы этнической манифестации в культуре коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.....	78
2.2 Киберэтничность как форма культурной идентичности коренных малочисленных народов Красноярского края (долган, кетов, нганасан, селькупов) в конце XX — начале XXI века.....	108
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	141
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	150

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена рядом факторов.

Во-первых, в мировой и отечественной науке активно обсуждается вопрос интенсификации глобальной культуры, что одновременно требует решения проблемы сохранения культурной и этнической идентичности локальных этнических групп, к которым относятся коренные этнокультурные группы Арктической зоны Красноярского края. Влияние глобализационных процессов на аксиологическую систему различных культурных сообществ, воспринимаемую ими в границах своей этнической культуры, ведет, по мнению большинства исследователей, к утрате уникальности многих культурных систем, кризису разных форм социальной идентичности в целом. Малочисленность коренных этнокультурных групп Арктической зоны, климатическая и ландшафтная сложность условий их жизни, особенности ретрансляции и воспроизводства элементов этнической культуры в подобных условиях ставят под угрозу их существование в целом. И решениями вопроса дальнейшего существования этнической культуры видятся либо культурная изоляция этнокультурных групп, либо осознание и дальнейший поиск адаптивного варианта существования в поликультурном сообществе.

Во-вторых, процессы информатизации, радикальных социокультурных изменений и активного промышленного освоения территории Арктической зоны Красноярского края приводят к трансформациям этнической идентификации коренных малочисленных народов, что в свою очередь влияет на способы репрезентации их этничности. Небольшое количество представителей этнокультуры коренных групп Арктической зоны Красноярского края способствует увеличению скорости трансформационных процессов этничности и этнической манифестации, в связи с чем исследование современных культурных практик, характерных для этнической манифестации является достаточно актуальным. Традиционные культурные практики для этнической манифестации по-прежнему остаются

востребованными, но они также претерпевают изменения, а исследования ее новых культурных форм находятся в стадии активного становления и входят в предметное пространство теории и истории культуры.

В-третьих, одной из актуальных пространств для осуществления культурных практик этнической манифестации, в том числе коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края, становится сфера Интернета. Сегодня он востребован как объект исследования в пространстве многих научных дисциплин, как гуманитарного направления, так и технического, что влияет на углубленное и более точное понимание культурных процессов, происходящих в его пространстве. Однако единого мнения, что есть культурное пространство Интернета и какова интенсивность его воздействия на социум и процессы культурной идентификации, на данный момент не существует. С одной стороны, это связано с относительно недолгой интеллектуальной историей его изучения, с другой стороны, обусловлено динамичными преобразованиями, происходящими с самим Интернетом-пространством, которое становится всеобъемлющим интерактивным информационным социокультурным пространством, создающим новые культурные практики, которые раньше не выступали предметом теории и истории культуры.

Степень научной разработанности темы исследования.

Теоретические методологические положения исследования этнической идентификации, этнической манифестация, виртуальной этничности представлены в многочисленных работах отечественных и зарубежных ученых.

Первые попытки анализа феномена идентичности были предприняты философами в период Нового времени – Дж. Локком¹, Д. Юмом², феноменологами Ф.В. Шеллингом³ и Г.В.Ф. Гегелем⁴.

¹ Локк, Дж. Сочинения: в 3 т. Под ред. И.С. Нарского. М., 1985.

² Юм, Д. Собрание сочинений в 2 т. Исследование о принципах морали. М., 1996.

³ Шеллинг, Ф. В. Й. Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки. СПб., 1998.

⁴ Гегель, Г. В. Ф. Философия истории. СПб., 1993.

Представители психоаналитических школ заложили основу исследованиям феномена идентичности, предметом их исследования стали, прежде всего, этническая и социальная идентичность⁵⁶⁷. Ключевые исследования идентичности в области психологии связаны с именами Э. Эриксона⁸, З. Фрейда⁹, У. Джеймса¹⁰, Дж. Марсиа¹¹. Изучение вопросов идентичности продолжили отечественные^{12,13} и зарубежные школы¹⁴, отмечая процессуальность и гибкость идентификации – она ситуативна, контекст, в котором происходит процесс самоидентификации, может изменять его результат.

Бихевиористская школа в лице Э. Торндайка¹⁵, И.В. Павлова¹⁶ и необихевиористы^{17 18} отмечали, что среда может быть приспособляемой и не приспособляемой относительно личности.

Отечественная психологическая школа, занимающаяся вопросами идентичности, представлена исследованиями И.С. Кона¹⁹. В.С. Агеев²⁰ представляет деятельностный подход в трудах, актуализирующих данный исследовательский вопрос.

⁵ Фромм, Э. Человеческая ситуация. М., 1995.

⁶ Солдатова, Г. У. Диагностика типов этнической идентичности. М., 2011.

⁷ Павленко, В. Н., Таглин, С.А. Общая и прикладная этнопсихология. М., 2005.

⁸ Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

⁹ Фрейд, З. Введение в психоанализ: лекции. М., 1991.

¹⁰ Джеймс, У. Личность. Самара, 1996.

¹¹ Marcia, J. E. Ego identity status: Relationship to change in self-esteem, «general maladjustment» and authoritarianism // *Journal of Personality*, 1967, Vol. 3(5).

¹² Андреева, Г. М., Богомолова, Н. Н., Петровская, Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия. М., 2002.

¹³ Иванова, Н. Л. Психологическая структура социальной идентичности: Автореферат на соискание ученой степени доктора психол. наук. Ярославль, 2003.

¹⁴ Le Vine, R., Campbell, D.T. *Ethnocentrism: Theories of conflict, attitudes and group behavior*. New York, 2002.

¹⁵ Торндайк, Э., Уотсон, Дж. Б. Бихевиоризм. Принципы обучения, основанные на психологии. Психология как наука о поведении. М., 1998 г.

¹⁶ Sherif, M., Sherif, C.W. *Groups in Harmony and Tension: An Integration of Studies on Intergroup Relations*. New York, 1961.

¹⁷ Белик, А. А. Теория «Я» Дж. Г. Мида и психологическая антропология // *Социальная психология и общество*. 2011. № 1.

¹⁸ Зубачевский, М. В. Этническая самоидентификация и ее объективация в культуре: Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. Омск, 2010.

¹⁹ Кон, И. С. Психология ранней юности. М., 1989.

²⁰ Агеев, В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.

Представители феноменологической школы²¹ и теории социального конструирования^{22, 23} продолжили развивать изучение социальных практик в контексте исследования вопроса идентификации.

Сторонники конструктивистского направления, среди которых П. Бурдьё²⁴, Н. Луманн²⁵ и пр.²⁶, определяли идентификацию как процесс самопрезентации социального дискурса в различных концептах. Идентичность изучали в призме антропологии М. Мид,²⁷ А. Кардинер²⁸, Р. Линтон²⁹ – они сформулировали «базисную структуру личности», которая косвенно обращается к понятию «идентичность». Э. Дюркгейм³⁰ называл ее основной ценностью общества, М. Вебер³¹ – ключевым видом социального действия, оказывающим влияние на выбор и поведение индивидов, Т. Парсонс³² отмечал, что солидарность воздействует на поведение, благодаря которому проявляется личность человека.

Три главных подхода в исследовании этнической и национальной идентичности – примордиалистский, инструменталистский и конструктивистский. Этничность в примордиалистском подходе рассмотрена в произведениях Л.Н. Гумилева³³, К. Гирца³⁴, Ф. Барта³⁵, Д. Мойнихэна³⁶, С. М. Широкогорова³⁷, Ю. В. Бромлея³⁸, В. В. Пименова³⁹, Ж. Девосе⁴⁰, Л. Романуччи-Росса⁴¹.

²¹ Мещерякова, Л. Ю. Феноменологическая социология Альфреда Шюца: теоретические предпосылки и основные идеи // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2002. № 1.

²² Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.

²³ Гидденс, Э. Устроение общества: Очерки теории структуризации. М., 2003.

²⁴ Бурдьё, П. Социология социального пространства. М., СПб., 2007.

²⁵ Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007.

²⁶ Ленуар, Р., Мертье, Д., Пэнто, Л., Шампань, П. Начала практической социологии. СПб., 2001.

²⁷ Мид, Дж. От жеста к символу. В кн.: Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1994.

²⁸ Kardiner, A. The psychological frontiers of society. New York, 1946.

²⁹ Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология. М., 2004.

³⁰ Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. М., 2018.

³¹ Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М., 2017.

³² Парсонс, Т. Социальная система. М., 2018.

³³ Гумилев, Л. Н. Этнос: мифы и реальность // Дружба народов. 1988. № 10.

³⁴ Гирц, К. Интерпретация культур. М., 2004.

³⁵ Барт, Ф. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М., 2006.

³⁶ Moynihan, D.P. Pandaemonium : Ethnicity in intern. Politics. Oxford, 1993.

³⁷ Широкогоров, С. М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов // Учёные записки историко-филологического факультета в г. Владивостоке. 1919. №1.

³⁸ Бромлей, Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история и современность. М., 1987.

Инструменталистский подход в изучении этнической идентичности представлен в работах Н. Глейзера и Д. Мойнихан⁴², Д. Горовица⁴³.

Ключевыми теоретиками конструктивистского направления являются Б. Андерсон⁴⁴, Р. Бурдье, Э. Геллнер⁴⁵, Э. Хобсбаум⁴⁶, М. Хечтер⁴⁷. В рамках конструктивистского подхода важно отметить информационную концепцию этничности, последователями которой являются С. А. Арутюнова⁴⁸, Н. Н. Чебоксаров и И. А. Чебоксарова⁴⁹.

Исследовательский интерес М. С. Баташева⁵⁰, В. Н. Игнатова⁵¹, Г. И. Лукьянова⁵², Н. П. Макарова⁵³, С. Я. Пальчина⁵⁴, сосредоточен на этногенезе групп. И. Ю. Антонов⁵⁵, В. С. Лузан⁵⁶, К. Филант⁵⁷, С. Н. Харючи⁵⁸ обращаются к вопросу правового регулирования социокультурного развития этносов.

Говоря об актуальных процессах этнической идентификации в современном глобализованном мире и способах ее манифестации, необходимо упомянуть исследователей информационного общества, а

³⁹ Пименов, В. В. Массовые этнологические исследования: методы и техника. М., 1995.

⁴⁰ Тишков, В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

⁴¹ Там же.

⁴² Glezer N., Moynihan D.P. Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge (USA), 1976.

⁴³ Горовиц, Д. Л. Структура и стратегия этнического конфликта // Власть. 2007. № 4.

⁴⁴ Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism, 1991.

⁴⁵ Геллнер, Э. Нации и национализм. М. 1991.

⁴⁶ Hobsbawm, E.J.E. Nations and Nationalism. Cambridge, 1991.

⁴⁷ Прусаускас, А. А. Этнос и политика. М., 2000.

⁴⁸ Арутюнов, С. А. Культуры, традиции, их развитие и взаимодействие. Люистон, 2002.

⁴⁹ Чебоксаров, Н. Н., Чебоксарова, И. А. Народы, расы, культуры. М., 1985.

⁵⁰ Баташев, М. С. Этническая история коренных народов Енисейского уезда // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2013. № 6 (6).

⁵¹ Лукьянов, Г. И., Игнатов, В.Н. Отношение к историческому прошлому как фактор формирования социокультурной идентичности // Философия и культура. 2012. № 6.

⁵² Там же.

⁵³ Макаров, Н. П. Древние этапы культурогенеза народов Красноярского Севера // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2013. № 6 (6).

⁵⁴ Пальчин, С. Я. Нынешние социальные и экономические данные о коренных малочисленных народах Севера с 2012 года // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2013. № 6 (6).

⁵⁵ Харючи, С. Н., Филант, К. Г., Антонов, И. Ю. Социальные нормы коренных малочисленных народов Севера России. Обряды, обычаи, ритуалы, традиции, мифы, нормы морали, нормы права. М., 2009.

⁵⁶ Лузан, В. С. Особенности правового регулирования социокультурного развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях глобальных трансформаций // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2011. № 4 (5).

⁵⁷ Харючи, С. Н., Филант, К. Г., Антонов И. Ю. Социальные нормы коренных малочисленных народов Севера России. Обряды, обычаи, ритуалы, традиции, мифы, нормы морали, нормы права. М., 2009.

⁵⁸ Там же.

именно – З. Баумана⁵⁹, М. Кастельса⁶⁰, Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона⁶¹, и др. В своих работах они предпринимают попытки обозначить тенденции воздействия коммуникаций (в частности цифровых информационных платформ) на идентификационные процессы индивида.

В. И. Кирко⁶², Н. П. Копцева⁶³, К. В. Резникова⁶⁴. исследуют проблему сохранения традиционных видов деятельности, культурных особенностей, обычаев коренных малочисленных народов Севера России.

Вопросы языковых моделей коммуникации изучают Д. Р. Гилязева⁶⁵, В. П. Кривоногов⁶⁶, Д. Г. Севоян⁶⁷, А. П. Сунцов⁶⁸.

Сложные формы социальных идентичностей исследует Ю.С. Замараева⁶⁹, конкретизирует эту проблематику для этнокультурных групп Сибирского федерального округа А. А. Шпак⁷⁰.

Факторы трансформации этничности представлены в работах Ф. С. Андросовой⁷¹, С. Г. Анцуповой⁷², М. С. Куропятник⁷³, Г. М. Парниковой⁷⁴, О. А. Поворознюк⁷⁵, Д. А. Функа⁷⁶, В. И. Шадрина⁷⁷.

⁵⁹ Бауман, З. Индивидуализированное общество. М., 2005.

⁶⁰ Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.

⁶¹ Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

⁶² Кирко, В. И. Постсоветские практики сохранения этнокультурной идентичности коренных народов Севера и Сибири в Красноярском крае Российской Федерации // Социодинамика. 2015. № 6.

⁶³ Копцева, Н. П. К вопросу о сохранении и воспроизводстве традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Сибирском федеральном округе // НВ: Проблемы общества и политики. 2013. № 12.

⁶⁴ Резникова, К. В. Сохранение и трансформация некоторых аспектов традиционного образа жизни коренных и малочисленных народов Севера, проживающих в населенных пунктах (поселках) Туруханск и Фарково // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2013. № 6.

⁶⁵ Гилязева, Д. Р. Международные гарантии доступа коренных народов к земле и ресурсам // Право и политика. 2013. № 3.

⁶⁶ Кривоногов, В. П. Этническое самосознание и языковые процессы у долган // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2013. № 6.

⁶⁷ Севоян, Д. Г., Сунцов, А. П. Актуальные проблемы обеспечения субъектами Российской Федерации конституционного права народов на сохранение родного языка // Право и политика. 2013. № 11.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Замараева, Ю. С. Сложные формы этнической идентичности // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. № 2.

⁷⁰ Шпак, А. А. Концептуальные и методологические основы для исследования феномена сложных идентичностей // Сборник материалов конференции: Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы материалы международной научно-практической конференции. 2020.

⁷¹ Андросова, Ф. С., Анцупова, С. Г., Парникова, Г. М. Сохранение коренных народов республики Саха (Якутия) в условиях промышленного освоения Арктики и крайнего Севера // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71).

⁷² Там же.

⁷³ Куропятник, М. С. Коренные народы в процессе социокультурных изменений : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.06 – СПб., 2006.

Научные работы А. В. Кистовой⁷⁸, Н. П. Копцевой и Н. Н. Середкиной⁷⁹, К. В. Резниковой⁸⁰, А. А. Семеновой, Н. Н. Середкиной показывают возможности исследования культурной и этнической форм идентичности посредством анализа произведений изобразительного искусства. Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов Красноярского края изучают К. В. Резникова⁸¹, Ю. С. Замараева⁸² А. А. Ситникова⁸³, М. А. Колесник⁸⁴, Н. М. Либакова⁸⁵, Е. А. Сертакова⁸⁶, А. В. Кистова⁸⁷, Н. Н. Пименова⁸⁸, М. И. Букова⁸⁹, Н.Н. Середкина⁹⁰. Исследованию музыкального фольклора эвенков, долган, селькупов, проживающих на территории Красноярского края, посвящены работы С. В.

⁷⁴ Андросова, Ф. С., Анцупова, С. Г., Парникова, Г. М. Сохранение коренных народов республики Саха (Якутия) в условиях промышленного освоения Арктики и крайнего Севера // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71).

⁷⁵ Поворознюк, О. А., Функ, Д. А. Урбанизация и коренные народы Севера: введение к теме номера // Этнографическое обозрение. 2016. № 1.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Шадрин, В. И. Трансформация этнической идентичности коренных малочисленных народов Севера Якутии в условиях глобализации (на примере юкагиров Республики Саха (Якутия) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2016. № 4 (10).

⁷⁸ Кистова, А. В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичностей на основе этнографического подхода в социальной философии: автореферат дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2013.

⁷⁹ Копцева, Н. П. Середкина, Н. Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе. Красноярск. 2013.

⁸⁰ Резникова, К. В. Социальное конструирование общенациональной идентичности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск. 2012.

⁸¹ Резникова, К. В., Середкина, Н. Н., Замараева, Ю. С. Рекомендации по развитию декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1. № 3.

⁸² Там же.

⁸³ Колесник, М. А., Ситникова, А. А. Модель развития декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1. № 3.

⁸⁴ Либакова, Н. М., Колесник, М. А., Сергеева, Н. А., Сертакова, Е. А. Исследовательские возможности антропологии искусства на примере косторезных произведений мастеров Сибири // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1. № 1.

⁸⁵ Либакова, Н. М., Сертакова, Е. А. Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 3.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Кистова, А. В., Пименова, Н. Н., Букова, М. И. Современное состояние декоративно-прикладного искусства эвенков - коренных народов Сибирской Арктики // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2. № 1.

⁸⁸ Кистова, А. В., Пименова, Н. Н. Декоративно-прикладное искусство коренных народов, проживающих на территории Эвенкийского и Таймырского муниципальных районов // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1. № 3.

⁸⁹ Кистова, А. В., Пименова, Н. Н., Букова, М. И. Современное состояние декоративно-прикладного искусства эвенков – коренных народов Сибирской Арктики // Северные архивы и экспедиции. Т. 2, № 1. 2018.

⁹⁰ Резникова, К. В., Середкина, Н. Н., Замараева, Ю. С. Рекомендации по развитию декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1. № 3.

Березюк⁹¹. Обзорные исследования данной проблематики были сделаны К. И. Шиманской⁹².

Современные лингвокультурные процессы в контексте этнокультурной идентификации в среде коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края были исследованы В. П. Кривоноговым⁹³, Н. П. Копцевой⁹⁴, К. В. Резниковой⁹⁵, А. А. Ситниковой⁹⁶, М. А. Колесник⁹⁷, А. В. Кистовой⁹⁸, Н. Н. Пименовой⁹⁹, А. И. Филько¹⁰⁰ и рядом других.

Нормативно-правовая база, связанная с основными культурными процессами и практиками коренных малочисленных народов Красноярского края, представлена в работах В. С. Лузана¹⁰¹, Ю. Н. Авдеевой¹⁰² и других ученых.

Особое место в области этнокультурной манифестации занимают процессы, связанные с детской литературой на национальных языках коренных малочисленных народов Красноярского края. Этой теме посвящено обширное исследование красноярских ученых, результаты которого были отражены в монографиях и научных статьях¹⁰³.

⁹¹ Березюк, С. В. Самобытность долганского фольклора и его место в современном музыкальном искусстве // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. № 2.

⁹² Шиманская, К. И., Копцева, Н. П. Historiографический обзор коренных исследований за 2014-2018 гг. // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2. № 1.

⁹³ Кривоногов, В. П. Этническое самосознание и языковые процессы у долган // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 6. № 6.

⁹⁴ Копцева, Н. П., Хижнякова, А. Н., Резникова, К. В. К вопросу о концептах языков коренных народов Красноярского края // Северные архивы и экспедиции. 2017. Т. 1. № 1.

⁹⁵ Резникова, К. В. Специфика языков самодийской группы, включая ненецкий и энецкий языки // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2. № 4.

⁹⁶ Sitnikova, A. A. The ket language // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Vol 11. № 4.

⁹⁷ Kolesnik, M. A., Libakova, N. M., Sertakova, E. A. Enets language in the studies of domestic and foreign scientists // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Т. 11. № 4. С. 546-560.

⁹⁸ Kistova, A. V., Pimenova, N. N. Historiography of ket language // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Т. 11. № 4. С. 534-545.

⁹⁹ Кистова, А. В., Пименова, Н. Н. Мониторинг современного состояния энецкой этнокультурной группы // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2. № 4.

¹⁰⁰ Филько, А. И., Худоногова, А. Е. Культура энецкого народа: возможно ли возродить язык? // Сборник материалов конференции: Специфика этнических миграционных процессов в XX–XXI веках: опыт и перспективы материалы Международной научно-практической конференции. 2019.

¹⁰¹ Лузан, В. С., Авдеева, Ю. Н. Нормативно-правовая база для регулирования состояния декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1. № 3.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Копцева, Н. П., Амосов, А. Е., Кистова, А. В., Колесник, М. А. и др. Создание произведений детской литературы на родных языках коренных народов Севера и Сибири. Электронное издание // Красноярск, 2018.

Многие годы комплексные полевые исследования коренных малочисленных народов Красноярского края в контексте традиционной этнографии проводит профессор В. П. Кривоногов¹⁰⁴. Также 2010 года проводятся полевые исследования в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Арктической зоны К. В. Резниковой, Н. М. Лещинской, Е. А. Сертаковой, Н. Н. Пименовой, Ю. С. Замараевой, А. В. Кистовой, М. И. Буковой, А. И. Филько, что отражено в соответствующих научных публикациях¹⁰⁵.

Специфические культурные практики в области коренного образования изучает А. А. Ситникова¹⁰⁶, проблемы детства коренных малочисленных народов Красноярского края отражены в работах А. В. Кистовой, Н. Н. Пименовой, Н. П. Копцевой¹⁰⁷, гигиенические культурные практики в контексте этнокультурной идентификации исследует Н. М. Либакова¹⁰⁸.

В. Л. Римский¹⁰⁹, С. В. Бондаренко¹¹⁰, А. С. Аладышкина¹¹¹, Д. Л. Сивоволов¹¹² обращаются к исследованию феномена Интернета и Интернет-технологий в сфере социологических исследований. М. М. Соколов¹¹³, Д. В.

¹⁰⁴ Кривоногов, В. П. Изменение антропологического облика народов Сибири (по данным генеалогий) // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т.3. № 3.

¹⁰⁵ Копцева, Н. П., Замараева, Ю. С., Сергеева, Н. А., Филько, А. И., Стручева, Е. С., Кирко, В. И. Полевые исследования в Эвенкийском муниципальном районе: по материалам научно-исследовательской работы. Электронное издание // Министерство образования и науки российской федерации; Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; Сибирский федеральный университет. Красноярск. 2018; Либакова, Н. М., Сертакова, Е. А. Экспедиция в поселок Суринда Эвенкийского муниципального района. Дневник полевого исследования // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2. № 2.

¹⁰⁶ Sitnikova, A. A. Nganasan children literature: history and specifics // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. Т. 9. № 9.

¹⁰⁷ Копцева, Н. П., Кистова, А. В., Пименова Н. Н. Культура детства коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (на материале полевых исследований чулымской этнокультурной группы в Тухтетском районе Красноярского края) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1.

¹⁰⁸ Копцева, Н. П., Либакова, Н. М. Гигиена как культурно-антропологическая практика сохранения и трансляции культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2.

¹⁰⁹ Римский, В. Л. Воздействие сети Интернет на социальную активность, формирование и развитие идентичностей // Вестник общественного мнения. 2009. № 1 (99).

¹¹⁰ Бондаренко, С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ: Автореферат на соискание ученой степени доктора социологических наук. Ростов-на-Дону. 2004; Москва. 2005.

¹¹¹ Аладышкина, А. С. Современное Интернет-сообщество: социально-стратификационный анализ: Автореферат на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Нижний Новгород, 2006.

¹¹² Сивоволов, Д. Л. Интернет-сайт как предмет социологического исследования: метод анализа интерактивных документов // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 16.

¹¹³ Соколов, М. М. Влияние общения в Интернет на динамику этнической идентичности // Материалы

Иванов¹¹⁴ и С. Н. Макеев¹¹⁵ обращаются к вопросам воздействия сетевого пространства на процесс формирования идентичности личности. Они рассматривают конкретные социальные сервисы в сети Интернет и те возможности, которые дает виртуальное общение, когда человек конструирует собственную идентичность, опираясь на отсутствие видимого контроля.

К классическим исследованиям киберпространства и киберкультуру можно отнести работы Д. Белл¹¹⁶, М. Кастельс¹¹⁷. Также киберпространство исследуют как ноосферное явление¹¹⁸, формообразующую для культуры основу. Ряд других исследований определяют и анализируют характеристики виртуальной реальности киберпространства^{119 120}.

Понятие «виртуальная этничность» ввел в 1998 году М. Постер¹²¹ в контексте создания Интернет-сообществ этнокультурной тематики и рассматривал этот феномен в оптике развития конструктивистской теории, как и Р. Брубейкер¹²².

Ряд исследований, важных для данной диссертационной работы, посвящены аспекту самоидентификации человека, которая формируется через взаимодействие с другими пользователями в виртуальных сообществах. Этому посвящены научные труды Ш. Теркла¹²³, П. Коллока¹²⁴, Г. Рейнгольда¹²⁵, Б. Уэллмана¹²⁶, Б. Латура¹²⁷. Они наделяют цифровые

международной научно-практической конференции «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах». 2002.

¹¹⁴ Иванов, Д. В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема // Проблемы теоретической социологии. 2000. № 3.

¹¹⁵ Макеев, С. Н., Макеев, А. Н. Проблемы идентификации личности в социальных сетях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2015. № 8 (58).

¹¹⁶ Bell, D. *The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. New York, 1973.

¹¹⁷ Кастельс, М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М., 2000.

¹¹⁸ Абрамов, Р. Н. Сетевые структуры и формирование информационного общества // Социологические исследования. 2002. № 3.

¹¹⁹ Микешина, Л.А., Опенков, М.Ю. *Новые образы познания и реальности*. М., 1997.

¹²⁰ Suler, J.R. *Identity Management in Cyberspace* // *Journal of Applied Psychoanalytic Studies*. 2002. Vol. 4.

¹²¹ Poster, M. *Virtual Ethnicity: Tribal Identity in an Age of Global Communications* // *CyberSociety 2.0. Revisiting Computer-Mediated Communication and Community*. Thousand Oaks, 1998.

¹²² Брубейкер, Р. *Этничность без групп*. М., 2012.

¹²³ Turkle, S. *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*. New York, 1995.

¹²⁴ Kollok, P., Smith M. *Managing the virtual commons: Cooperation and conflict in computer communities* // *Computer-Mediated Communication: Linguistic, Social, and Cross-Cultural Perspectives*. Amsterdam, 1996.

¹²⁵ Рейнгольд, Г. *Умная толпа: Новая социальная революция*. М., 2006.

технологии статусом одного из главных инструментов мобилизации и солидаризации людей.

Формированию этноидентичности в цифровом пространстве и посредством виртуальных коммуникативных актов посвящены научные работы Т. Н. Белимовой¹²⁸, М. Грановеттера¹²⁹, И. Г. Дроновой¹³⁰, М. О. Макушевой¹³¹, З. А. Махмутова¹³², С. Милгрэма¹³³, Я. Л. Морено¹³⁴ и других.

Таким образом, проблематика современных культурных практик этнокультурной идентификации, включая этническую манифестацию в сети Интернет, является предметом интенсивных научных исследований в современной теории и истории культуры, и ряде других гуманитарных и социальных научных дисциплин. Однако культурные практики этнической манифестации таких этнокультурных групп Арктической зоны Красноярского края как долганы, нганасаны, кеты и селькупы до настоящего времени исследованы не были. Данное обстоятельство предопределило выбор предмета и объекта данного диссертационного исследования.

Предметом исследования является трансформация этнической манифестации.

Объектом исследования выступает трансформация этнической манифестации коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края.

Цель исследования – выявление и анализ особенностей этнической манифестации коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края в сети Интернет.

¹²⁶ Wellman, B. Network analysis: some basis principles // Sociological theory. 1983, Vol 1.

¹²⁷ Latour, B. On technical mediation // Common knowledge. 1994. Vol. 3. № 2.

¹²⁸ Белимова, Т. Н. Этническая манифестация коренных народов Сибири в сети Интернет [Электронный ресурс] : выпускная квалификационная работа бакалавра. Красноярск, 2018.

¹²⁹ Грановеттер, М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4.

¹³⁰ Дронова, И. Г. Нарративный подход к анализу этнической идентичности: возможности и перспективы // Наука и современность. 2010. № 2-3.

¹³¹ Макушева, М. О. Трансформации идентичности ненецкой молодежи в инокультурной среде //Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4.

¹³² Махмутов, З. А. Новые формы функционирования и воспроизводства этничности (татарские этнолокализованные виртуальные сообщества) // Кавказология. 2019. №2.

¹³³ Milgram, S. The Small-World Problem // Psychology Today. 1967. Vol. 1.

¹³⁴ Moreno, J. L. Who Shall Survive? A New Approach to the Problem of Human Interrelations. Washington, D.C., 1934.

Гипотезой диссертационного исследования является предположение, что новые формы этнической манифестации коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края, развивающиеся в связи с процессами глобализации в период конца XX – начала XXI веков, основываются на использовании знаков, символов, образов традиционной культуры. При невозможности полноценного функционирования традиционной культуры в современных условиях создание символических систем, которым приписываются свойство «традиционности», которые продолжают выполнять функцию регулятора и систематизатора жизнедеятельности этнокультурного сообщества. И наибольшими возможностями для репрезентации этничности с помощью данного культурного механизма обладает художественная культура.

Для достижения поставленной цели и проверки научной гипотезы необходимо решение следующих **задач**:

- выполнить критический анализ концепций этнической манифестации и этнической идентификации в контексте культурологических исследований;
- определить актуальные подходы для исследований этнической манифестации в области цифровой этнографии и обосновать выбор этих подходов в качестве концептуальной основы и методологической стратегии культурологического изучения этнической манифестации;
- смоделировать интеллектуальную историю традиционных форм этнической манифестации коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края и проанализировать их современное состояние;
- раскрыть особенности виртуальной этничности коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края как формы культурной идентичности посредством проведения эмпирического культурологического исследования с последующей теоретической интерпретацией его результатов.

Теоретико-методологическими основаниями диссертационного исследования выступили конструктивистские подходы к изучению

этнической манифестации и этнической идентичности – теория «воображаемых сообществ» Б. Андерсона, концепция культуры К. Гирца.

Специфика культурных исследований этнической идентификации и ее манифестации уточнена посредством теории культуры Д. В.Пивоварова. Исследование форм этнокультурной манифестации в частности художественной культуры, потребовало применение культурологического анализа, разработанного Д. В.Пивоваровым, Н. П. Копцевой и В. И. Жуковским.

Прикладное культурологическое исследование виртуальных сообществ коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края осуществлялось с помощью методов цифровой этнографии, анализа контента и культурологического анализа.

В диссертационном исследовании были использованы общенаучные теоретические и эмпирические методы исследования – наблюдение, анализ, синтез, сравнение и интерпретация.

Основные результаты диссертационного исследования.

1) Сделан критический анализ классических и современных концепций этнической манифестации и этнокультурной идентичности в контексте культурологической проблематики, осуществлена систематизация данных концепций. Определено, что актуальным пространством для репрезентации этничности этнокультурных групп является цифровая сфера.

2) Цифровая этнография определена как одно из ведущих направлений современных исследований этнической манифестации в сети Интернет. Она обоснована как предметное пространство для реализации базовых концептуальных подходов и методологической стратегии в контексте культурологического анализа репрезентации этничности. Новые медиа, в частности, социальные медиа представлены как ключевые форматы для актуальной репрезентации этничности коренных малочисленных народов Арктической зоны.

3) Смоделирована интеллектуальная история традиционных форм этнической манифестации коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края и выполнен анализ их современного состояния. Определение особенностей этнической манифестации коренных групп Арктической зоны проведено с помощью культурологического анализа элементов этнокультурной идентичности. Выявлено, что художественная культура является ведущей сферой конструирования и воспроизводства культурных знаков, символов, образов, на основе которых формируются современные культурные практики этнической манифестации этих этнокультурных групп.

4) На основании проведенного прикладного культурологического исследования цифровых сообществ кетской, селькупской, нганасанской и долганской этнокультурных групп определена специфика виртуальной этничности коренных малочисленных народов Арктического Красноярского края как формы культурной идентичности.

Научная новизна диссертационного исследования

1) В контекст культурологического анализа введены некоторые новые концепции этнической идентичности, впервые проанализированные в контексте исследования этнической манифестации. Уточнены сильные стороны этих концепций для целей теории и истории культуры.

2) В контекст современной культурологии введена проблематика, связанная с активно развивающейся цифровой этнографией, в частности, обосновано использование понятия «виртуальная этничность» для теоретико-культурологического исследовательского пространства.

3) Последовательно представлена интеллектуальная история и современное состояние культурных механизмов этнической манифестации коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края.

4) Проведено новое прикладное культурологическое исследование, интерпретация результатов которого позволила выделить и проанализировать ключевые элементы, составляющие виртуальную

этничность коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края на примере долганской, кетской, нганасанской и селькупской этнокультурных групп.

Положения, выносимые на защиту:

1) Критический анализ классических и современной концепций этнической манифестации и этнокультурной идентификации показал, что в современной культурологии сложились и закрепились два основных подхода: примордиалистский и конструктивистский. Исследования же этнической манифестации находятся на начальной стадии теоретизирования, однако складывающиеся в современном исследовательском пространстве концепции позволили конкретизировать культурные практики этнической манифестации и выделить репрезентацию этничности конкретной этнокультурной группы как базовую культурную практику конструирования социальной коммуникации, в ходе которой транслируются и воспроизводятся этнокультурные социоцентрические идеалы.

2) Концепции цифровой этнографии и ее методологические стратегии должны быть введены в современную теорию и историю культуры для изучения этнической манифестации как культурной практики репрезентации этничности современных этнокультурных групп в сети Интернет. Активно формируется социально-культурное пространство Интернета как одно из ключевых, а для некоторых этнокультурных групп единственное, пространство реализации межэтнической коммуникации в условиях глобализационных процессов развития общества. Использование новых медиа для этнической манифестации постепенно становится базовой практикой современной этнокультурной идентификации.

3) Анализ традиционных форм этнической манифестации коренных народов Арктической зоны Красноярского края и анализ их актуального состояния показал, что художественная культура выступает регулятором воспроизводства культурных знаков, символов, образов, на основе которых формируются современные культурные практики этнической манифестации.

Выделяется два вида культурных практик этноманифестации: экстерииоризирование, направленное на формирование публичного образа этнокультурной группы, и интерииоризирование, связанное с ретрансляцией этничности внутри этнокультурного сообщества. Публичный образ конструируется посредством воспроизводства и репрезентации стереотипизированных знаков, символов, образов художественной культуры этнокультурных сообществ.

4) Проведенное прикладное культурологическое исследование показало, что этничность в цифровом пространстве репрезентирована как форма культурной идентичности, и для ее поддержания и функционирования определяется и осуществляется циркуляция культурных знаков, символов и образов, общая для ее носителей система этих знаковых систем, кодирующих общность для интенсификации солидарности этнокультурной группы. В цифровых сообществах коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края такой знаково-символически-образной системой выступает комплекс элементов культуры, которые репрезентируются в качестве традиционных.

Теоретическая и научно-практическая значимость работы заключается в следующем:

Во-первых, уточнено понятие этнической манифестации, расширено понимание особенностей ее форм, механизмов конструирования, а также определены факторы, влияющие на процессы трансформации. Определены и зафиксированы значимые идеи, методологические возможности, которые раскрывают классические и современные концепции в контексте данной проблематики. На основании теорий и исследований отечественных и зарубежных ученых определена специфика становления этничности коренных малочисленных народов Севера в трансформационных процессах этнической манифестации. Результаты диссертационного исследования раскрывают методологические возможности и эффективность цифровой

этнографии в качестве стратегии изучения в культурологических исследованиях.

Во-вторых, результаты настоящей работы могут быть использованы специалистами в области культурологии, культурной антропологии, цифровой этнографии, социологии, психологии. Зафиксированные методологические и концептуальные аспекты трансформации этнической манифестации индигенных народов Севера могут быть применены в исследованиях подобной тематики и проблематики.

В-третьих, теоретические положения настоящего диссертационного исследования могут быть применены в научно-исследовательской и преподавательской деятельности, при составлении учебных программ по теоретическим и прикладным дисциплинам, таким как «Теория культуры», «Социальная (культурная) антропология», «Техники анализа текстов культуры» и др.

В-четвертых, данная исследовательская работа способствует формированию интереса к изучению этничности, процессов этнической идентификации, этнической манифестации коренных малочисленных народов Севера и ее трансформации в настоящее время. Также проведенное исследование может быть полезным при осуществлении государственной национальной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера.

Апробация полученных результатов

Основные результаты исследования были представлены в докладах диссертанта в ходе работы ежегодной международной научно-практической конференции «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы» (2017 – 2019 гг.). Также результаты исследования были представлены в работе в качестве исполнителя федеральных и краевых грантов: «Актуальные способы сохранения эвенкийского культурного наследия» (2018-2019 гг.),

«Фронтальные территории в городах Сибири и Дальнего Востока (2019-2020 гг.)».

Результаты диссертационного исследования опубликованы в виде 14 научных трудов по теме диссертационного исследования, из них в рецензируемых научных журналах, входящих в международную информационную базу Scopus – 6, рекомендованных ВАК – 7, прочие публикации – 9. Индекс Хирша Scopus – 2, РИНЦ – 5.

Структура диссертации определена целями и задачами работы, состоит из введения, двух глав (4 параграфов), заключения, списка использованной литературы (269 наименований). Объем диссертации – 176 страниц.

1 Теоретические и методологические подходы в культурологических исследованиях этнической манифестации

Феномен этнической идентичности востребован в качестве объекта исследования широкого круга социогуманитарных наук. Ее рассматривают как определение тождественности «я» совокупности качеств, зафиксированных определенной этнической группой как характерных только ей. В свою очередь этническая манифестация связана с формами, механизмами, правилами самопрезентации, а также с особенностями публичного проявления этничности. Этнокультурной группой в ходе существования, развития отбирается система подходящих ей инструментов и способов самопрезентации. Этноманифестация является сложным комплексным феноменом, однако, в настоящее время не имеет общепринятого определения, но подходы к ее исследованию активно развиваются. Исследователями отмечается первичность этноидентификации относительно ее манифестирования, поэтому в первом параграфе анализируются и теоретические подходы к изучению этнической идентичности.

Взаимосвязанность экономических, политических, социальных изменений, внедрение новых информационных технологий и следующая за ним автоматизация и информатизация процессов жизни социума создают глобальную культуру. И, несмотря на их очевидные позитивные последствия и влияние, они же являются причинами для стирания границ этнической идентичности. Глобализационные факторы способствуют размыванию этноинтегрирующих факторов таких, как языковой, поведенческий, мировоззренческий и т.п. Происходит активное взаимодействие между различными этносами, что приводит к обмену ментальных программ. А повсеместная информатизация может стать причиной унификации традиций, традиционного уклада жизни, норм поведения представителей различных этнокультурных групп. Поэтому первый параграф также посвящен

исследованию классических и современных теорий этнических, социальных и культурных трансформаций. В результате проведенного исследования определяются ключевые теоретико-методологические положения, важные для данного диссертационной работы.

Второй параграф раскрывает возможности цифровой этнографии в качестве методологической стратегии исследования этнической манифестации. Применение интернет-технологий является неотъемлемой частью повседневных практик. Цифровое пространство приобрело статус сфер не только и не столько развлекательной. Для современного человека пространство Интернета является образовательной платформой, а также местом поиска и обретения нужных контактов и услуг, для репрезентации различных аспектов идентичности человека, в том числе этнической. Этноманифестация активно актуализируется именно в интерактивном пространстве, которое дает преимущества перед манифестацией этнической идентичности вне цифровой среды.

Виртуальная этничность и ее самопрезентация в сети Интернет, конструируемая в различных социальных медиа, является предметом исследования цифровых этнографов. Второй параграф обобщает имеющиеся в этой научной области подходы, методы в современных исследованиях процессов этнической манифестации, представленных в интерактивном пространстве Интернета, рассматривает цифровую этнографию как стратегию исследования самопрезентации этнокультурных групп в пространстве Интернета.

1.1. Этническая манифестация и процессы этнической идентификации как предмет культурологических исследований

Целью первого параграфа диссертационной работы является анализ теоретических и методологических подходов к изучению понятий «этническая идентичность», «этническая идентификация». Ценность исследований этих феноменов высока, так как они отражают комплекс точек зрения на один из важнейших способов самоопределения человека. С одной стороны, человек осмысливает себя в рамках диалектических категорий «я – мы», «свой – чужой», с другой стороны, процесс и результат этнической идентификации связан с развитием уникального группового самосознания, когда человек понимает себя как представителя и члена «особенной» социально-культурной группы.

В рамках параграфа представлены классические и современные теории этнической идентичности, гранд-теории и актуальные подходы исследования этнических и социальных трансформаций, поскольку взаимообусловленность социальных, политических, экономических, культурных преобразований влияет на состояние идентификационных этнических процессов.

Понятие «идентичность» и процесс ее трансформации еще некоторое время назад развивались в области психологических исследований, поскольку идентичность трактовалась как свойство психики выражать в концентрированном виде принадлежность или тождественность с различными общностями. Однако эти общности могут быть выделены по социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и прочим основаниям.

Термин «идентичность» стал частью научной лексики этносоциологии, антропологии и других гуманитарных областей научного знания в семидесятых годах двадцатого века благодаря исследованиям Э. Эриксона,

чьи труды¹³⁵,¹³⁶ являются классическими. В них представлены стадии развития личности, которые человек проходит на протяжении жизни. Исследователь не сформулировал однозначного определения понятия «идентичность», но зафиксировал основные положения о содержании и эмоциональной природе идентичности. Чувство идентичности понимается как личностное тождество и историческая непрерывность личности во времени и пространстве, усиливающееся в течение жизни человека. Э. Эриксон одним из первых акцентировал внимание на процессуальности природы этого феномена: идентичность не является результирующим фактом, остающимся неизменным, а конструируемым и реконструируемым в течение жизни. Он также зафиксировал многоуровневую структуру идентичности, выделив индивидуальный, личностный и социальный уровень.

Определение этничности является одним из значимых процессов в самоидентификации человека, основанной на выявлении общих или специфических признаков с некой общностью. Этническая же идентификация, в свою очередь, направлена на установление имеющихся или отсутствующих признаков, свойственных конкретной этнокультурной группе. Этническая идентификация активизирует работу действия уникального группового самосознания, из-за которого человек начинает осознавать себя как члена «особенной» социально-культурной группы.

Этническая идентификация формируется посредством получаемого человеком социального опыта. Принимая участие в тех или иных процессах, субъекты могут быть идентифицированы как члены определенной этнокультурной группы, если они репрезентируют соответствие критериям, дифференцируемым ее от иных общностей.

С точки зрения внутригрупповой жизни, этноидентификация человека как представителя «своего» этнического сообщества базируется на системе культурных черт, отличающими их от других. В случае с каждой конкретной

¹³⁵ Эриксон, Э. Жизненный цикл: Эпигенез идентичности: хрестоматия по психологии личности. Самара, 1996.

¹³⁶ Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

этнической группой критерии могут быть как объективные, так и субъективные: в определении этничности одной группы будет иметь значение кровная родственность как основополагающий критерий, в ином случае – система социальных маркеров как признаков этнической дифференциации. Также различаются инструменты и способы этнической манифестации, являющиеся характерными для конкретного этнокультурного сообщества, считающиеся приемлемыми и неприемлемыми, и т.д.

История научной разработки вопроса этнической идентификации берет начало с определения термина «этничность» в сороковых годах двадцатого века в связи с изменениями и последствиями постколониальной политики и движениями этнических движений за свои права. Появляющиеся в тот период времени интерпретации этой дефиниции отсылают к различным областям гуманитарного знания – психологии, социологии, политологии и т.д.

В области этнологии этническую идентичность называют одним из видов идентификации личности, заключающаяся в осознании индивида себя как части определенной этнической общности, актуализируя для себя важные и жизненно необходимые ценностные ориентиры, характерные для конкретной этнической группы. Однако, представление об этнической идентификации шире представления о ней, чем только соотнесение личности с другим представителем этнической группы. Л. М. Дробижева отмечает, что этническое самосознание включает в себя множество аспектов: «Мы понимаем <этническое самосознание> широко: это «образ мы», т. е. и этнические стереотипы, и представление о происхождении, историческом прошлом своего народа, о языке, о культуре, территории проживания и, что принципиально важно, мы включаем в этническое самосознание этнические интересы, то есть осознаваемые людьми потребности своего народа»¹³⁷.

¹³⁷ Дробижева, Л. М. Этническое и историческое самосознание народов СССР на рубеже последнего десятилетия XX в. (в конце 60-х – нач. 90-х гг.) // Духовная культура и этническое самосознание. 1991. С. 19.

Элементами этнической идентификации являются язык, религия, культура, тип психики, именно на их основе формируются ценности, преемственность традиций, символы и т.п. определенной этнической группы. В. Г. Шелепов¹³⁸ определил несколько элементов, на основе которых происходит этническая идентификация – этнические стереотипы, этнические симпатии и антипатии, этноцентризм и, главное, осознание людьми своей этнической обособленности – именно они формируют смысловые позиции, свойственные конкретной этногруппе и которые позволяют ее дифференцировать.

Г. Г. Шпет¹³⁹ обозначает этническую идентичность как переживание своего тождества с этнической общностью, тем самым дифференцируя себя и эту группу от других, производя отделение «я-мы» от других. Также он отмечает динамичность процесса этнической самоидентификации и ее трехступенчатую структуру, которые протекает на трех уровнях – на уровне индивида, социума и культуры.

В. Ю. Хотинец, считает, что «этническую идентичность следует рассматривать по аналогии с психосоциальной идентичностью Эриксона, которая содержит в себе ряд самоидентификаций, таких как культурная, этническая, языковая, религиозная и некоторые другие, базирующихся на исключительных этнокультурных особенностях этнической группы»¹⁴⁰. Он считает, что базой этнической идентичности выступает этническая самоидентификация.

Если термин «этничность» начал широко использоваться в зарубежной науке с 40-х годов двадцатого века (его выдвинул Л. Уорнер с коллегами), то в отечественную научную терминологию он вошел только в период перестройки ввиду политических причин, когда произошло обострение межэтнических отношений на постсоветском пространстве, и снова возник

¹³⁸ Шелепов, В. Г. Общность происхождения – признак этнической общности // Советская этнография. 1968. № 4.

¹³⁹ Шпет, Г. Г. Введение в этническую психологию. СПб., 1996.

¹⁴⁰ Хотинец, В. Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000. С. 120-121.

интерес к исследованию этнических вопросов. Статья С. В. Чешко «Человек и этничность»¹⁴¹ стала базисом для начала теоретической дискуссии.

В процессе изучения этнической идентификации, по мере накопления теоретических и практических знаний о данном научном вопросе, были разработаны три основных подхода в исследованиях этничности, и соответственно им определения этнической идентификации: примордиалистский (эссенциалистский), инструменталистский и конструктивистский.

Примордиалистский подход сформировался под влиянием эволюционизма и в качестве основы этнической идентификации указывает биологические, географические или культурные факторы. Идентификация по этническому признаку происходит через осознание групповой принадлежности, исходя из существования глубоких связей человека с определенной общностью людей. Биологическими и географическими основополагающими причинами для формирования определенной этноидентификации называют общую для конкретной общности территорию проживания, расовый тип, склад психики. В качестве факторов культуры, определяющих этническую идентификацию, представители данного подхода называют язык, экономику, выбираемую этой группой религиозную систему, мировоззрение. Они влияют и определяют на преемственность моделей поведения индивида, выбора ценностных ориентиров и т.д.

Этничность в примордиалистском подходе рассмотрены в произведениях Л. Н. Гумилева¹⁴², П. Ван ден Берге¹⁴³, К. Гирца¹⁴⁴, Ф. Барта¹⁴⁵ и Д. Мойнихэна¹⁴⁶, С. М. Широкогорова¹⁴⁷, Ю. В. Бромлея¹⁴⁸, В. В. Пименова¹⁴⁹. Ж. Девосе¹⁵⁰, Л. Романуччи-Росса¹⁵¹.

¹⁴¹ Чешко, С. В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6.

¹⁴² Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Звено между природой и обществом. — М.-Л., 1979.

¹⁴³ van den Berghe, P. L. From the Popocatepetl to the Limpopo // Authors of Their Own Lives: Intellectual Autobiographies by Twenty American Sociologists. Berkeley, 1990.

¹⁴⁴ Гирц, К. Интерпретация культур. М., 2004.

¹⁴⁵ Барт, Ф. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М., 2006.

¹⁴⁶ Moynihan, D. P. Pandaemonium: Ethnicity in International Politics. Oxford, 1994.

Примордиалистский подход включает в себя два вида интерпретации этнической идентификации – эволюционно-исторический и социобиологический. Эволюционно-исторический подход рассматривает этнос как сообщество, чье существование и сущность обусловлены комплексом исторических причин, предпосылок, последствий.

Социобиологический подход в примордиализме полагает этничность объективной данностью, начальной характеристикой человека, получаемой при рождении. Социобиологический ракурс изучения этничности представлен в работах Л. Н. Гумилева, который развил идеи М. С. Широкогорова. Этнос считается естественным явлением, его характеризуют общность происхождения и культуры.

Одно из направлений данного подхода рассматривает этноидентификацию как категорию социальной биологии, а именно как форму родственной связи или родственного отбора, как инстинктивный импульс. Также этничность понимается как социальная форма групповой лояльности, причиной которой становится потребность человека быть частью некоего объединения, иметь преемственную принадлежность. И таким образом – через выстраивание этнических корней – Э. Смит¹⁵² удается выстроить генеалогию современных наций.

Интерпретация этнической идентификации в рамках современных примордиалистских подходов признает ее формой групповой социальной идентичности, обладающей субъективной природой. Субъективная природа той или иной формы этнической идентичности оформлена посредством культурно-языковых признаков, образованных через географическое расселение этнической группы. Этническая идентификация понимается как

¹⁴⁷ Широкогоров, С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. М. 2012.

¹⁴⁸ Бромлей, Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история и современность. М., 1987.

¹⁴⁹ Пименов, В. В. Массовые этнологические исследования: методы и техника. М., 1995.

¹⁵⁰ Тишков, В. А. Реквием по этносу. М., 2003.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Смит, Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.

неотъемлемая часть личностной самоидентификации, без которой индивид не способен определять личное и социальное значение существования, подчеркивая важность сохранения этноидентификации. В рамках примордиализма изменение этнической идентичности рассматривается как неестественный процесс, навязанный человеку.

Инструменталистский подход основывается на социологическом функционализме, и этничность рассматривается как инструмент борьбы различных групп за привилегии, как результат политических мифов. Представители инструменталистского подхода полагают, что этническая идентификация не является ключевым видом самоидентификации человека, определяющим его поведение и который индивид манифестирует в повседневной жизни наиболее часто. Этническая идентификация человека, определенной общности или нескольких групп пребывает в латентном состоянии.

В инструменталистской интерпретации этническую идентификацию группы мобилизуют и задействуют для роста социальной мобильности определенной этнической группы или групп, и она функционирует для социального контроля, получения благ для этнической группы, преодоления конкуренции и т.п. Как отмечали Н. Глейзер и Д. Мойнихан «в некоторой степени, правомочно утверждение, что те формы идентификации, которые основаны на различных социальных реалиях, таких, как религия, язык и национальное происхождение, имеют нечто общее (так, например, для ссылки на все эти понятия используется новый термин – «этничность»). Общим для нас всех является то, что оно стало важным центром мобилизации групп на достижение конкретных политических целей, оспаривая первенство такой мобилизации у класса, с одной стороны, и у нации – с другой»¹⁵³.

¹⁵³ Glezer, N., Moynihan D. P. Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge (USA), 1976. P. 24.

Часть представителей этого подхода отмечают психологическую функцию этнической идентификации в том случае, когда она используется как инструмент солидаризации членов группы, восстановления утраченной или сниженной по каким-то причинам гордости за этническую группу, а также как средство терапии по ее реабилитации, по утверждению Д. Горовица¹⁵⁴.

В современном гуманитарном знании подходы к исследованию этничности не взаимоисключают друг друга – наиболее содержательные и значимые аспекты подходов интегрируются в исследованиях. Так конструктивистский подход в том числе содержит в себе смысловые основания примордиалистского и инструменталистского. Конструктивистский подход учитывает контекст существования определенной этнической группы и этноидентификация рассматривается в системе социальных диспозиций на разных уровнях: с точки зрения внутреннего колониализма (М. Хечтер¹⁵⁵), межгрупповой аспект анализируется в контексте теории культурной границы¹⁵⁶ (Ф. Барт) и транснациональный уровень мировых систем (И. Уоллерстайн). Ключевые теоретики этого направления – Б. Андерсон¹⁵⁷, Р. Бурдье, Э. Геллнер¹⁵⁸, Э. Хобсбаум¹⁵⁹ – утверждают универсальность проявления этничности, поскольку ее проявляет каждый человек в той или иной степени.

В рамках конструктивистского подхода важно отметить информационную концепцию этничности, последователями которой являются С. А. Арутюнова¹⁶⁰, Н. Н. Чебоксаров и И. А. Чебоксарова¹⁶¹: они фиксируют возрастающую роль этнической идентификации по причине того, что она способствует удовлетворению потребности в психологической

¹⁵⁴ Горовиц, Д. Л. Смертельный этнический бунт. 2001.

¹⁵⁵ Празаускас, А. А. Этнос и политика: хрестоматия. М., 2000.

¹⁵⁶ Барт, Ф. Этнические группы и социальные границы. М., 2006.

¹⁵⁷ Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism, 1991.

¹⁵⁸ Gellner, E. Nations and Nationalism. 1991.

¹⁵⁹ Hobsbawm, E. J. E. Nations and Nationalism, 1991.

¹⁶⁰ Культуры, традиции, их развитие и взаимодействие. Люистон, 2002.

¹⁶¹ Чебоксаров, Н. Н., Чебоксарова, И. А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985.

стабильности представителей этноса. Следующее за определением этнической принадлежности обращение к аксиологической системе этнокультурной группы, по мнению авторов концепции, является ответом на происходящие в обществе изменения.

Конструктивизм определяет этнос как конструкт, формируемый посредством интеллектуального воздействия отдельных личностей и поведенческих моделей, передающихся от поколения к поколению и репрезентирующие смыслообразующие символы этнокультурной группы.

В данном подходе этничности не характеризуется статичностью существования, напротив, традиции, обычаи и т.п. не являются незабываемыми. Они трансформируются с течением времени и сменой обстоятельств – преобразования могут затрагивать содержание обычаев при сохранении внешней стороны обрядов и наоборот.

Этноидентичность является результатом умственной деятельности индивида, когда он как представитель этнокультурной группы (как и другие ее представители) видит и формирует себя такими, какими его видят остальные члены сообщества. Этнической идентификации свойственна ситуативность, в результате воздействия определенных факторов она может усиливаться или ослабевать – когда определение этничности уступает место другому виду идентичности в некоторых обстоятельствах. Идентичность в данном случае не свойство, существующее изначально, а формируемое качество, состояние которого развивается, наполняется новыми смыслами. Этничность может быть изменена в ходе социального взаимодействия: ее составляющие элементы приобретают иное внешнее оформление и внутреннее наполнение теряют свою актуальность и перестают выполнять свою функцию как составляющую идентичность часть. И вновь через процессы социального взаимодействия новая форма этнической идентичности закрепляется.

Среди перечисленных выше теорий для данного диссертационного исследования значима конструктивистская концепция Б. Андерсона¹⁶²: он рассматривает нацию как сконструированное сообщество, особенность которого в его «воображаемости». Сообщество формируется не на основе повседневного общения участников, тем не менее, они мыслят себя его частью. Автор утверждает невозможность встречи и общения с каждым представителем национального объединения, поэтому сообщество функционирует на основании наличия единого образа национальной группы в сознании ее представителей. Характеристика «воображаемое» определяет некую субъективную деятельность, через которую создается реальность этой группой. Представители имеют общий ментальный образ сходства, который и позволяет им полагать себя как единое.

В данной концепции сообщество для человека являются условно родственной средой, нахождение внутри деятельности которого дает ощущение дома, пребывания среди близких людей, единомышленников. Поэтому, воображая нацию, этническую группу, люди моделируют своего рода семей, с общими целями и способностью понять друг друга.

Б. Андерсон отмечает, что воображаемых умозаключений для существования сообщества недостаточно – необходимы материальные проявления воображаемости, некий символический фундамент, за счет которого будет реализовываться воображение, и осуществляться солидарность группы. Такими коммуникационными агентами могут выступать язык, власть, время, определенные ритуальные практики. Значение языка сводится не только к его коммуникативной роли, а также к пониманию его как системы сакральных символов. Важными выводами этой теории является акцентирование наличия и воспроизведения материальных носителей смыслов для поддержания существования воображаемого сообщества. Формы этих носителей воображаемой солидарности зависят от самого сообщества – они определяют, каким именно они конструируют его.

¹⁶² Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

Процессы трансформации глобального уровня наблюдаются во всех сферах жизни общества. Факт перемен, безусловно, значим, однако наиболее важными видятся качественные показатели произошедших и происходящих изменений, а также их темпы развития. Вопросы, касающиеся этнической идентичности, связаны с глобальными процессами социальной трансформации современного мира. Исходя из этого, исследования, посвященные социальным трансформациям, необходимо представить в данной части диссертационного исследования.

Как и многие феномены, история изучения процесса общественных изменений берет начало в период античности. Научные работы ученых этого периода являются основополагающими в исследовании социальных трансформаций, исторического времени; ими разработаны и представлены механизмы описания процессов изменений в социальной сфере. К классическим трудам о социальной трансформации также относят работы философов Нового времени И. Канта¹⁶³ и Г. В. Ф. Гегеля¹⁶⁴.

Работы М. Вебера¹⁶⁵, К. Маркса и Ф. Энгельса¹⁶⁶ задают линию развития исследований интересующей нас темы в социальной философии и социологии – они выводят идеально-типические конструкции, отражающие онтологию социальных систем. Ученые были сторонниками метода интерпретации в исследованиях социальных изменений – они не только рассматривали социальное действие, но и занимались поиском цели и смысла происходящего преобразования в обществе. Также М. Вебер отмечал значимость культурных воздействий, оказываемых религий, на возникающие трансформации.

Предметом изучения А. Дж. Тойнби¹⁶⁷, К. Ясперса¹⁶⁸, Т. де Шардена¹⁶⁹, М. Блока¹⁷⁰, Дж. Коллингвуда¹⁷¹ и О. Шпенглера¹⁷² является дискурс

¹⁶³ Кант, И. Собрание сочинений в 8 томах. М., 1994 г.

¹⁶⁴ Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии. СПб., 1993.

¹⁶⁵ Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2003.

¹⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2 / [Электронный ресурс] // URL: <http://politazbuka.info/biblioteka/marksizm/702-marx-karl-engels-friedrich-sochineniya-2-e-izdanie.html>

¹⁶⁷ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: сборник. М., 2002.

¹⁶⁸ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

изменений в обществе, социальном порядке. В работах этих философов истории определены и сформулированы параметры исторического процесса, условно выделяемые фазы развития, через которые проходят цивилизации, описаны критерии трансформационных процессов. Их понимают, как ответ на глобальные вызовы своего времени – это вызов устоявшемуся укладу жизни. Примерами подобных вызовов могут быть различные катаклизмы, устройство общества, действия милитаристского толка, культурная экспансия и т.д.

Важно отметить работы К. Мангейма¹⁷³, Ж. П. Сартра¹⁷⁴, Э. Гуссерля¹⁷⁵, П. Рикера¹⁷⁶ М. Фуко¹⁷⁷. Их объединяет принцип деятельностного подхода, в рамках которого человек понимается как субъект культурно-исторического творчества: он конструирует историческое прошлое и настоящее, реализуя связь времен. Именно человеческая деятельность является смыслообразующей для окружающего мира. Авторы отстаивают точку зрения, что не существует изначально заданной действительности, нормы и правила, принятые в конкретном обществе, формируются исторически в оптике определенных событий, социальных отношений, через конкретные структуры распределения власти. Исследователи полагают, что развитию истории свойственно не только поступательная смена эпох, но также скачкообразность, кумулятивность: поскольку именно человек является главной творческой единицей истории, то и состояние конкретного региона в конкретное время будет характеризоваться уникальностью человеческих мыслей. В данном подходе принципиально изучение дискурса определенного общества, поэтому и идентичность человека рассматривалась в контексте социальных преобразований. Человек не задан самому себе – он

¹⁶⁹ Шарден, П. Т. де. Феномен человека. М., 1987.

¹⁷⁰ Блок, М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.

¹⁷¹ Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

¹⁷² Шпенглер, О. Закат Европы. М., 1998.

¹⁷³ Мангейм, К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

¹⁷⁴ Сартр, Ж. П. Экзистенциализм - это гуманизм. М., 1989.

¹⁷⁵ Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия. // Вопросы философии. 1986. № 3.

¹⁷⁶ Рикер, П. Герменевтика и метод социальных наук. М., 1995.

¹⁷⁷ Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

конструирует себя, осуществляя выбор и совершая поступки. П. Рикер предлагает модель динамической идентичности или «повествовательной» идентичности.

Ф. Бродель¹⁷⁸ и И. Валлерстайн¹⁷⁹, Б. Ю. Кагарлицкий, А. И. Фурсов, А. В. Коротаев¹⁸⁰ рассматривали трансформационные социальные процессы через идею единого мира-системы, мира-экономики. В рамках концепта мира-системы изучается жизнь не отдельных социумов, а социальная эволюция одной и более систем обществ. Ф. Бродель, исследуя исторический процесс, предложил принимать во внимание экономические и географические факторы. Историческое же время структурировано через наличие трех уровней – короткое, среднее и длительное. Короткое время свойственно во временами смены событий, например, политических; среднее – циклическое по своей сути, характерное в период смены социокультурных процессов; длительное же время наблюдается, по мнению автора, во время проживания цивилизаций.

Представители отечественной науки занимались разработкой вопроса социальных преобразований. Значительное место в концептуализировании данной категории занимают исследования Н. Бердяева¹⁸¹, Н.Я.Данилевского¹⁸², Л.П.Карсавина¹⁸³, П.А.Сорокина¹⁸⁴, А.И.Соловьева¹⁸⁵, чьи научные работы вышеперечисленных ученых относят к классическим трудам.

Одним из важных исследований для данной диссертационной работы является концепция П. Бергера и Т. Лукмана, изложенная в 1966 году в трактате «Социальное конструирование реальности»¹⁸⁶, согласно которой

¹⁷⁸ Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М., 2006.

¹⁷⁹ Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

¹⁸⁰ Коротаев, А. В. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. М., 2010.

¹⁸¹ Бердяев, Н. Новое Средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М., 1990.

¹⁸² Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995.

¹⁸³ Карсавин, Л. П. Философия истории. СПб., 1993.

¹⁸⁴ Сорокин, П.А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.

¹⁸⁵ Соловьев, А. И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества. М., 1998.

¹⁸⁶ Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.

социальная реальность является и субъективной, и объективной одновременно. Социальная реальность объективна ввиду независимости от индивида, и в то же время она определяется людьми. Люди формируют социальные феномены, например, один из результатов их институализации – традиции.

Конструирование социальной реальности – это постоянный процесс. Она продуцируется людьми через интерпретации явлений и воспроизведения знаний о ней. В зависимости от того, какими смыслами люди наделяют повседневные процессы, социальная реальность может быть изменена, в результате чего совершается акт социальной трансформации. Социальные интеракции призваны поддерживать состояние явлений, составляющих социальную реальность. Повседневные представления являются результатом договоренности людей, поэтому система ценностей, традиции, социальные институты и т.д. являются объективной реальностью для человека, т.е. человек становится актором и конструирует социальную реальность.

Процессы этнической идентификации – ее определение, проявление, трансформация, репрезентация – протекают в рамках социокультурного развития в целом и культурных преобразований в частности, поэтому в следующей части диссертационной работы будут рассмотрены концептуальные положения теорий о трансформациях в культуре.

В период трансформаций культуры одни культурные идеалы, ценности, аксиомы теряют свою актуальность, их значимость падает, они перестают выполнять заложенную в них функцию. И место не действенных аксиологических единиц занимают новые. Объекты и содержательные элементы культуры, неготовые меняться в обстоятельствах новых реалий, становятся жертвами трансформаций. С изменением мировоззренческих парадигм создается новая культурная реальность – и этот процесс одним из наиболее важных в области социокультурного развития.

Глобальный мир, в котором сейчас живут люди, становится все более многосоставным и взаимообуславливаемым, но перманентный процесс

трансформации не проходит бесследно для его состояния – устойчивым остается рост конфликтов и критических ситуаций. Скорость изменений, протекающих в сфере культуры, является причиной развития неопределенности относительно настоящего положения дел и будущего, что порождает состояние нестабильности из-за отсутствия стратегического плана будущего образа культуры, к которому должен прийти социум после произошедших модификаций. В такой ситуации именно научные дисциплины о культуре могут выступить методологической осью в управления сложными системами в условиях критических преобразований.

Ситуации трансформации, как правило, связаны с пограничными состояниями, состоянием перехода – смены качеств. Даже незначительное, на первый взгляд, изменение может вызвать последствия глобального масштаба. Современные трансформации культуры обеспечивают переключение от локальных контекстов к глобальным.

Область трансформаций культуры является одной из сложнейших в сфере гуманитарных наук. Поскольку наукам о культуре свойственна междисциплинарность, то даже учения упомянутых выше исследователей обоснованно привести в этой части исследования. Однако обратимся к еще не названным ученым.

Исследованием эпохальных переходов в культуре занимались О. Конт¹⁸⁷, В. Вундт, Х. Плеснер¹⁸⁸, П.Т иллих¹⁸⁹, Э. Мунье¹⁹⁰, И. Гердер¹⁹¹, М. П. Погодин, Н. И. Надеждин¹⁹², К. Н. Леонтьев¹⁹³, И. А. Ильин, Л. С. Выготский¹⁹⁴, М. М. Бахтин¹⁹⁵, Я. Э. Голосовкер¹⁹⁶, Ю. М. Лотман¹⁹⁷ и др.

¹⁸⁷ Конт, О. Общий обзор позитивизма. М., 2011.

¹⁸⁸ Плеснер, Х. Ступени органического и человек. М., 1988.

¹⁸⁹ Тиллих, П. Избранное. Теология культуры. М.; СПб, 2015.

¹⁹⁰ Мунье, Э. Манифест персонализма. М., 1999.

¹⁹¹ Гердер, И. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

¹⁹² Надеждин, Н. И. О русских народных мифах и сагах, в применении их к географии и особенно к этнографии русской. 1857.

¹⁹³ Леонтьев, К. Н. Как надо понимать сближение с народом? М., 1881.

¹⁹⁴ Выготский, Л. С. Психология развития человека. М., 2005.

¹⁹⁵ Бахтин, М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. Калуга, 1996.

¹⁹⁶ Голосовкер, Я. Э. Имагинативный реализм // «Архе»: культурологический ежегодник. Вып. 1. 1993.

¹⁹⁷ Лотман, Ю. М. Статьи по типологии культуры: Материалы к курсу теории литературы. Тарту, 1970.

Современные научные концепции также исследуют критические и переходные состояния культуры. Н. А. Хренов¹⁹⁸ рассматривает состояния изменения парадигмы культурной системы как смену циклов ее развития. З. Бауман, В. М. Межуев¹⁹⁹, Ф. Фукуяма²⁰⁰ рефлексиируют относительно современной культуры: в концепции последнего она становится конфликтом истории и постистории, а В. М. Межуев видит в современности причину кризиса цивилизационной идентичности, З. Бауман постулирует современную культуру как кризис и распад индивидуализма.

В оптике социальных связей исследуют трансформации культуры А. С. Ахиезер²⁰¹, Э. С. Маркарян²⁰² и А. Хоннет²⁰³. Так культурный кризис рассматривается как нарушение коллективного опыта (концепция А. Хоннета), или как разобщенность и нефункциональность социальных связей (Э. С. Маркарян), или как проблема воссоздания системы социальных сетей (А. С. Ахиезер).

Тему глобализации культуры развивают в своих исследованиях Ю. Хабермас²⁰⁴ и С. Хантингтон²⁰⁵: первый ученый рассматривает ее как коммуникативный сдвиг, а второй обращается к понятию «глобальный кризис» и понимает его как столкновение цивилизаций. Концепция К. Гирца фиксирует две стадии трансформации – изменение социального порядка и изменение культурных ценностей, т.е. предполагает преобразование структур социума и смену мировоззренческих парадигм. Трансформация в этом случае конструируется и как результат преобразований, и как ее инструмент.

Ситуация трансформации культуры отнимает у культурного феномена прежнее значение или переносит это значение на иной феномен, тем самым культура меняется и разрабатывается иная система культурных знаков. Эта

¹⁹⁸ Хренов, Н. А. Культура в эпоху социального хаоса. М., 2002.

¹⁹⁹ Межуев, В. И. Идея культуры. М., 2006.

²⁰⁰ Fukuyama, F. The End of History and the Last Man. New York, 1992.

²⁰¹ Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск, 1998.

²⁰² Маркарян, Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973.

²⁰³ Хоннет, А. Право свободы: очерки демократической нравственности // Кантовский сборник. 2011. № 12.

²⁰⁴ Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы. М., 2017.

²⁰⁵ Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

мысль нашла отражение в работе А. М. Кантора²⁰⁶, который понимал переходный процесс как путь перекодирования культуры. А согласно концепции Б. К. Малиновского²⁰⁷ культурные трансформации относительно быстры, они затрагивают социальный порядок, при этом зачастую оставляя его сущностные стороны прежними. Также кризис культуры изучается через характеристики недостаточности: кризис может рассматриваться как недостаток культурной реальности или опустошение культуры, ее симуляцию или критическое состояние понимается как обезличивание культуры.

В целом, можно выделить следующие направления исследования феномена культурных трансформации в зависимости от объектов интерпретации:

- 1) изменения культуры, изучаемые в контексте критических состояний культуры, глобальных вызовов цивилизации представляют;
- 2) кросс-культурные и мультикультурные исследования и вопросы изменения, становления и производства культурных форм, взаимодействия инноваций и традиций;
- 3) феноменологическое понимание онтологических параметров культурных преобразований;
- 4) трансформации культуры в оптике развития структурных единиц, на институциональном уровне трансформации, а также коммуникативный аспект процесса изменений.

Трансформация в культуре может быть представлена как конечный результат произошедшего изменения, а может являться процессуальным актом, в ходе которого сущность культурного явления переводится из одного состояния в другое. Также трансформация может выступать инструментом актуализации определенных феноменов культуры, их сущностных свойств и характеристик, радикально их преобразовывая. Основанием для

²⁰⁶ Кантор, А.М. Духовный мир русского горожанина. М. 1999.

²⁰⁷ Малиновский, Б. Научная теория культуры. М. 1999.

преобразования культуры является несоответствие между относительной стабильностью культуры и изменчивость мира вокруг, условий развития мирового сообщества – изменение культуры происходит на фоне культурно-исторического контекста. Несмотря на преобразования, культура не прекращает свое существование – она обладает адаптивной устойчивостью благодаря балансу традиционного и инновационного в культурном процессе. С одной стороны, культура стремится закрепить идеалы, с другой стороны, ей необходимо адаптироваться к меняющимся условиям.

Процессы этнической трансформации происходят в контексте социокультурных и исторических обстоятельств. Ими могут выступать изменение этнополитического статуса определенных этнокультурных групп, тенденции глобализации в развитии общества с одной стороны, и установка на мультикультурализм для сохранения этнического мира, с другой, активные процессы интеграции, направленные на сохранение уникальности культуры этнических групп, и многое другое.

В условиях резких и глобальных социальных перемен человек находится в поиске основания для стабилизации жизни, ценностного стержня; в такие моменты исторического развития человеку важно ощутить себя частью целого. И этническая идентификация может выполнять важную эмоциональную функцию – она способствует социальной адаптации и повышению уровня безопасности, роста уверенности через обретение эмоциональных связей с представителями общностью.

В настоящее время учеными как зарубежными, так и отечественными активно разрабатывается проблема этнических трансформаций, в частности глобальной среде. Одними из фундаментальных исследований, посвященных вопросам этнической идентичности и ее трансформации, являются работы Л. М. Дробижевой²⁰⁸, которые посвящены исследованию трансформации сущности феномена «этничность» в российских реалиях (от советского

²⁰⁸ Дробижева, Л. М. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006.

периода до наших дней), а также межэтническому взаимодействию, и В. А. Тишкова²⁰⁹. Область научных интересов В. А. Тишкова связана с проблемами этничности, политической антропологии и теории этнологической науки, правами этнических меньшинств, в том числе народов Арктики России и США.

Один из востребованных векторов изучения трансформации этнической идентичности – исследование этнического конфликта, за которым может следовать минимальное или глобальное изменение составного элемента этнической идентичности конкретной группы. И этнический конфликт в дискурсе конфликта социального является предметом исследования классических теоретических трудов Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, К. Боулдинга, Р. Дарендорфа, Н. Смелзера²¹⁰. Современные научные концепции рассматривают социальный аспект этнического конфликта с позиции гражданского противостояния, в ходе которого одна и более сторон представлены этнической группой. Сторонниками данной концепции являются В. А. Тишков, А. Г. Здравомыслов, М. О. Мнацаканян, П. Брасс²¹¹, Э. Смит²¹².

Следуя идее Ф. Барта²¹³ об этничности как о процессе взаимодействия самоопределения группы и внешней категоризации, современные исследователи называют этническую идентификацию динамическим социальным процессом. И если этничность может быть трансформирующейся в течение жизни человека, соответственно, практики и механизмы ее репрезентации также меняются. На ее определение могут оказывать влияние множество условий – от социальных условий до культурного плюрализма. Поскольку самоидентификация по этническому

²⁰⁹ Тишков, В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

²¹⁰ Смелзер, Н. Социология. М., 1998.

²¹¹ Brass, P. Ethnicity and Nationalism. Theory and Comparison. New Delhi Newbury Park, 1991.

²¹² Smith, A. D. Nations and Nationalism in Global Era. Cambridge, 1995.

²¹³ Барт, Ф. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий. М., 2006.

принципу является сознательным процессом, то человек может выбирать этническую идентичность так же, как гендерную, политическую и т.п.

По замечанию З. Баумана, проблема идентичности означает проблему вовремя сделанного выбора, т.е. корректно рассматривать этническую идентификацию и ее трансформацию как смену системы коллективных убеждений, действий, находящихся во взаимодействии с физическим пространством, где они в равной степени влияют друг на друга.

Специфика культурных исследований этнической идентификации и ее манифестации в данном диссертационном исследовании уточнена через концепцию культуры как идеалообразования в синтетической концепции Д. И. Пивоварова²¹⁴, ²¹⁵ и утверждается как основа для культурологического исследования этноманифестации.

Культура возникает, воспроизводится в материальных и духовных памятниках, развивается, трансформируется, воплощая в каждом своем образце сумму предшествующей деятельности. Памятники культуры запечатлевают в себе знаки и символы, важные для представителей определенной общности, систему мировоззренческих ценностей, тем самым репрезентируя идеалы данной культуры.

Согласно теории культуры, как идеалообразования памятник культуры обладает двумя формами воплощения – материальной и духовной, которые репрезентирует собой идеал культуры. Материальное воплощение идеала определено эстетическими представлениями, принятыми в конкретной культуре. И материалистический аспект бытности идеала отвечает совершенным, эталонным критериям – т.е. субъекты группы признают эти критерии таковыми. Духовная воплощение идеала связано с концентрированным содержанием мировоззренческих установок, значений в нем. И материальная сторона, и духовная сторона идеала являются доступными для рецепции носителями культуры.

²¹⁴ Пивоваров, Д. В. Синтетическая парадигма в философии: избранные статьи. Екатеринбург, 2011.

²¹⁵ Пивоваров, Д. В. Социоцентрические религии. Екатеринбург, 2015.

Появление, дальнейшее развитие, существование и угасание идеалов связано с деятельностью субъектов культуры, они определяют их возникновение и отчуждение. Идеалы могут быть сформированы постепенно в ходе коллективных действий членов общности, могут быть определены отдельным субъектом (как правило, это яркий представитель, обладающий способностью породить идеал, который будет признан остальными членами условной группы – гений, пророк и т.п.). В ходе коллективных действий конструируется идеал – мировоззренческие установки «проходят отбор» на соответствие представлениям данной группы, принятие его остальными членами группами происходит постепенно, в итоге идеал может оказаться отвергнутым представителями культуры. Идеал становится понятным и доступным для субъектов, за ним закрепляется значение, интерпретирующееся конкретным образом членами общности. Некоторые идеалы могут быть направлены на стабилизацию процессов, протекающих внутри культурной общности, некоторые – на уничтожение и т.д. Место былых идеалов занимают новые идеалы, которые формируются постепенно. Так процесс идеалообразования перманентен, и он осуществляет бытование системы культуры.

Для процесса формирования идеала, с точки зрения автора синтетической концепции культуры, необходимо соблюдение трех условий. Первым условием является наличие чувственно-явленной формы идеала – объекта, материально воплощающего его. Эта форма признаваема субъектами культуры как эталонная, она выполняет функция репрезентанта этой сферы реальности. Например, любой предмет этнической культуры фиксирует в себе эстетические представления конкретной этнической группы, которые наделяются статусом совершенных. Второе условие становления идеала в своем статусе определяется тем, что в чувственном его воплощении интериоризируется субъектом схема действия с эталоном, в результате чего идеал становится признан в качестве репрезентанта. Субъекты конкретной культуры способны «считать» эту схему действий, а

для представителей иной культуры эта схема может оказаться труднодоступной или закрытой для понимания. Например, элемент этнической одежды с множеством функциональных деталей субъект этнической культуры распознает назначение всех элементов, выбор материалов, декора, символических знаков и т.д., оценивает единство эстетического воплощения предмета культуры и его функциональности. Именно качество операциональности становится главным свойством для реализации эталонных качеств, заложенных в идеале. Субъект в процессе действия идеала получает эмпирические знания о свойствах эталона и впоследствии экстраполирует знания о нем на реальность, на пространство взаимодействия мира и человека. Это третье условие формирования идеала.

Социум является частью системы культуры, поэтому социальная культура также представляет собой процесс идеалообразования. И поскольку социальная система развивается и функционирует для актуализации и реализации системы мироотношения, заложенных в культурных идеалах, то ядром идеалообразования социальной сферы является социальный идеал.

Он воплощается в таких социальных категориях, как родина, государство, нация, род, деньги, наука и т.п. Д. В. Пивоваров называет их объектами социоцентрических религий. Они находятся между человеческими родом и индивидом, с одной стороны, и социальными институтами, объектами искусственной природы, с другой. Эти категории представляют собой формацию, фиксирующую схему социального действия – определенное социальное отношение и схему экстраполяции на субъективный фрагмент реальности. Социальный идеал зависит от содержания программы культурного идеала, и он реализовывает ее. Таким образом, он становится коммуникатором между человека и социумом, гармонизирующим единение человека и мира. В концепции Д. И. Пивоварова идеал такого рода получил название социоцентрического и является фундаментом социоцентрической религии. Здесь стоит уточнить, что автор подразумевает под религией: в рамках теории идеалообразования религия

есть не только связь человека с Абсолютом, а осознанно переживаемая человеком связь с Абсолютом; под осознаваемой связью с Абсолютом понимается сакральное мироотношение. И религия, согласно исследователю, может быть, как формой индивидуального сознания, так и общественного.

Социоцентрический тип религии – «гражданская религия», «секулярная религия» – сосредоточен на сакрализации тех объектов, которые возникают внутри общности – социальные идеалы становятся центром общественной жизни каждого, они становятся ядром всего сущего. Человек, чье существование строится вокруг следования социоцентрическим идеалам, является «родовым человеком», его бытность солидаризована с бытностью остальных членов общности.

В рамках данной диссертационной работы эта теория важна, поскольку она дает теоретические основания для уточнения понятия «этническая манифестация». Социоцентрические идеалы этнокультурной группы закрепляются в ее бытности в процессе коллективной деятельности. Определенный объект этнической культуры становится носителем информации и смыслов, которыми ее наделили члены этой группы, она понятна и воспринимается, ретранслируется всеми представителям этой общности. Через взаимодействие с идеалами осуществляется коммуникация между членами этнической группы, между человеком и миром, между группой и миром – социоцентрические идеалы выстраивают программу действия этнической группы и реальность.

Посредством этой теории определена гипотеза данного исследования: этническая манифестация связана с процессами идеалообразования, характерных для этнокультурных групп. В ходе этнической манифестации репрезентируются именно социоцентрические идеалы этнической общности. И этническая манифестация является сложным процессом социальной коммуникации, в ходе которого актуализируются социоцентрические идеалы. Однако, в диссертации исследуются не все возможные формы

этнической манифестации, а проявляющиеся в форме культурных текстов, опираясь на значение культуры как текста согласно теории К. Гирца.

Концепция культуры как текста текстов К. Гирца²¹⁶ рассматривает культуру как символическую форму, которую конструирует сам человек. В течение жизни человек действует в рамках культурных программ, состоящих из символов и их значений для упорядочения своего поведения.

Если обратиться к аспекту этнической идентификации, то этнокультурная группа наделяет символические сети определенным социоориентированным (в рамках жизнедеятельности этнокультурной группы) значением, принятым в сообществе в ходе культурогенеза. Понимая, какое значение стоит за каждой символической сетью, возможно осуществление коммуникации в границах этнокультурной группы. Регулярная коммуникация постоянно актуализирует те или иные культурные тексты в зависимости от контекста ситуации.

Текстом может являться любое действие, если этническая группа наделяет смыслом свой опыт. И подобные культурные тексты воспроизводятся регулярно этническим объединением. И этническую группу допустимо называть этнокультурной группой. Таким образом, этническая манифестация как самопрезентация этничности группой является разновидностью социальной коммуникации, свойственной этнокультурной группе. Значимыми процессами данной социальной коммуникации является трансляция и, как следствие, воспроизводство этнокультурных социоцентрических идеалов.

Выводы параграфа

Термин «идентичность» вошел в научную лексику в семидесятых годах двадцатого века благодаря исследованиям Э. Эриксона, именно он дифференцировал индивидуальную и социальную идентичность, к коей

²¹⁶ Гирц, К. Интерпретация культур. М., 2004.

относится и этноидентичность. Уже первыми исследователями была отмечена процессуальный характера идентичности.

Этническая идентификация конструируется посредством получаемого человеком социального опыта и процессов относительно его этничности, а также степени вовлеченности в эти процессы. Этноидентификация оперирует категориями «я – мы; мы – я» и основывается на соответствии индивида системе культурных черт, отличающими одну этническую группу от другой. Система критериев различия в каждой этнокультурной группе. Также каждая группа отбирает в ходе культурогенеза комплекс подходящих инструментов и способов этнической манифестации.

Идентичность любого рода не является неизменной в течение жизни человека – в определенных условиях она может трансформироваться. Изменившаяся этноидентичность трансформирует систему ее репрезентации и манифестации ввиду неактуальности каких-либо идеалов культуры, внешних обстоятельств, связанных с политическими, экономическими и иными причинами. Трансформация этнической идентичности означает ситуацию перехода, при которой происходит не только изменение качества элементов, из которых выстраивается идентичность, но и сущностное их преобразование в новый вариант системы культуры.

По мнению исследователей, в ситуации быстро меняющегося мира этническая идентичность может выступать пространством комфортного существования человека, поскольку позволяет ему обратиться к элементам этнической культуры, связанных с реализацией состояния стабильности, как, например, традиции. Культурно-исторический контекст, на фоне которого разворачиваются модификации этноидентичности, оказывает глобальное воздействие на бытность этнической культуры. И в условиях социальных, экономических, политических и культурных преобразований трансформация актуализирует те формы этнической культуры, которые могли определяться (часто неосознанно) носителями культуры как проблемные, не значимые или же, наоборот, обострять ключевые составляющие идентичности.

Трансформация этнической идентификации – это направленный интериоризированный процесс преобразования, который реализуется посредством внедрения и встраивания ранее чужеродных элементов в систему этнической культуры, не разрушающих ее, а направляющих работу системы иным образом, тем самым постепенно система начинает функционировать в другом формате. Таким образом, изменение результата этнической идентификации, с одной стороны, закрепляет определенные идеалы, с другой стороны, этническая культура репрезентирует себя как гибкая система с мощным адаптивным свойством преобразовываться в зависимости от внешних и внутренних факторов, чтобы продолжить существование в изменяющейся социокультурной парадигме.

Теория воображаемых сообществ фиксирует важное для исследования этнических процессов и их трансформации качество – объединения по национальному или этническому принципу конструируются в сознании субъектов, являясь воображаемыми. Соответствие определенной этнической группе происходит через общий ментальный образ сходства. Но «воображаемость» сообщества не исключает, а подчеркивает необходимость материальных носителей, выражающих чувство единения, ощущения человека в кругу единомышленников и близких. Это символические опоры, помогающие «воображаемости» обрести реальную основу. Проблема идентичности в таком случае означает ситуацию выбора – трансформация этноидентичности становится сменой системы коллективных убеждений, действий и т.п.

Теория Д. И. Пивоварова позволяет уточнить суть процесса этнической манифестации. Социоцентрические идеалы группы фиксируют те содержательные элементы этнической идентичности, которые в концентрированной форме представляют уникальность мироотношения представителей этнокультурной группы. Идеалы этого типа служат для роста солидаризации членов группы, поскольку для социоцентрических идеалов

отбираются такие объекты, которые в максимальной степени являются ядром бытности всей группы.

Этническую группу позволительно называть этнокультурной, опираясь на концепцию культуры К. Гирца. В рамках его теории культурным текстом является любой акт, явление, объект, наделяемые значением. Этнокультурная же группа определяет смысл действий в пределах жизнедеятельности их общности. Для поддержания существования этнокультурной группы значения ритуалов, практик и т.п. должны возобновляться, осуществляя постоянное воспроизведение социоцентрических идеалов. И этническую манифестацию можно рассматривать как процесс социальной коммуникации: социоцентрические идеалы этнокультурной группы репрезентируют важные для нее мировоззренческие ценности, понимаемые членами группы и ретранслируемые ими.

1.2. Цифровая этнография как методологическая стратегия культурологического изучения этнической манифестации

Второй параграф посвящен определению условий, видов репрезентации этноидентичности в виртуальной среде, в частности, в социальных медиа на основе методов киберэтнографии. Появление и развитие глобального коммуникационного пространства приводит к трансформации территориальной и социальной структур общества, как в масштабах мира, так и в отношении отдельной взятой территории, что в свою очередь трансформирует систему культуры в целом и этническую культуру в частности. О таких трансформациях еще в 1964 года заявил один из главных теоретиков сферы новых медиа Маршал Маклюэн²¹⁷, определив современную культуру как культуру, основанную на электричестве, а также заявив, что в связи с безграничным развитием информации люди становятся вовлеченными в дела друг друга на уровне вовлечения в собственные проблемы.

Этнические виртуальные сообщества рассматриваются как пространство репрезентации этнической идентичности, а также основные коммуникативные технологии «этнических» практик, представленных сегодня в интерактивной среде. Структура параграфа выстроена через последовательное рассмотрение классических (несмотря на свою непродолжительную историю развития направления на данный момент) и современных теорий киберэтнографии, теоретических и методологических подходов, основных положений исследования этнической манифестации методами этого направления.

В определении термина «манифестация» заложен принцип совместного действия группы для публичного выражения солидарности, мнения по какому-либо поводу – группа презентует себя как общность, объединение,

²¹⁷ Маклюэн, Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.

заявляет о себе не контексте внутригрупповой жизни, а на более широкую аудиторию: «проявление, публичное выражение мнения. Это совокупное действие известной группы людей, имеющее целью косвенно заявить свое недовольство правительству или властям»²¹⁸. Определение манифестации подчеркивает групповой характер мнения, важность его заявления на публику, а также необходимость сделать официальное заявление – обратиться к обществу. Также «манифестация» подразумевает процессуальность выражения мнения или заявления, т.е. важна регулярность проявления идентичности группы. Этническая манифестация же основывается на ретрансляции социоцентрических идеалов этнокультурной группы, осуществляющих коммуникацию между ее членами. Уровень интернетизации общества позволил перенести этническую манифестацию в цифровую сферу, обладающей большими возможностями для репрезентации общественного мнения.

Современные исследователи не пришли к единому выводу о том, что есть Интернет и о способах, и степени его влияния на различные сферы развития общества. Некоторые до сих пор понимают интернет только как средство связи, позволяющее передавать данные, обеспечивающее комфортную технически коммуникацию. Однако, эта точка зрения находит все меньше единомышленников.

Интернет воспринимают, рассматривают и изучают как новую реальность и новую социальную среду, которая способствуют реализации разных потребностей человека – общение, обучение, развлечение, работа, а как аналог, технологически пришедший вслед за радиосвязью и телефонной связью.

Широкие социокультурные возможности виртуальной среды позволяют говорить о том, что получаемая информация из Интернета и возможности этого интерактивного пространства способны менять и

²¹⁸ Словарь иностранных слов русского языка. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/41422/%D0%9C%D0%90%D0%9D%D0%98%D0%A4%D0%95%D0%A1%D0%A2%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF

трансформировать современное общество. По утверждению современного классика в области цифровых исследований Л. Мановича, «медиамашины были необходимы для функционирования массового общества»²¹⁹. Не ограниченное ни временем, ни территориальными границами распространение одних и тех же текстов, визуальных и аудиальных образов среди большого количества людей в пространстве гарантирует распространение идеологических установок.

Социальные медиа сегодня дают человеку инструменты конструирования себя как личности и самоидентификации разных типов – личностной, социальной, гендерной, этнической, сексуальной и т.д. Не отходя от экрана технического носителя человек, может получить новые знания, завести знакомства, устроиться на работу, заработать деньги, т.е. сфера Интернет меняет жизнь человека регулярно, выводя на иной уровень реализацию потребностей индивида или группы. И информация, получаемая пользователем из сети Интернет, не является только информацией, но и средством формирования точек зрения, инструментом солидаризации или, наоборот, разобщения. Л. Манович называет такие возможности новых медиа – «производством по требованию» (production on demand) доставкой «точно в срок» (just in time) и подчеркивает, что эти характеристики особенно важны в развитии культуры. Человек, имея доступ к цифровым данным, компьютерным устройством, сегодня может производить и перепроизводить данные регулярно. Исследователь отмечает связь изменений, происходящих в медиатехнологиях и в социальном порядке: «Как логика старых медиа соответствовала логике индустриального массового общества, логика новых медиа соответствует логике постиндустриального общества индивидуального выбора»²²⁰.

Масштаб влияния социальных медиа на структуру общества оценивается по-разному: есть точки зрения, согласно которым произошла

²¹⁹ Манович, Л. Теории софт-культуры. Нижний Новгород. 2017. С. 17.

²²⁰ Манович, Л. Теории софт-культуры. Нижний Новгород. 2017. С. 31.

электронная революция, коренным образом изменившая культуру, другие точки зрения отстаивают мнение, что получение, обработка, распространение информации из Интернета накладываются на имеющиеся организационные структуры.

Информационно-коммуникативные трансформации влекут не только эволюционное преобразование или изменение отдельных элементов культуры, а изменение сущности системы культуры – за такими изменениями следует переход изменяющего качества в отличное от предыдущего состояние. Элемент системы культуры как клетка «заражается» или инфицируется, в ее границы встраивается нечто чужеродное, что запускает механизм изменений, и ДНК культуры постепенно трансформируется. Не происходит разрушения системы культуры, однако, изначально чужеродная системе культуры составляющая становится «своей», переписывая программу элементов, схем действий, знаковых систем культуры. Этот процесс трансформации сложноконтролируемый, он создает ситуацию мутации культуры. Возникла необходимость теоретически и методологически освоить новые феномены, которые стали предметом исследований нового научного поля.

Исследования вопросов идентичности разной направленности, реализовывающихся в цифровой среде, находятся на стадии активного становления – диапазон поднимающихся научных вопросов начинается от уточнения названия направления до определения методологического аппарата. Они принимают множество форм, появляющихся в разных дисциплинах – «цифровая этнография»²²¹, «виртуальная этнография»²²², «киберэтнография»²²³, «дискурс-центрированная онлайн этнография»²²⁴,

²²¹ Murthy, D. Digital ethnography: An examination of the use of new technologies for social research // *Sociology*. 2008. № 5.

²²² Hine, C. *Virtual ethnography*. Sage, 2000.

²²³ Robinson, L., Schulz, J. New avenues for sociological inquiry: Evolving forms of ethnographic practice // *Sociology*. 2009. № 43.

²²⁴ Androutsopoulos, J. Potentials and limitations of discourse-centred online ethnography // *Language@ internet*. 2008

«Интернет-этнография»^{225 226}, «этнография в Интернете»²²⁷, «этнография виртуальных пространств»²²⁸, «Этнографические исследования в Интернете»²²⁹, «связанная с Интернетом этнография»²³⁰ и «Сетевая этнография (Нетнография)»²³¹.

Цифровая этнография – область социальной и культурной антропологии, которая только начинает свое становление в научном мире. Это направление исследует взаимодействие человека и цифровых технологий. Методологические рамки цифровой этнографии близки методологическим подходам «традиционной» этнографии – включенное наблюдение, контент- и дискурс-анализ, насыщенное описание и глубинные интервью, и т.п. применяются в новой области этнографии, но контекст и объекты иные.

Объектами выступают элементы цифровой культуры – социальные сети, Интернет-форумы, виртуальные миры видеоигр, геотэги, мессенджеры, хештэги. Теоретические рамки виртуальной этнографии разнообразны – от конструктивистского подхода с теорией «воображаемых сообществ», символический интеракционизм (А. Н. Маркхам²³²), подходов, относящихся к социальной антропологии (Бёлсторф²³³), также относят и визуальные исследования.

Проведение цифрового исследования сопряжено с принципиальной необходимостью анализировать контекст: анализируемые объекты онлайн-среды ввиду специфичности самого пространства находятся в неразделимой

²²⁵ Boyd, D. How can qualitative internet researchers define the boundaries of their projects: A response to Christine Hine // *Internet inquiry: Conversations about method*. 2008.

²²⁶ Sade-Beck, L. Internet ethnography: Online and offline // *International Journal of Qualitative Methods*. 2004. № 3 (2).

²²⁷ Beaulieu, A. Mediating ethnography: objectivity and the making of ethnographies of the internet // *Social epistemology*. 2004. № 2-3.

²²⁸ Burrell, J. The field site as a network: A strategy for locating ethnographic research // *Field methods*. 2009.

²²⁹ Garcia, A. C. et all. Ethnographic approaches to the internet and computer-mediated communication // *Journal of contemporary ethnography*. 2009.

²³⁰ Postill, J., Pink S. Social media ethnography: The digital researcher in a messy web // *Media International Australia*. 2012.

²³¹ Kozinets, R. V. *Netnography: Doing ethnographic research online*. Sage publications, 2010. № 21 (2).

²³² Markham, A.N. *Fieldwork in Social Media What Would Malinowski Do?* URL: https://annetmarkham.com/wp-content/uploads/2010/04/QCR0204_05_Markham.pdf

²³³ Nardie, B., Burlstorff, T. *Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method*. Oxford, 2017.

связи, в виде гипертекста, перекрестных ссылок на различные информационные площадки. И каждое исследование предполагает индивидуальный набор методологических инструментов в зависимости от предмета исследования.

В рамках цифровой этнографии пространство Интернета не воспринимается только как инструмент исследования, когда изучаемые объекты могут быть исследованы только виртуально. Изучая Интернет, исследователи используют метафору пространства, среды со своими специфическими характеристиками – виртуально пространство изоморфно физическому.

Также онлайн-пространство – это не только первостепенность анонимности и возможность «спрятаться» за вымышленными именем, внешностью и биографией. Оно устроено по своим законам и правилам, оно воспринимается пользователями именно как пространство – человек активно использует речевые обороты «выйти в Интернет», «зайти в Интернет» и т.п., употребляя критерии пространства к тому, что не является им в традиционном смысле физических параметров.

Как было сказано выше, на момент становления цифровой этнографии активно использовались различные названия дисциплины, однако, по мере развития научной области произошла некоторая дифференциация: виртуальная этнография занимается изучением виртуальных миров компьютерных игр, анонимных форумов, т.е. тех цифровых площадок, которые слабо связаны с реальным миром и где человек может оперировать выдуманным именем, быть существом любого вида.

Классическим исследованием виртуальных миров считается работа Т. Бёлсторфф и Б. Нарди²³⁴, которая включает в себя историю и теорию этнографии, методологический алгоритм исследования от подготовительного этапа до этапа анализа результатов. Они постулируют необходимость изучения контекста в неvirtуальной среде как обязательный этап подготовки

²³⁴ См. ссылку 225.

и персонального интереса исследователя. Если же цифровой этнограф или антрополог исследует социальные сети, чаты в мессенджерах, где пользователи фиксируют имя, город проживания, место учебы и т.п., то тогда область исследования – цифровая этнография. Это связано с тем, что интернет, по выражению К. Хайн²³⁵, чей теоретический труд является одним из программных исследований цифрового пространства, является пространством взаимодействия – «cite for interaction». Социальные сети служат для связи с людьми из реальной жизни – одноклассниками, друзьями, родственниками и т.д., т.е. фиксируют совокупность отношений с людьми из разных сфер жизни пользователя, которая совмещает в себе виртуальную (контакты реализуются в Интернет-среде) и реальную стороны жизни.

Также набирает обороты направление мобильной этнографии, когда сбор данных происходит с помощью мобильного телефона. Считается, что это направление – органический продукт современных реалий, поскольку оно возникло в ответ на преобразования окружающей среды. Преимущества мобильной этнографии заключаются в экономических обстоятельствах и доступности проведения исследования – нет принципиальной необходимости полевых исследования для проведения антропологического наблюдения или сбора интервью, и т.д., а, главное, не существует временных, географических и иных ограничений. Исследование может значительно сократиться по времени проведения, поскольку возможно обращение к «цифровым следам», которые фиксируются в интернете.

Цифровые этнографические исследования связаны с изучением так называемых новых медиа. Как отмечается, фактически они не являются новыми, поскольку стали частью повседневной жизни пользователей. Новые медиа представлены телевидением, радио, интернетом, газеты – традиционные медиа, существующие на основе цифровой природы.

Новые медиа определяются тремя категориями: цифровым кодом, интерактивностью, интеграцией. Главной категорией, определяющей

²³⁵ Hine, C. Virtual Ethnography. Sage, 2008.

существование и функционирование остальных двух, является цифровой код. Интерактивность основывается на активном участии пользователя в создании содержания. В случае с традиционными медиа ключевая роль находилась в руках у менеджмента конкретного представителя медиа, у определенного социального института. Контроль распространения информации был сосредоточен у должностного лица или у государства. В случае же с новыми медиа пользователь, читатель является полноправным создателем содержания медиа, новые медиа общедоступны и могут распространяться через любого пользователя, поэтому важно понимать, что новые медиа размывают грань между создателем и потребителем сообщения. Важный аспект интерактивности, который Л. Манович²³⁶ назвал «cultural transcoding» – ввиду того, что цифровой код, компьютерная программа лежит в основе символических продуктов, выпускаемых новыми медиа, Интернет дает возможность изменять содержание любого сообщения. Коммуникация основывается на взаимодействии трех уровней – менеджмента, контента и потребления.

Социальные медиа – блоги, социальные сети, форумы, wiki-проекты – получили активное развитие с середины 2000-х годов, а сегодня являются ключевым инструментом формирования информационного пространства. Исследования социальных медиа проводятся М. Кинсом на базе Пенсильванского²³⁷, Л. Адамиком на базе Принстонского²³⁸ и М.Чиангом²³⁹ на Мичиганского университетов соответственно. Ученые обратились к исследованию сетевых сообществ, и ключевым выводом становится следующее: если сообщество в сети формируется на доверии и его уровень растет, то степень информированности ее членов зависит от количества друзей и знакомых, а не от суммы их знаний. И какой бы аспект идентичности ни репрезентировала группа, важна ее численность. В

²³⁶ Манович, Л. Язык новых медиа. М., 2018.

²³⁷ Keans, M. Networked Life. URL: <https://www.coursera.org/course/networks>

²³⁸ Adamic, L. Social Network Analysis. URL: <https://www.coursera.org/course/sna>

²³⁹ Chiang, M. Networks: Friends, Money and Bytes. URL: <https://www.coursera.org/course/friendsmoneybytes>

отношении социальных медиа коренных малочисленных народов Севера этот принцип значим: выше степень осведомленности будет у членов тех Интернет-сообществ, в которых будут участвовать представители разных этнокультурных групп, а не посвященные одной.

В отечественной науке одними из первых теоретическим осмыслением социальных медиа занялись В. П. Конецкая²⁴⁰ и А. В. Соколов²⁴¹. По мнению А. В. Соколова, «социальная коммуникация неразрывно связана с генетической и психологической смысловыми коммуникациями, которые служат ее необходимыми предпосылками, и вместе с тем она определяющим образом воздействует на становление и формирование последних»²⁴². А. Л. Барабаш²⁴³, М. А. Василик²⁴⁴, В. В. Юдаев²⁴⁵ отмечают ведущую роль социальных медиа в современных коммуникациях и возрастание количества сетевых сообществ, прогрессирующие масштабы сетевой активности.

С расширением информационного пространства пользователи социальных медиа все больше осознают свои сетевые потребности, в связи с чем появляются новые структуры для реализации их интересов, независимо от географии нахождения человека, от статуса гражданского, политического и любого другого. Расширяются возможности для идентификации человека в сетевом пространстве. Вопрос архитектуры таких сообществ принципиален, главным капиталом социальных медиа является их аудитория. Они строятся по принципу информированности: для формирования цифрового сообщества имеет значение, насколько пользователи знают его по «сарафанному радио».

Сегодня виртуальная жизнь человека является не просто дополнением к реальности, а имеет такой же статус реальности – только аналоговый, посредством Интернета. Виртуальная жизнь расширяет круг взаимодействий, открывает новые возможности для самовыражения, которых может не быть в

²⁴⁰ Конецкая, В. П. Социология коммуникации. М., 1997.

²⁴¹ Соколов, А. В. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002.

²⁴² Соколов, А. В. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002.

²⁴³ Barabasi, A. Linked: The New Science Of Networks. New York, 2002.

²⁴⁴ Василик, М. А. Основы теории коммуникации. М., 2003.

²⁴⁵ Юдаев, В. В. Информационные технологии в политическом процессе: теоретико-прикладной анализ : дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01, 2005.

повседневной жизни. В настоящее время самопрезентация представителей традиционных культур активнее актуализируется через социальные сети, специализированные форумы и сайты. В случае с представителями коренных малочисленных народов Севера Интернет-пространство становится иногда единственной площадкой для выражения этнической принадлежности и презентации своей этнической культуры ввиду географических социокультурных факторов. Пространство «мировой паутины» создает новые культурно-коммуникационные системы, влияя на содержание, формат коммуникации, становясь наиболее продуктивным способом усвоения и распространения информации. Н. Р. Вакулич²⁴⁶ отмечает также, что подобные коммуникации играют важнейшую роль в формировании новых и сохранении традиционных ценностей культуры в целом, так и отдельных традиционных культур. В контексте исследования этнической манифестации в сети Интернет важна тенденция локализации социальных сетей: специалисты пришли к заключению, что пользователи отдают предпочтение не столько трансконтинентальному общению, сколько частному, построенному на каком-то интересе пользователя, благодаря которому формируются горизонтальные коммуникационные связи.

Возможности интернета позволяют конструировать специфическую виртуальную среду, в которой формируются новые сообщества. Все интернет-сообщества создаются по добровольному принципу – пользователь сети вступает только в те сообщества, которые, с его точки зрения, представляют для него личный интерес. Вступление в то или иное сообщество происходит по желанию пользователя сети Интернет, где ему предоставляются практически безграничные возможности для самопрезентации.

Большинство пользователей регистрируются в той сети и тех Интернет-группах, которые отвечают его интересам и в которых состоят

²⁴⁶ Вакулич, Н. Р. Свобода и личность: социокультурные основания: автореферат дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. 2002.

родственники и друзья, сотрудники, коллеги. Это важный пункт в понимании функционирования таких объединений. Происходит добровольное формирование сообщества единомышленников, объединенных интересами, взглядами: цели создания группы, ценности становятся основой для ее «воображаемости». Пользователи могут быть разделены тысячами километров, часовыми поясами и контактировать только виртуально, однако, будут полагать себя общностью. Если сообщество не отвечает информационным, коммуникативным потребностям пользователя, то он покидает его и не поддерживает контакт.

Для социальных медиа важна добровольность присутствия в группах, общность ценностей, идеалов с остальными пользователями сообщества, возможность принимать участие в ее деятельности. Коллективными действиями по поддержанию солидаризации могут являться выбираемые темы, их востребованность у пользователей, количество и характер комментариев, частота посещения сообществ, уровень активности ведения сообщества (регулярность появления записей на «стене» виртуальной группы, вступление новых членов и удаление старых, характер взаимодействия между модераторами и пользователями) и т.д. Все это способствует формированию публичного образа виртуального объединения, у него складывается определенная репутация в цифровом пространстве. Также активность всех сторон группы влияет на востребованность среди других групп со схожей тематикой. Чем она выше, тем легче и проще ее найти. Например, человек запрашивает в электронной поисковой системе группы по теме садоводства в сети Вконтакте, первые страницы поисковой выдачи по интересующей тематике – самые многочисленные, самые активные сообщества и т.д.

Использование современных Интернет-технологий может существенно изменить идентичность этнических групп. Для цифровой этноманифестации происходит отбор определенных объектов, формирующих этничность этногруппы. Она выбирает для самопрезентации в социальных медиа иные

инструменты, нежели для манифестации в реальной жизни. Некоторые практики возможно представить именно в сети Интернет, а какие-то доступны для воплощения вне интерактивного пространства. В случае функционирования сетевых сообществ этнических групп ключевыми практиками самопрезентации являются обсуждение языковой ситуации, проведение национальных мероприятий, государственные дотации и необходимые процедуры для их получения и т.п. Во многом именно эти вопросы являются краеугольными в дискурсе сохранения и воспроизводства традиционной культуры. Также благодаря отсутствию физических границ распространения сети к самопрезентации привлекаются носители этнической культуры, находящиеся в разных концах мира, тем самым публичный образ сообщества более масштабный, глобальный характер.

Виртуальную этничность логично рассматривать как новую форму этнической самопрезентации. Представители различных этнических групп объединяются в сетевые сообщества по этическому принципу и в более крупные общности. Так, например, существуют группы типа «Селькупы» в сети Вконтакте и в тоже время эта группа дружелюбна в группой «Народы Севера России».

С одной стороны, можно сказать, что этноманифестация в сети Интернет является инновационной формой самопрезентации, однако, с нашей точки зрения, это новый тип этнической манифестации является логичным развитием и воплощением теории «воображаемых сообществ» Б. Андерсона. И в таком случае виртуальная этничность становится в ряд традиционных форм манифестации этнических групп.

Виртуальная этноманифестация объединяет людей, зачастую незнакомых друг с другом, разрывая физическое расстояние между ними и помещая в одно информационное пространство. В этом пространстве вырабатываются определенные критерии соответствия, и пользователь проверяет, подходит он или нет, после чего становится частью группы. С точки зрения Б. Андерсона она формируется посредством не общения, а на

конструировании и поддержании общего. Эти критерии соответствия могут быть прописаны в правилах сетевого сообщества, озвучены после подачи заявки для вступления в группу (некоторые социальные этнические медиа являются закрытыми и нужно пройти отбор в них у администратора группы).

Каждое сетевое сообщество само формулирует правила вступления в него. На этапе создания сообщества это делают администраторы, создатели, модераторы. Далее – совместная работа с пользователями по выработке правил, норм. Это возможно благодаря такому качеству социальных медиа, как интерактивность – члены сообщества и модераторы имеют возможность общаться, коммуницировать, создаются опросы по важным темам, когда уточняется мнение участников. Например, в одной случае для вступления в ряды цифровой группы необходимо ответить на вопросы об этнической культуре, в другом случае – сообщество имеет открытый доступ. Или одна группа из информационной повестки исключает конкретную тему и какой-то вопрос принципиально не обсуждает. Таким образом, конструируется субъективный вариант этничности, принятый в конкретном сетевом сообществе, и носитель этнической культуры волен выбирать подходящий ему из имеющегося выбора цифровых групп.

Также Б. Андерсон позиционировал общность как горизонтальное товарищество: сетевое сообщество этнокультурных групп позволяет людям устанавливать именно горизонтальные социальные связи. Разные сообщества взаимодействуют, поддерживают связь – проводят совместные виртуальные формы активности, которые также при стечении обстоятельств могут перейти в оффлайн пространство, могут выступать информационной базой друг для друга. Так цифровое сообщество, специализирующееся на поиске грантовых программ для представителей коренных малочисленных народов Севера, может предоставлять информацию группам, посвященным традиционной культуре, и наоборот. Благодаря этому может происходить

увеличение подписчиков в обоих объединениях, что способствует появлению новых возможностей для распространения публичного образа.

Разные формы идентичности конструируются в зависимости от степени медиации и ремедиации личности, в связи с чем все большую популярность приобретают этнографические и антропологические исследования онлайн-практик и коммуникаций, а также оффлайн-практик, сформированных процессами диджитализации. Как было сказано выше, зачастую сетевая этноманифестация является единственной возможностью самопрезентации коренных малочисленных народов Севера.

Исследования, посвященные этой проблеме представлены в работах З. И. Резановой²⁴⁷, Э. С. Белтона²⁴⁸, Э. Сиваллеро²⁴⁹, Р. Сринивасана²⁵⁰. Они дифференцируют уровни этнической манифестации и ее репрезентации посредством цифровых медиа, определяют роль веб-инструментов в процессе сохранения и распространения нематериального наследия коренных народов.

Значимость интернет-коммуникации в вопросе репрезентации этноидентичности, а также поддержания, сохранения и воспроизводства культурного многообразия коренных народов рассмотрена в работах Н. И. Гендина²⁵¹, М. А. Липатова и А. А. Богатырева²⁵², В. Н. Иванова и Г. Д. Петрова²⁵³, М. М. Михайловой²⁵⁴. Эти авторы называют интернет-

²⁴⁷ Резанова, З. И. Институциональная и личностная презентация национально-культурной идентичности в интернет-коммуникации: жанровые формы и дискурсивные стратегии // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375.

²⁴⁸ Belton, A. C. From Cyberspace to Offline Communities: Indigenous Peoples and Global Connectivity // Sage journals. Boulder, 2010. № 35 (3).

²⁴⁹ Civallero, E. Ancestral cultures in modern universes // Digithum. Barcelona, 2008.

²⁵⁰ Srinivasan, R. Indigenous, ethnic and cultural articulations of new media // International journal of cultural studies. US, 2008.

²⁵¹ Гендина, Н. И. Виртуальные средства межкультурных коммуникаций: сравнительный анализ самоидентификации коренных малочисленных народов на отечественных и зарубежных сайтах // Кемеровский государственный университет культуры и искусств. 2015. № 4.

²⁵² Богатырева, А. А., Липатова, М. Е. Актуализация межкультурного диалога в современном интернет-пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. № 1.

²⁵³ Иванов, В. Н., Петрова, Г. Д. Коммуникационные технологии как механизм сохранения культурной идентичности суваро-болгаро-чуваши // Информационное пространство региона : история, современность и актуальные проблемы: сборник материалов конференции. 2015.

²⁵⁴ Михайлова, М.А. Этнокультурная идентичность в условиях культурной глобализации // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 1.

коммуникации как один из главных ресурсов сохранения этно- и культурной идентичности.

Активная интернет-коммуникация стремительно актуализировала понятие «виртуальной этничности», введенное М. Постером²⁵⁵ еще в 1998 г. Под этим понятием автор понимал «взаимодействие реальных и виртуальных элементов в конструировании этнических групп». В отечественной науке, например, С. Ю. Белоруссова и А. В. Головнев²⁵⁶ рассматривают виртуальную этничность на стыке традиции и инновации: самопрезентация этноидентичности происходит посредством современных информационных технологий.

Исследования Н. М. Андерберга²⁵⁷, Дж. Лу²⁵⁸, М. А. Пожидаевой²⁵⁹ обращаются к медиа этнической тематики и номинируют Интернет-пространство как оптимальное для мигрантских сообществ – оно позволяет поддерживать связи с представителями их этничности в стране исхода и выстраивать новую этноидентичность, общаясь с мигрантами разной этничности и представителями принимающей стороны. К. Диамандаки²⁶⁰ исследует уровни объединения виртуальных идентичностей – этнически ориентированные сообщества, виртуальные диаспоры и цифровые нации – и делает вывод, национальная идентичность сегодня носит синкретический характер.

Медиа-технологии конструирования онлайн-идентичности рассматривают Р. Н. Мухаммад²⁶¹ и П. Бадка²⁶², К. Джейкоб²⁶³. В качестве механизма формирования идентичности определяется регулярность

²⁵⁵ Poster, M. Virtual Ethnicity: Tribal Identity in an Age of Global Communications // *CyberSociety 2.0. Revisiting Computer-Mediated Communication and Community*. Thousand Oaks, 1998. P. 186.

²⁵⁶ Белоруссова, С.Ю., Головнев, А.В. Виртуальная этничность — инновация на фоне традиции (введение в тему) // *Сибирские исторические исследования*. 2019. № 2.

²⁵⁷ Underberg, N. M., Zorn E. *Digital ethnography: Anthropology, narrative, and new media*. Texas, 2013.

²⁵⁸ Lu, J. *Theorising the impacts of digitally mediated social interaction on diasporic identity formation: a case of Chinese diaspora in Australia* // *Continuum*. 2015.

²⁵⁹ Пожидаева, М. А. Интернет-технологии как средство диаспорной коммуникации // *Идеи и идеалы*. 2016.

²⁶⁰ Diamandaki, K. Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace // *Global media journal*. 2003.

²⁶¹ Muhammad, N. R. et al. Uyghur Facebook use and diasporic identity construction // *IAMCR*. 2013.

²⁶² Budka, P. From Cyber to Digital Anthropology to an Anthropology of the Contemporary? // *Seminario Interno Lista Media Anthropology*, 2011.

²⁶³ Jacob, K. *The Kurdish Diaspora's Use of Facebook in Shaping a Nation: Facebook is My Second Home*, 2014.

появления ежедневных записей на «стенах» Facebook в уйгурском контексте и содержание личных страниц (на примере анализа страниц представителей КМНС, проживающих на территории Онтарио, Канада).

Вопросу о конструировании этничности в киберпространстве прогнозировали ассимиляцию ввиду глобального повсеместного использования медиаресурсов, однако, В. Маротта²⁶⁴ и Д. С. О²⁶⁵ пришли к выводу, что медиаресурс, напротив, поддерживает этничность в виртуальном пространстве. Но Э. В. Никитина²⁶⁶ говорит, что опасность утраты разнообразия и уникальности культур в глобальной сети существует в РФ и предлагает вариант решения проблемы через создание сетей на национальных языках народов России.

Л. П. Макфейден²⁶⁷ считает, что «реальная» этничность в основе своей содержит такие материальные феномены как территория, тело, ритуал и речь. И рассматривает этничность в электронной коммуникации не как коллективный конструкт – она рассеяна и индивидуализирована; также она соотносится с реальной, закреплённой культурой и территорией. С. М. Вилсон и Л. Питерсон²⁶⁸ говорят о контекстуализированной природе виртуальной этничности. Последователями конструктивистского направления киберэтнографии в отечественной науке являются С. Ю. Белоруссова²⁶⁹, А. В. Головнев²⁷⁰, Т. С. Киссер²⁷¹, З. Р. Хабибуллина²⁷².

²⁶⁴ Marotta, V. New online ethnicities and the politics of representation // Journal of intercultural studies. 2011. № 5.

²⁶⁵ Oh, D. C. Reconsidering ethnic media research: An argument for a diasporic identity framework // Atlantic Journal of Communication. 2016. № 5.

²⁶⁶ Никитина, Э. В. Этнические процессы в глобальном информационном пространстве // Информационное общество. 2014.

²⁶⁷ Macfadyen, L. P. Virtual ethnicity: the new digitization of place, body, language, and memory // Electronic magazine of multicultural education, 2006.

²⁶⁸ Wilson, S. M., Peterson, L. C. The anthropology of online communities // Annual review of anthropology. 2002.

²⁶⁹ Белоруссова, С. Ю. #Силакряшен: виртуальная жизнь непризнанного народа // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2.

²⁷⁰ Головнев, А. В. Кружение в кочевом и виртуальном пространстве-времени // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2.

²⁷¹ Киссер, Т. С. Виртуальная идентичность российских немцев // Сибирские исторические исследования, 2019. № 2.

²⁷² Хабибуллина, З. Р. Селфи в Мекке: харам или досточтимый хадж? // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2.

Современные практики репрезентации этнической манифестации изучают О. В. Труевцева²⁷³, Ю. А. Слепцов²⁷⁴, Н. А. Мамонтова²⁷⁵, Л. Н. Хаховская²⁷⁶. Данные работы позволяют составить представление о механизмах конструирования идентичности в медиaprостранстве. Зарубежные коллеги Г. Арруда и С. Крутковски²⁷⁷, Дж. Ф. Салазар²⁷⁸, Л. Бучман²⁷⁹ исследуют обмен информации в социальных сетях в контексте функционирования воображаемого сообщества и также отмечают приоритетное положение медиа в процессе этнической манифестации.

Крайне актуальный аспект рассматривают Ф. С. Андросова, С.Г. Анцупова, М. С. Куропятник, Г. М. Парникова²⁸⁰, О. А. Поворознюк и Д. А. Функ²⁸¹, В. И. Шадрин²⁸² – они обращаются к влиянию факторов глобализации на изменение смысловых и функциональных единиц, составляющих коренную идентичность коренных малочисленных народов Севера.

Коренные народы, проживающие на территории Красноярского края, переживают воздействие глобальных и иных факторов. Исследователи, занимающиеся изучением этой стороны сохранения и трансформации этноидентичности, отмечают, что положение этнокультурных групп в

²⁷³ Труевцева, О. Н. Музеи Сибири и сохранение культурного наследия коренных народов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19.

²⁷⁴ Слепцов, Ю. А. Эвенские игры: пути поиска и применения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 4.

²⁷⁵ Мамонтова, Н. А. Кочевание на просторах Интернета: репрезентация эвенкийской культуры on-line // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2.

²⁷⁶ Хаховская, Л. Н. Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2.

²⁷⁷ Arruda G. M., Krutkowski, S. Arctic governance, indigenous knowledge, science and technology in times of climate change: Self-realization, recognition, representativeness. // Journal of Enterprising Communities.UK. 2017. № 11.

²⁷⁸ Salazar, J. F. Indigenous peoples and the cultural construction of information and communication technology (ICT) in Latin America // Information Communication Technologies: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications. USA.2008.

²⁷⁹ Buchtman, L. Digital Songlines: The Use of Modern Communication Technology by an Aboriginal Community in Remote Australia.

²⁸⁰ Андросова, Ф.С., Анцупова, С.Г., Парникова, Г.М. Сохранение коренных народов республики Саха (Якутия) в условиях промышленного освоения Арктики и крайнего Севера // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4.

²⁸¹ Поворознюк, О.А., Функ, Д.А. Урбанизация и коренные народы Севера: введение к теме номера // Этнографическое обозрение. 2016. № 1.

²⁸² Шадрин, В. И. Трансформация этнической идентичности коренных малочисленных народов Севера Якутии в условиях глобализации (на примере юкагиров Республики Саха (Якутия) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2016. № 4 (10).

условиях глобализации неоднозначно. С одной стороны, распространено незнание языка и имеет место быть кризисное положение традиционных видов деятельности. С другой стороны, численность населения увеличивается, растет этническое самосознание. Авторы также рассматривают типы городских поселений коренного населения, особенности миграции, трансформацию социальной структуры и традиционных запретов, формирование техносоциальных сетей и воздействие транспортной инфраструктуры на этнокультурный состав индигенных групп. Ф. Хайдеман²⁸³ акцентирует значимость работы с цифровыми медиа при исследовании современных реалий через изучение человека киберэпохи и формирование коллективной и этноидентичности в киберпространстве.

Киберэтнография вбирает в себя методологические и теоретические основания в междисциплинарном ключе – и этнографические, и антропологические, и методы исследования социальных медиа. В границы теоретических оснований этого направления можно включить социально-антропологический подход, символический интеракционизм²⁸⁴, визуальные исследования, конструктивизм. Представители киберэтнографии утверждают, что для каждого конкретного исследования в пространстве Интернет принципиально необходим индивидуальный подбор методологических инструментов – Интернет и социальные медиа как сложносоставное явление требуют комплексного подхода.

К. Хайн²⁸⁵ в программном киберэтнографическом труде обозначает интернет как пространство взаимодействия. Автор фиксирует, что его следует понимать, как текучую и независимую субстанцию. Нужно быть готовым к тому, что поле исследования не будет сосредоточено в одном «месте» – у этого поля нет и не может быть чётких границ, поэтому не может быть и четко определенных инструментов, и теоретической рамки. К. Хайн.

²⁸³ Heidemann, F. Cyberethnologie // Ethnologie. Eine Einführung. 2011.

²⁸⁴ Markham, A. Reconsidering self and other: the methods, politics, and ethics of representation in online ethnography. In Handbook of qualitative research (eds) N.K. Denzin & Y.S. Lincoln. Thousand Oaks: Sage. 2004.

²⁸⁵ Hine, C. Ethnography for the internet: Embedded, embodied and every day. Bloomsbury Publishing. 2015.

предложила алгоритм ЕЗ — Embedded, Embodied, Everyday (встроенное, воплощенное, повседневное). Утверждается, что важно уделить внимание всем компонентам и показывает исследовательские стратегии для каждого.

Цифровая этнография, как было сказано выше, развивается быстрыми темпами. Так появился новый междисциплинарный подход – этномайнинг²⁸⁶, объединяющий качественный и количественный методы – этнологический инсайт и сбор данных. Исследователи представляют этномайнинг в контексте исследования мобильности и использования ноутбуков в домашних условиях. Этно-майнинг характеризуется узкими итеративными циклами, которые объединяют результаты и процессы этнографического и интеллектуального анализа данных для дальнейшей интерпретации.

По мнению Э. Гомез и Э. Ардевол²⁸⁷, цифровая этнография вышла из «виртуальной этнографии», чье поле исследования ограничивалось пределами экрана устройства, в более интегрированные и сложные многослойные, многоуровневые и многоплатформенные механизмы. А медиаэтнография перешла к более целостному пониманию феноменов медиации и к замене зависимости коммуникационных исследований от передачи к более широкой контекстуализации производства и потребления медиа в повседневной жизни. Ученые также говорят о важности совмещения онлайн и офлайн исследовательских процедур. Д. Мерси рассматривает роль этнографа, называя его «рассказчиком социальных историй».

Киберполевые этнографические исследования предполагают использование традиционных (интервьюирование, включенное наблюдение и т.п.) и новых методов, которые в связи с этапом развития методологического аппарата веб-этнографии проходят период апробации (например, такие методы, как контент-анализ кибердискурса, онлайн-опросы, различные виды интернет-коммуникации), для исследования виртуальной этничности.

²⁸⁶ Aipperspach, R. J. et al. Etho-Mining: Integrating Numbers and Words from the Ground Up. 2006

²⁸⁷ Gomez, E., Ardevo, I. E. Ethnography and the Field in Media (ted) settings: A Practice Theory approach // Westminster Papers in Communication and Culture. 2013. №. 3.

Представитель сетевой этнографии А. Калиндро²⁸⁸ видит задачу сетевого этнографа в следовании принципам игры – он должен стать игроком и использовать классический антропологический метод «включенного наблюдения». Согласно мнению автора, сетевая этнография занимается исследованиями групп, объединенных общим интересом или практиками, например, в группах в социальных сетях. Также цифровую этнографию рассматривает не как направление, а как подход к исследованиям цифровых сообществ, цифровых культур и коммуникаций и понимает полевое исследование как процесс. Ю. Актуран²⁸⁹ поддерживает идея применения метода включенного наблюдения – этнограф, по его мнению, должен стать участником сообщества, но проводить наблюдение как посторонний. По мнению ряда исследователей, детерминация^{290 291} границ киберполевого исследования связана не с конкретным сайтом и не конкретной платформой, но всеми пространствами, связанные с ними, с тем, в чем заинтересован респондент.

Подобное сочетание исследовательских оффлайн и онлайн приемов применяется, с точки зрения Р. Хэллета и К. Барбера²⁹² для сопоставительного исследования реальных и виртуальных проявлений этничности.

Одно из активно развивающихся направлений в киберэтнографии – исследования различных элементов Интернет-культуры – сообщений из электронной почте и мессенджеров²⁹³, исследование социальных сетей

²⁸⁸ Caliandro, A. Ethnography in digital spaces: Ethnography of virtual worlds, netnography, and digital ethnography // Handbook of anthropology in business. 2014.

²⁸⁹ Akturan, U. et al. A review of cyber ethnographic research: A research technique to analyze virtual consumer communities // Bogazici Journal. 2009. №. 1-2.

²⁹⁰ Tunçalp, D., L. Lê P. (Re) Locating boundaries: a systematic review of online ethnography // Journal of Organizational Ethnography. 2014. №. 1.

²⁹¹ Burrell, J. The field site as a network: A strategy for locating ethnographic research // Field methods. 2009. №. 2.

²⁹² Hallett, R. E., Barber, K. Ethnographic research in a cyber-era // Journal of Contemporary Ethnography. 2014. Vol. 43. №. 3.

²⁹³ Isabella, S. Ethnography of online role-playing games: The role of virtual and real contest in the construction of the field // Forum: Qualitative Social Research. 2007. Vol. 8. №. 3.

Facebook и MySpace²⁹⁴, исследование блогов²⁹⁵, форумов²⁹⁶. Все эти авторы предлагают применять методы и онлайн-формата, и оффлайн – так, они используют и анализ кибердискурса, и включенное наблюдение.

Авторы, чей исследовательский интерес направлен на установление и апробацию методологического аппарата киберэтнографии, фиксируют междисциплинарность и разнообразие применяемых методов, а также цель их применения. Так Х. М. Грешке²⁹⁷, исследующая интернет платформу www.cibervalle.com, на которой базируется парагвайская диаспора, отмечает, что целью использования офлайн и онлайн методов считает понимание того, как сетевая деятельность включена в повседневность. Л. Сэдэ-Бек²⁹⁸, Дж. Постилл и С. Пинк²⁹⁹ утверждают необходимость таких методов, как анализ веб-контента и больших баз данных (big data), взятых из микроблогов и других социальных сетей, а также анализ социальных сетей. Я. Андруцопулос³⁰⁰ применяет социолингвистический подход, а также сочетание систематических наблюдений за онлайн активностью и интервью с онлайн актерами. Э. С. Гарсия³⁰¹, С. Р. Томсен, Дж. Страубхаар, Д. М. Болярд³⁰², Дж. Скарамуцино³⁰³ и Д. Домингез³⁰⁴ также утверждают потребность в сочетании онлайн и оффлайн практик анализа. Они расширяют методологию и предлагают мультиметодный подход, состоящий из текстового и дискурсивного анализов, длительное включенное наблюдение

²⁹⁴ Rybas, N., Gajjala, R. Developing cyberethnographic research methods for understanding digitally mediated identities // *Qualitative Social Research*. 2007. Vol. 8. №. 3.

²⁹⁵ Estalella, A., Ardèvol, E. Field ethics: Towards situated ethics for ethnographic research on the Internet // *Forum: Qualitative Social Research*. 2007. Vol. 8. №. 3

²⁹⁶ Muñoz, R. A. On new means or new forms of investigation. A methodological proposal for online social investigation through a virtual forum // *Forum: Qualitative Social Research*. 2007. Vol. 8. №. 3

²⁹⁷ Greschke, H. M. Logging into the field—Methodological reflections on ethnographic research in a pluri-local and computer-mediated field // *Forum: Qualitative Social Research*. 2007. Vol. 8. №. 3

²⁹⁸ Sade-Beck L. Internet ethnography: Online and offline // *International Journal of Qualitative Methods*. 2004. Vol. 3. №. 2.

²⁹⁹ Postill, J., Pink, S. Social media ethnography: The digital researcher in a messy web // *Media International Australia*. 2012. Vol. 145. №. 1.

³⁰⁰ Androutsopoulos, J. Potentials and limitations of discourse-centred online ethnography // *Language@ internet*. 2008. Vol. 5. №. 8.

³⁰¹ Garcia, A. C. et al. Ethnographic approaches to the internet and computer-mediated communication // *Journal of contemporary ethnography*. 2009. Vol. 38. №. 1.

³⁰² Thomsen, S. R., Straubhaar, J. D., Bolyard, D. M. Ethnomethodology and the study of online communities: exploring the cyber streets // *Information Research*. 1998. Vol. 4. №. 1.

³⁰³ Scaramuzzino, G. Ethnography on the Internet—an overview // *Pondering on methods*. 2012.

³⁰⁴ Domínguez, D. et al. Virtual ethnography // *Qualitative Social Research*. 2007. Vol. 8. №. 3.

за вовлеченными участниками и использование качественных интервью с членами группы. И интересуются так называемым незримым наблюдением (lurker). Авторы прогнозируют исследования языка тела и жестов в виртуальном пространстве, отмечая развитие визуальных технологий и 3D-моделирования в виртуальном пространстве. С. Ю. Белоруссова, А. В. Головнев и Т. С. Киссер³⁰⁵ отмечают особенность природы киберполевых исследований виртуальной этничности – они менее длительные по времени, но более насыщенные по погруженности в исследуемый материал.

Как было указано выше, киберэтничность исследуется полипарадигмальными подходами. Как и в случае с «традиционными» исследованиями, концептуальные рамки проводимого сетевого исследования определяют способы описания исследовательского поля, фокус внимания ученого, направление концептуализации собранного материала. Ученые концентрируют внимание на важности локализации и концептуализации Интернета в исследовании: будет он рассматриваться только как инструмент, платформа проведения работы или же как средство коммуникации, обладающее качествами реальности.

На данный момент превалируют качественные методы исследования виртуальной этничности, используемые для изучения особенностей бытности носителя этнокультуры. Особенность применения исследовательских инструментов в том, что в поле зрения ученого попадают не представления человека, а его реальные виртуальные действия, реальные факты из жизни. При совмещении онлайн- и оффлайн-методов этнография позволяет проанализировать сопоставить реальное поведение субъектов с декларируемым им в социальных медиа, что обогащает исследования.

Преимущества виртуальной этнографии в следующем: относительная легкость нахождения респондентов (благодаря контактам друзей в социальных медиа), возможность анализировать большой массив данных

³⁰⁵ Белоруссова, С. Ю., Головнев, А. В. и Киссер Т. С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (58).

(например, с помощью программы SPSS) даже по самым маргинальным сообществам; возможность незаметно провести наблюдение; возможность создавать страницы и сообщества для проведения исследований.

Ключевыми проблемами этнографических методов считаются недоверие к исследователю ввиду новизны научной области и настороженное отношение к эмпирическому материалу в киберэтнографии. Сбор данных в сетевых сообществах вызывает скептицизм, насколько собранный там массив информации позволительно считать эмпирическим материалом.

Методы киберэтнографии условно дифференцируются на три группы: вербальный анализ, визуальный и поведенческий. Вербальный анализ возможен в формате текстуального, литературного, дискурсивного, каждый из которых в свою очередь может реализовываться различными способами. Визуальный анализ включает в себя изучение фото- и видеоконтента, мемов.

Генетически подобный анализ связан с историей изобразительного мира, когда произведение искусства могло создаваться для решения мировоззренческой функции, поскольку является «зеркалом» – оно отражает систему мироотношения, особенности смыслообразования в ту или иную эпоху, на определенной территории и т.п. Способы визуального анализа также могут различаться – анализ только критериев подбора визуальных образов, или контекста выбора визуального ряда, анализ персонажного ряда (персонажей изображенных и неизображенных). Поведенческий или социальный анализ также многоаспектен – он направлен на изучение восприятия пользователем проблемы или ситуации, комментариев, популярность записей, количество оценок («лайков»), количество репостов записей (когда один пользователей размещает запись другого пользователя в своем личном аккаунте), выбор интересующих проблем, пути реагирования людей в социальных медиа.

К методам, востребованным в исследовании виртуальной этничности, относят полевые кибер-исследования, контент-анализ и анализ дискурса, метод «включенного наблюдения», различные виды анкетирования и

интервьюирования, историко-событийный анализ. Также широко используются индуктивные подходы, позволяющие в качестве отправной точки использовать не теорию, но эмпирические данные, и, работая с ними, выявлять закономерности, тенденции, выстраивать модели.

Киберполевые методы исследования для осуществления полевых практик выбирают в качестве материала визуальный и виртуальный контент Интернет-ресурсов: социальных медиа, новостных сайтов и т.д. Визуальный контент этнически ориентированных цифровых сообществ, как правило, обширен, внутри сообщества размещается большое количество фотографий, видео, представляющих образы традиционной культуры и их состояние в настоящее время.

Содержание объектов интерактивного пространства дискурсивно, поэтому контент-анализ и нарративный анализ дискурса становятся одними из ключевых методов исследования³⁰⁶. Контент-анализ является количественным методом исследования текстовых массивов для дальнейшей интерпретации их содержания. В рамках исследований виртуальной этничности он позволяет определить главные единицы поиска, их количество, выделить объекты дальнейшей интерпретации, характеристики текстуальных массивов. Например, после нахождения этнических сетевых сообществ следует поиск социальных медиа коренных малочисленных народов Севера, затем анализируются тексты, размещенные в отобранных групп.

Метод включенного наблюдения позволяет проводить изучение субъектов в естественной среде обитания. В случае с изучением виртуальной этничности такой средой становится интерактивное пространство. Ученые становятся в позицию наблюдателя или игрока в цифровом мире, они оказываются не за пределами реальности, а внутри реальности изучаемых. исследуя соотношение между индивидами и миром, социальные отношения,

³⁰⁶ Pchelkina, D. S., Timoshkin, D. O. Russian-Speaking "Migrant YouTube" as a focus of urban and social studies // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13. № 5.

нормы и принятые правила в определенном сообществе. Метод позволяет определить внутреннюю мотивацию поведения индивидов через их действия.

Анкетные опросы пользователей Интернета, которые проводятся посредством специализированных систем онлайн-анкетирования, получают неоднозначное отношение исследователей. Считается, что интернет-опросы могут давать ученым более качественные данные, так как они оказывают меньшее давление на респондентов (интервьюер не присутствует во время прохождения тестирования), тем самым оказывается меньшее давление на респондента, его ответы в меньшей степени зависят от социально одобряемых ответов.

Технические средства в проведении опроса играют немаловажную роль – они позволяют отвечать одним нажатием на вопрос, что не занимает много времени, так как респонденты замечают, что при большом количестве вопросов или вопросов, требующих содержательного ответа, может не быть желания так отвечать.

Благодаря существованию в технологической среде онлайн-опросы потенциально создаются на большее количество респондентов, поскольку результаты опросов можно обработать с помощью программ. Электронные опросы позволяют иногда получить данные более личного характера, чем в традиционном формате интервью, поскольку отсутствует непосредственный контакт с интервьюером. Таким образом, традиционного формата опроса и технических возможностей могут значительно повысить качество полученных данных. Метод интервью: они могут быть экспертными (проводятся с администраторами Интернет-сайтов и сетевых сообществ), специализирующимися на этнической тематике, а также с пользователями Интернета, активно включенными в этническую тематику.

Выводы параграфа

На данный момент киберэтнография находится на этапе переосмысления объекта и предметов исследования, схемы сбора данных и их обработки. Методологические возможности киберэтнографов в

пространство такой динамично развивающейся дисциплины широко ввиду междисциплинарности подходов, что позволяет осмыслить процессы глобальной сетевой социальности в ее этническом аспекте.

Виртуальная этническая манифестация конструируется, исходя из степени медиации и ремедиации личности и всей этнокультурной группы. Ввиду условий саморепрезентации коренных малочисленных народов в интерактивном пространстве иногда становится единственно возможным вариантом для них. Отсутствие границ Интернета позволяет ретранслировать социоцентрические идеалы этнокультурным группам в социальных медиа. Этноманифестация может осуществляться в визуальной, текстовой и поведенческой формах, которые становятся предметом исследований представителей цифровой этнографии.

Осуществление цифрового исследования социальных медиа проводится с принципиальной необходимостью анализировать контекст: анализируемые объекты онлайн-среды ввиду специфичности самого пространства Интернет находятся в неразделимой связи.

Виртуальная этноманифестация может восприниматься как инновационной форма самопрезентации этнокультурной группы, однако, она концептуализируется нами как логичное развитие и реализации конструктивистской теории «воображаемых сообществ» Б. Андерсона. В пространстве сетевого этносообщества актуализируются определенные правила и характеристики, которые являются определяющими этничность членов этой общности. Создается ментальный образ этничности для каждой конкретной онлайн-группы, которые могут различаться, даже если посвящены одной и той же этнокультурной группе. Однако, модераторы и пользователи приходят к соглашению, какие символические действия, предметы и т.п. будут являться знаками принадлежности к сообществу и знаками публичного образа. Закрепляется их значение в ходе коллективных практик, реализуемых онлайн. Поскольку не все практики, свойственные традиционной культуре этнокультурных групп, могут быть реализованы в

виртуальном пространстве, то сетевое сообщество групповыми убеждениями и установками конструируют для себя собственную версию того, что для них есть этничность.

Цифровое этнографическое исследование проводится быстрее хронологически и насыщеннее по погруженности в объект исследования. Ключевыми проблемами этнографических методов считаются недоверие к исследователю ввиду новизны научной области, настороженное отношение к эмпирическому материалу в киберэтнографии – сбор данных в сетевых сообществах вызывает скептицизм, насколько полученный массив информации позволительно считать эмпирическим материалом.

С точки зрения изучения этнической манифестации в цифровой среде важен аспект интерактивности: принципиальная важность роли пользователя, который выступает как создатель. Исследователи, в частности Г. Дженкинс, отмечают постоянное расширение роли пользователя, поскольку границы между потребителем цифровой информации и ее создателем стерлись. В связи с чем, можно говорить о том, что информация превращается в коммуникацию. Таким образом, аудитория конструирует цифровое пространство и самоконструируется в нем. Также и в случае с цифровыми этническими сообществами: посредством технологических возможностей цифрового кода представители этнокультурной группы формируют виртуальную этничность, а, отбирая формы этнической культуры для демонстрации в социальных медиа, и этническую манифестацию.

Этнокультурная группа манифестирует, создавая определенный медийный образ, и он должен быть устроен таким образом, чтобы смог соответствовать представлениям участников онлайн-сообщества. В таком случае тогда его участники будут активными, многочисленными, оставлять комментарии, сами фиксировать записи и т.д., т.е. должны быть реализованы этнокультурные идеалы группы. И в таком случае будет не только создаваться контент, а будет создана система, его производящая.

2 Трансформация этнической манифестации этнокультурных групп коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (конец XX – начало XXI вв.)

Арктическая зона Красноярского края является территорией интенсивного индустриального освоения, в результате которого наблюдается рост глобализационных тенденций и проблема сохранения культурного разнообразия. Проживающие на этой территории индигенные группы претерпевают трансформации, затрагивающие культуру этих групп. Чтобы адаптироваться к новым условиям, коренные малочисленные народы создают новые способы этнической манифестации и этнической репрезентации.

Социокультурные трансформации являют собой ситуацию перехода для этнокультурных групп: они стоят перед выбором между следованием традиционному промыслово-хозяйственному образу жизни и полноценным включением в структуру нового мира, между сохранением уникальности культуры и созданием глобальной культуры. Глобализация провоцирует формирование некой монообщности, в результате которой этнокультурные группы коренных малочисленных народов севера могут оказаться либо в изоляции, либо исчезнуть, либо вынуждены будут выбирать адаптивный вариант развития. Фактор малочисленности коренных народов севера способствует быстрому течению трансформационных процессов этнической идентичности, и, как следствие, этнической манифестации.

Вторая глава диссертационной работы посвящена анализу трансформации этнической манифестации этнокультурных групп – разные аспекты этого процесса актуализированы в двух параграфах.

Первый параграф исследует формы этноманифестации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, второй – представляет виртуальную этничность как вид культурной идентичности этих групп (на примере долганской, кетской, нганасанской, селькупской этнокультурных групп).

2.1. Формы этнической манифестации в культуре коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока

Целью параграфа является анализ современных форм конструирования этничности посредством их манифестации в публичных репрезентациях. Полем исследования были выбраны этнокультурные группы севера России в целом и Красноярского края, в частности. Именно эти территории являются пространством промышленного освоения, в результате которого культура и этничность коренных малочисленных народов претерпевают серьезные трансформации.

Условия глобализации побуждают развитие двух противоположных тенденций в вопросе этнической идентичности – стремление к самоопределению, сохранению традиционного хозяйства и утверждению этнокультурных особенностей, с одной стороны, и к интеграции, к более высоким стандартам качества жизни, с другой. Набирающие все большие обороты и расширяющие сферы воздействия на современные процессы развития мирового сообщества влияют на этническое самосознание путем вовлечения в глобальную монокультуру, что приводит к изменениям этничности, что в свою очередь воздействует на совокупность тех культурных механизмов, которые помогают этнокультурным группам саморепрезентировать идентичность.

Данный параграф концентрируется на исследовании стратегий воспроизводства и ретрансляции этничности этнокультурных групп в публичных репрезентациях, осуществляемых в культурном поле указанного региона. Исследование состояло из двух этапов. Один из этапов исследования был ориентирован на изучение актуального состояния таких традиционно указываемых форм манифестации этнокультурной идентичности, как национальные язык, праздники, кухня, традиционная хозяйственно-промысловая деятельность. На втором этапе проводился анализ художественной культуры как ключевой формы репрезентации

этнического нарратива коренных малочисленных народов севера, ее возможностей в вопросе сохранения традиционной культуры. Наблюдались практики, когда проблемы сохранения традиционной этнокультуры пытались решать с помощью простого возврата и реанимирования механизмов этнокультурного регулирования. Однако, этих мер недостаточно, чтобы культура этнического сообщества функционировала полноценно. Необходимо, чтобы она являлась ценностной основой для поколений этнокультурной группы.

Идентичности свойственна «текучесть» - она не является установленной единожды и не существует в закрепленном виде. Идентификация себя как части группы у человека присутствует всегда, будь то этническая, гражданская или иная другая групповая идентичность. Человек не осознает ее постоянно – природа этноидентичности носит скорее ситуативный характер, возникая как эмоциональный отклик на определенное событие, т.е. этническая идентификация актуализируется при конкретных условиях, способных мобилизовать чувство причастности к этнокультурной группе³⁰⁷.

В российском законодательстве, а вслед за ним и в социально-культурных исследованиях, индигенными группами признаны коренные малочисленные народы Севера. Маркирование данных групп как индигенных происходит на основе таких критериев, как этническое самосознание и малочисленность, поддержание и сохранение традиционного хозяйственно-промыслового образа жизни, который протекает на исторических с точки зрения этногенез для данных этнокультурных групп территориях. Тенденции развития коренных малочисленных народов Севера основываются на признании их дискретными объединениями, имеющими определенные интересы группы, т.е. по сути социоцентрические идеалы, которые и являются основой культуры этих групп. Эта тенденция получила название «индигенная перспектива».

³⁰⁷ Брубейкер, Р. Этничность без групп. М., 2012.

В настоящее время набрало обороты движение коренных народов, основывающееся на деятельности международных неправительственных организаций, в рамках которой перенимается опыт аборигенного самоуправления в Австралии, Канаде, странах Северной Европы, США. Специфической чертой деятельности движения является то обстоятельство, что они наделяют мировое сообщество статусом третьего актора в своих взаимоотношениях с государством. Эти организации придерживаются транснациональных стратегий развития культуры коренных народов, дисперсно проживающих на обширных территориях или входящих в состав нескольких национальных государств.

Однако, важно отметить, что коренные малочисленные народы Севера по ряду причин были исключены из подобных движений. Но благодаря возможностям Интернет-коммуникаций все активнее включаются в данные процессы. Деятельность подобных движений направлена на преодоление понимания образа коренного народа в категориях отсталости, примитивности, периферийности, на получение ими реального политического веса. Подобные результаты могут быть достигнуты через инклюзию в глобальный дискурс малочисленных локальных общностей, поскольку их культурные системы воспринимаются «непериферийными» сообществами либо как локусы самобытности и «островки» культурного разнообразия, либо как реликвии традиционности» в современном медийном мире.

Эти задачи находят определенные сложности в реализации. Чаще всего, сообщество коренных малочисленных народов Севера состоит из двух групп, одна из них ведет тундровый образ жизни, вторая – утратившие связь в той или иной мере с традиционной культурой. У каждого из этих полюсов этническая идентичность сформирована определенным образом, в связи чем различается этническая манифестация. Для тех, кто не живет согласно традиционной хозяйственно-промысловой деятельности этноидентичность, как правило, складывается из желания, потребности, требования ее сохранить

и в то же время стремления приблизиться к жизненным стандартам городского типа проживания.

Подобное противоборство – между стремлением соответствовать современным стандартам качества жизни и сохранением традиционных – приводит как к трансформации этнической идентификации, так и к изменениям форм этнической манифестации.

Темпы переселения не только в национальные поселки, но и в крупные города, административные центры округа достаточно высоки. Отвыкание от специфики тундрового образа жизни или жизни в небольшом селе, актуализация городских стандартов жизни приводят к трансформации этнического самосознания. Тундровая жизнь может казаться неоправданно трудными, а в отдаленном национальном поселке также не соответствующей тем идеалам, которые репрезентируются в современных медиа. В обоих случаях отсутствуют возможности, которые может предоставить более крупное место проживания.

Особую роль в осуществлении этнической манифестации отводится молодым представителям традиционных культур – именно на них возлагается ответственность за будущий выбор между поддержанием, сохранением бытности этнической идентичности и размыванием ее границ. Этническая молодежь, как и их сверстники, вовлечены в большей степени, чем старшее поколение, в массовую культуру и активнее обращаются к современным медиа. Именно она в определенный момент решает путь существования этнокультурных особенностей – сохраняется ли культура «живой» или будет подвергнута музеефикации. Образы, транслируемые массовой культурой, недостижимы в условиях тундры или в пределах национального поселения. В меньшей степени, но все-таки и старшее поколение также использует интернет, взаимодействует с информацией, поступающей из этого источника, что влияет и на их этническое самосознание, в результате чего меняется картина мира.

Существование этнической идентичности выстраивается на основе установление общности характерных признаков, которые признаются в определенной этнокультурной группе в качестве отличительных признаков, составляющих понятие этничность для представителей данной группы. Кризис этноидентичности в соответствующих условиях обусловлен рассогласованием феноменов, составляющих социоцентрические идеалы этнокультурной группы, пассивностью их функционирования в этносреде и т.п. Разрешение подобной ситуации возможно путем конструирования или реконструирования системы идеалов, которая бы отвечала потребностям носителей этнической культуры в смысловой определенности согласно условиям изменившегося мира.

История этнической культуры представляет собой процесс смыслообразования, развернутого во времени. Основой существования культуры является постоянное воспроизводство смыслообразования с обращением к культурным традициям. В настоящее время традиции этнокультурных групп также претерпевают изменения, меняется понимание ее назначения и среди самих носителей этнической культуры, а также среди иных сообществ. Сторонние реципиенты воспринимают культурные традиции северных этнокультурных групп с позиции развлекательной, как что-то необычное, редкое и с позиции потребителя – попробовать нестандартной еды, купить предметы национального костюма или иные предметы традиционного рукоделия.

Традиция как символическая конструкция имеет внешнее проявление и смысловое содержание. Чтобы традиция в полной мере осуществляла свою функцию как социоцентрический идеал, необходимо, чтобы были реализованы обе составляющие представителями этнокультурной общности. Если активизируется только одна из сторон, то это приводит к тому, что этническая культура музеефицируется. Например, проведение этнического праздника может быть направлено на единение этнокультурного сообщества, в ходе которого актуализируются регуляторы культуры, тем самым

поддерживается задача ее сохранения. Или же проведение праздника может сводиться к демонстрации внешних атрибутики этнокультурных особенностей какого-либо сообщества для представителей иных национальных и прочих групп.

Одним из ключевых механизмов, поддерживающих самобытность этнокультурной группы и формой самопрезентации ее уникальности, является традиция. Как было сказано в предыдущих параграфах, бытность этнокультурной группы осуществляется посредством социоцентрических идеалов, которые являются коммуникативными агентами между носителями культуры, а также между ними и представителями иных групп. И социоцентрические идеалы выражены именно в традициях и воспроизводятся носителями культурами посредством их соблюдения.

Традиции выступают как репрезентанты социоцентрических идеалов, смысловых структур, закладываемых в них, которые обеспечивают взаимодействие поколений представителей этнокультурной группы, их ориентацию на прошлое и сохранение, воспроизведение и ретрансляцию этих этнокультурных маркеров.

Однако, запущенные глобализацией процессы приводят к формированию монокультурной общности, размывая границы этнической идентичности коренных северных народов. Постепенное формирование одной культурной масштабной общности приводят к тому, что традиции этнокультурных групп малочисленных традиционных северных объединений теряют свою значимость в осуществлении коммуникации. Традиция деактивируется как ключевой стабилизатор существования этнокультуры. Для сохранения и возрождения значимости традиции в современных реалиях необходимы усилия и условия, коллективное их осуществление.

Через знание традиций этнокультурное сообщество описывает себя как обособленную группу: это способствует дифференцированию своего сообщества от остальных в поселке, городе или ином типе поселения. Например, селькупы имеют традиционную культуру, и именно их традиции

наделяют этнокультурную группу статус уникальной, особенной необычной, что также может способствовать повышению уровня этнического самосознания.

В процессах этнической манифестации традиции не только являются репрезентантами социоцентрических идеалов, но и усиливают солидаризацию группы. Как было сказано, современная мозаичная культура ставит под угрозу существование локальных, что активизирует проблемы сохранения традиционной хозяйственно-промысловой деятельности и сокращает возможности для ее ведения. В результате этого в среде этнокультурных сообществ коренных малочисленных народов возрастает единение, направленное на разработку инструментов по сохранения своей этнической культуры в глобальном мире, проектов по получению помощи со стороны государства.

Характерными формами самопрезентации культуры этнокультурных групп называют экономическую основу, национальный язык, еда, костюм, художественную культуру, в том числе навыки рукоделия, праздники. Важно отметить, что традиционные формы самопрезентации культуры являются таковыми в полной мере в случае представителей этнокультурных групп, ведущих тундровый образ жизни, когда перечисленные выше культурные формы самопрезентации осуществляются не только через внешние формы, но и сохраняют.

Зачастую акцент делается на экономическое основание развития культуры северных коренных народов – традиционное природопользование. Это связано с тем, что хозяйственно-промысловая деятельность со времени начала этногенеза являлась не только экономическим основанием, но базисом для развития языковой системы, художественной культуры и обрядово-ритуальных практик.

Традиционное природопользование выступает как один из главных источников создания смысловых структур для этнокультурного сообщества, на его основе формировались и транслируются социоцентрические идеалы

всей группы, выступая пространством коммуникации для носителей этнической культуры и продуцируя их. Именно оно актуализирует национальный язык, так как лексика связана с оленеводством, рыболовством и т.д., создание национального костюма – материалы, технология изготовления, декоративная составляющая связаны также с видами деятельности, этническое самосознание и т.п. Таким образом, хозяйственно-промысловый вид деятельности как форма этноманифестации реализуется именно тундровыми представителями этнокультурных групп. Для тех представителей коренных малочисленных этнокультурных групп Севера, местом проживания которых являются национальные села или крупные города, эта форма этноманифестации не может полноценно реализоваться. Эти представители зачастую не бывали в тундре или отказались от ведения тундрового образа жизни.

На формирование национальной еды коренных малочисленных народов севера, безусловно, оказали влияние климатические условия и особенности хозяйственно-промысловой деятельности. И, как в случае с традиционным природопользованием, национальная кухня максимально отвечает задачам этноманифестации, если она является частью регулярных бытовых практик у представителей этнической культуры, ведущих традиционный образ жизни.

Национальная еда – одна из доступных для ретрансляции и воспроизводства этнических идеалов, позволяющих спровоцировать появление чувства причастности к группе. Воспроизвести специфические национальные блюда относительно легко, поэтому проживающие в поселках и городах также обращаются к кухне, характерной для их национальной культуры. Однако, приготовление блюд национальной кухни не происходит на ежедневной основе, скорее это практика, реализуемая для различных массовых мероприятий этнического характера. Но благодаря возможностям медиасферы национальная кухня различных культур актуализируется представителями разных этнокультурных групп. И в настоящее время

некоторые блюда национальной кухни распространены достаточно широко: как отмечает М. О. Макушева, «...например, строганина, популярны в семьях любой национальности»³⁰⁸. Также в связи с особенностями расселения одни и те же экологические ниши занимают разными группами индигенных народов, в связи с чем традиционные виды деятельности и культуры в целом (в том числе близость религиозных практик и т.п.) обнаруживают сходства и в национальной кухне. И национальную кухню нельзя назвать сугубо специфической.

Этнические праздники в России мало изучены. Среди последних исследований, посвященных этой теме можно назвать таких российских авторов, как О. Б. Степанова³⁰⁹, О. А. Сулейманова³¹⁰, М. Момзикова³¹¹, а среди иностранных ученых – Ш. Дудека³¹². Этнофестивали редко исследуются отдельно как феномены, как правило, их изучение происходит в контексте анализа социальной политики в отношении индигенных групп. Этому посвящены работы Е. А. Пивневой³¹³, О. Б. Степановой³¹⁴, Е. Т. Пушкаревой³¹⁵, Е. П. Мартыновой и Н. И. Новиковой³¹⁶.

Общественные мероприятия этнического содержания является одной из ключевых форм проявления этничности. Проведение национальных праздников имеет целью солидаризацию членов группы посредством

³⁰⁸ Макушева, М. О. Трансформации идентичности ненецкой молодежи в инокультурной среде // Мониторинг общественного мнения // Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 58.

³⁰⁹ Степанова, О. Б. Связь двух эпох: воплощение в празднике // Вестник археологии, антропологии и этнографии ИПОС СО РАН. 2018. № 2 (41).

³¹⁰ Сулейманова, О. А. «Праздник Севера и традиционный День оленевода»: к проблеме изучения культурно-массовой деятельности как формы актуализации этнокультурных традиций аборигенного населения Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. № 11—15 (9).

³¹¹ Момзикова, М. «Северная масленица»: День оленевода в советском и современном российском контекстах // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сборник статей. М., 2013.

³¹² Dudeck, S. Der Tag des Rentierzüchters: Repräsentation indigener Lebensstile zwischen Taigawohnplatz und Erdölstadt in Westsibirien. Fürstenberg 2013.

³¹³ Пивнева, Е. А. Пути и возможности сохранения обско-угорских языков и культур в условиях глобализации: опыт Югры // Труды Карел. науч. центра РАН. 2014. № 3.

³¹⁴ Степанова, О. Б. Социальная политика государства по отношению к коренным малочисленным народам Севера в начале XXI в. (на примере северных селькупов) // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири. 2017. номер

³¹⁵ Пушкарева, Е. Т. Культура народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа как один из маркеров его региональной идентичности. М., 2010.

³¹⁶ Мартынова, Е.П., Новикова, Н.И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. М., 2012.

реактуализации социоцентрических идеалов. В культуре коренных малочисленных народов Севера национальные праздники становятся площадкой воспроизведения этнических социальных идеалов через разнообразные формы материальности, за счет становится возможным установление взаимодействия и единения разных поколений.

Национальный праздник – это форма манифестации, в котором задействованы и иные формы этнической манифестации. Подобное мероприятие сопровождается говорением на национальном языке, ношением национального костюма, приготовление и угощение блюдами национальной кухни, представлением продуктов художественных ремесел и достижений художественной деятельности и т.п.

Особенность этнических празднеств в том, что они служат не только площадкой репрезентации культуры этнического сообщества, не только сферой воспроизведения и трансляции этничности, но и местом ретнификации – пространством, где этничность конструируется снова, поскольку актуализируются ключевые концепты, составляющие этничность, она заново проживается человеком. Подобную ситуацию можно назвать ситуацией социального конструктивизма этнического характера. И этническая идентичность демонстрирует гибкую природу и проявляется в определенном социокультурном контексте.

Способы организации этнических праздников разнятся следующим образом: часть из них предназначены для широкой аудитории, не только для представителей культуры, остальные – только для ведущих традиционный образ жизни. Также важно учитывать инициатора проведения – был ли праздник частью культуры этнической группы или же он введен в нее.

Одной из традиционных празднично-обрядовых практик, определяющих культуру ненцев, селькупов и других самодийских групп являлся ритуал «оживления бубна», связанный с верой в то, что бубен шамана — это олень, на котором он путешествует на небо как посредник между мирами духов и людей. Но для того, что совершить это путь в

небесную сферу, бубен нужно «оживить». Этот обряд имеет отношение к календарным праздникам – он проводился весной, во время прилета птиц, т.е. оживление бубна было возможно в момент оживления природы после долгой холодной зимы. И этот обряд проводился сугубо в среде кочевых семей. Проведение праздника включает в себя шаманские практики, а завешается он пиром и кормлением идолов, олицетворяющих предков. Возобновляя и проводя регулярно подобный праздник, воспроизводились необходимые для поддержания культуры концепты – поклонение предкам, смена времен года, реализовывалась роль шамана и прочее³¹⁷.

В настоящее время одним из актуальных праздников является День оленевода, в программу которого входят проведение спортивных мероприятий – соревнования по экстремальным видам спорта – и знакомство с культурой этнокультурных сообществ, для этого создается так называемая этнодеревня. Для принятия участия в ней съезжаются мастера художественного творчества и продают образцы рукоделия. Проводится он весной, но точные даты разнятся в зависимости от района, муниципалитета и т.д. – праздник является «кочевым», перебираясь от одного населенного пункта к другому. Праздник в каждом конкретном поселке может иметь свои особенности в зависимости от его численности и этнокультурного состава проживающих в нем людей.

День оленевода проводится как для представителей коренных малочисленных народов Севера, так и для широких масс, поэтому аудитория мероприятия отличается по целям его посещения, но неизменно собирает большое количество желающих его посетить. Иногда численность доходит до десяти тысяч человек. Так из традиционного для этнокультурных представителей праздника он трансформировался в массовое мероприятие, которое может посетить любой желающий. Его называют «самым ярким и

³¹⁷ Avdeeva, Yu. N., Degtyarenko, K. A., Pchelkina, D. S., Shimanskaya, K. I., Koptseva, N. P., Shpak, A. A., Khrebtov, M. Ya. Religion of the Selkups and the Kets in the Historical and Cultural Genesis // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol.12. № 5.

зрелищным праздником»³¹⁸, а реклама обещает, что «Вы познакомитесь с традиционными видами спорта: гонками на оленьих упряжках, борьбой, прыжками через нарты и метанием тынзяна на хорей. А театрализованные выступления фольклорных ансамблей полностью погрузят вас в древнюю культуру Крайнего Севера»³¹⁹.

Его востребованность связана также наличием еще одного заинтересованного в проведении субъекта: это различные туристические фирмы, предлагающие свои услуги по покупке билетов, помощи в маршруте и т.п. Созданы информационные порталы, где пользователь Интернета может получить необходимые сведения – о дате проведения, карте мероприятий и их содержании.

Если же обратиться к истории этого уже традиционного праздника, то этнофестиваль ранее назывался Днем Солнца или одноименно современному. Это был сезонный праздник, поскольку его начало было связано с окончанием полярной ночи и прихода солнца, наступлением весеннего равноденствия. Практики, его составлявшие, отличаются от тех, которые входят в современное празднество.

День оленевода в современности одна из главных площадок этноманифестации, он является пространством, в котором возможно широко и относительно полно представить элементы культуры этнической группы. Главным событием праздника является гонка на оленьих упряжках, где за победу борется большое количество оленеводов, специально съезжающихся с разных территорий. Это одна из редких возможностей собраться вместе, увидеть оленеводов и их семьи из разных стойбищ. Участвуют как опытные оленеводы, так и молодые, которые демонстрируют свои возможности и умения в различных традиционных состязаниях на показ своей силы, выносливости, ловкости и скорости. День оленевода выполняет еще одну сторону солидаризирующей функции – дает возможность встретить жениха

³¹⁸ <http://nordfest.com/>

³¹⁹ <http://nordfest.com/>

или невесту для последующего заключения брака и ведения кочевого образа жизни. Женщинам также предоставлена возможность репрезентировать свои навыки, которые входят в смысловое поле их этничности – демонстрация основ ведения хозяйства в условиях проживания в чуме (в том числе женщины делятся с гостями фестиваля техникой его постановки и угощают блюдами традиционной этнической кухни, показывают процесс приготовления блюд). Также ими демонстрируются красота национальных костюмов и украшений, сделанных самостоятельно. Их практическая цель участия в мероприятии заключается в продаже пушнины, рыбы, оленины, дикоросов и т.д.

День оленевода (а также иные события подобного рода) важен для кочевых семей, поскольку в этот период времени они могут заняться решением тех вопросов, что можно осуществить «на большой земле». Например, пройти медицинское обследование, решить бюрократические вопросы, увидеться с поселковыми или городскими родственниками и детьми, учащимися в интернатах. Через такое воссоединение непосредственно реализуется объединительная функция таких празднеств.

Однако, важен тот факт, что этот праздник в современном его виде является сконструированным в политической сфере. Это важный инструмент политики в отношении к коренным малочисленным народам Севера. Начало его проведения берет начало в советский период – в тридцатые годы, когда он носил название День Севера и был закреплен на государственном уровне, являлся одной из важнейших процедур по освоению Крайнего Севера. Его праздновали в том числе во время Великой Отечественной войны и вплоть до семидесятых годов. Последующие две декады регулярность снизилась, а в девяностые годы ввиду политических изменений не отмечали вовсе. И появление Дня оленевода относится уже к периоду двухтысячных годов.

В настоящее время этот праздник для самих представителей коренных малочисленных народов Севера служит инструментом повышения

материального благополучия (они приезжают, в том числе, для продажи товаров художественного творчества, рыбы, мяса, для получения денежных и иных материальных призов за победы в соревнованиях). Своим участием и достижениями они способны побудить заниматься оленеводством подрастающее поколение. Присутствие большого количества кочевых семей и ведущих сельский и городской образ жизни, как уже было сказано, работает на укрепление этнокультурных связей внутри группы – они воссоединяются, проводят и участвуют в традиционных практиках, взаимодействуют, реактуализируется национальный язык и национальный костюм, воссоздается традиционное жилище и т.п.

С одной стороны, праздник не является исконным, но и к инновационным его нельзя отнести, поскольку он возник на основе традиционного празднования Дня Солнца, но ввиду политических причин он был концептуализирован и актуализирован. Таким образом, можно проследить преемственность политики Советского Союза и России по отношению к коренным малочисленным народам Арктической зоны.

На национальном празднике в концентрированной степени этнокультурная группа может представить себя как сообщество, укрепить связи между его членами, а также репрезентировать себя для представителей иных групп. Но при этом важно отметить, что, как и в случае с этнической кухней, национальные праздники не являются специфическими мероприятиями – наблюдается практика активного вовлечения и участия не носителей этнической культуры, когда национальный праздник приобретает характер массового гуляния в связи с тем, что к празднованию может приглашаться весь поселок или город. В таком случае, когда праздники, в том числе, решают экономические, развлекательные и иные цели, они не актуализируют социоцентрические идеалы в полной мере. Скорее для них будут выбраны те практики, которые могут поразить, удивить массового зрителя, которые могут его развлечь; выбираются наиболее стереотипизированные образцы этнической культуры, знакомые людям, и

они «музеефицируются». Массовый зритель посещает такие мероприятия и рассматривает чум, костюмы, пробует еду, наблюдает за активностями как за экспонатами.

Языковая ситуация также не однозначная. Язык называют одним из главных маркеров этнической идентификации и манифестации человека. Он играет одну из главнейших ролей в конструировании и закреплении этничности и служит не только инструментом социализации, изучения устройства мира, фактором, определяющим мышление. С точки зрения существования этнокультурной группы язык является инструментом установления и поддержания эмоциональной связи со своим этносообществом, усиливающим ощущение единения с ним.

Язык как форма этноманифестации может реализовываться как в естественной языковой среде, так и искусственной. Например, в кочевых семьях нет потребности и цели использовать иной язык, имеющаяся языка система отвечает всем процессам потребностям тундрового образа жизни. Подрастающее поколение с рождения осваивают его, если включено в такой образ жизни.

В случае с поселковой молодежью язык чаще всего понимается на слух, а ситуации реализации – общение со старшим поколением. Для городских представителей знание и обращение к национальному языку является результатом специального образования в области этнической культуры. Как правило, в некоторых городских семьях является правилом или обязанностью знание языка, предпринимаются этническими городскими сообществами попытки создания и осуществления проектов по реанимированию языка в рамках специальных образовательных практик.

Для носителей этнической культуры, ведущих тундровый образ жизни, традиции являются неотъемлемой частью жизни, они составляют бытие кочевого человека. Традиционный уклад – это форма организации жизни, органично вписанный в быт и составляющий его, это не рефлекслируемый для них феномен. И язык, и еда, и костюм, и природопользования традиционной

конфигурации не результат специальных усилий по внедрению их применения в жизнь, а неосознаваемые формы этноманифестации. Подобные практики служат для реализации практических целей, бытовых, но при этом содержат в себе содержательно-символические значения, которые и выполняют коммуникативную функцию между носителями этнической культуры коренных северных малочисленных народов.

В случае же с поселковыми или городскими представителями этнокультурных общностей коренных малочисленных народов Севера процесс включения традиции в бытовую среду ограничен ввиду отсутствия традиционной хозяйственно-промысловой деятельности и наличия иных условий, активного взаимодействия с иными вариантами культуры, необходимости ассимиляция с укладом жизни поселения.

Для жителей поселков и городов существуют возможности ознакомления и погружения в этнокультурные традиции – это школьные образовательные программы, получение знаний от старшего поколения, поиск этнических сообществ в различных социальных медиа. Их знания о собственной этнической культуре носят скорее академический и теоретический характер, поскольку эти знания не реализовываются практическим проживанием на повседневной основе.

Поселковые и городские носители этнической культуры могут не иметь опыта жизни в тундре или иметь минимальный, о традициях знания получают в кругу семьи, проживая в городах, получают образование и выбирают профессию, соответствующую требованиям современной городской жизни. Но при этом от них может наблюдаться непонимание и осуждение отхода от традиций иными представителями собственной этнокультурной группы. Стоит отметить, что часто именно поселковая или городская часть этнокультурного сообщества выступает защитником традиций и традиционного уклада жизни, идеализируя их и наделяя статусом, близким к

ритуализированному³²⁰. Как правило, подобные защитники становятся представителями этнической культуры в публичном дискурсе, ими оказывается выделившаяся из городской численности этническая интеллигенция.

Человек определяет себя как представитель того или иного этноса, а затем репрезентирует образцы поведения, культурные коды этнической культуры, и манифестация становится инструментом выражения этнической идентичности. Процесс этнической манифестации связан с репрезентативностью действий или процессов, их мобилизацией через проявления символов, присущих конкретному этносу.

Процессы глобализации влияют и изменяют культуру индигенных, многие из них находятся в положении социокультурного кризиса, связанного с изменением природных условий обитания и расселения, упадком традиционных видов промысловой деятельности и форм художественной культуры. Также важно отметить, что воссоздание традиционной культуры в полном ее содержании и внешнем оформлении невозможно, учитывая актуальные проблемы мирового сообщества и текущего состояния культуры коренных малочисленных народов Севера. И, вероятно, если подобное возрождение будет произведено, то это может привести к еще большему ухудшению социокультурной ситуации. Имеющиеся на данный момент времени проблемы в существовании таких этнокультурных сообществ не видится возможным только путем реанимирования этнокультурных механизмов функционирования традиционной культуры. Эти попытки возрождения в большинстве своем не носят системного характера и сводятся по большей части к возрождению ее отдельных элементов – ритуальных практик, использование этнической одежды, проведение праздников и так далее, то есть актуализируются преимущественно архаические структуры.

³²⁰ Пивнева, Е. А. Пути и возможности сохранения обско-угорских языков и культур в условиях глобализации: опыт Югры // Труды Карельского научного центра РАН. 2014. № 3.

Практики и формы традиционной культуры выступают как регуляторы и систематизаторы общественной жизни этнокультурной группы. В ситуации же прекращения их функционирования, а, соответственно, распада групповое сознание этнокультурной группы воспринимает происходящее как потерю привычных систем ориентиров, системы идеалов. И, несмотря на невозможность реанимирования традиционной культуры в современных условиях, она может выступать в качестве ценностной основы жизнедеятельности.

Из всех составляющих сферу культуры именно художественная сфера обладает большими возможностями для саморепрезентации этноса. Это связано с природой художественного. Оно фиксирует в чувственно-явленной и доступной для понимания форме национальный характер этнокультурной группы. И делает это посредством выражения ключевых ценностных доминант, прошедших селекцию в ходе этнического культурогенеза.

При всех признаваемых положительных тенденциях глобализации, последствиями с деструктивным влиянием можно назвать модификации морально-этического и психологического облика человека и, следовательно, всего социума. Серьезные трансформации культурной ситуации, учащающиеся межэтнические контакты изменяют духовную сферу общества, ответственную за формирование личности, в частности влияют на систему этнически ориентированных ценностей, составляющих основу этнического самосознания и представленных системой поведенческих практик, находящихся отражение через различные формы художественной культуры. Выявление тождественности себя определенной этнокультурной группой протекает через идентификацию с такими ценностными категориями этого этноса.

Все более активно формирующаяся мозаичная культура современного общества, провоцирующая разрывание границ этнических идентичностей также влияет и на бытование традиционной художественной культуры. Несмотря на подобное воздействие, область культуры остается одной из

самых востребованных и значимых для репрезентации этнокультурной идентичности. Процессы этнической идентификации взаимосвязаны с актуализацией ценностной структуры личности. За ее материальное, чувственно-явленное воплощение отвечают произведения художественной культуры.

Ценности, формирующие аксиологическую систему этнической культуры, воплощаются в художественных произведениях. Эти ценностные категории конструируются в течение культурогенеза и актуализируются регулярно представителями этнокультурного сообщества. Аксиологические доминанты образуют совокупность социоцентрических идеалов, которые в ходе исторического развития этноса могут трансформироваться как с позиции содержания, так и с позиции занимаемого положения в системе ценностных ориентиров.

Как было сказано в первой главе данного диссертационного исследования, социоцентрические идеалы выполняют коммуникативную функцию. С нашей точки зрения, наибольшую вероятность успешной коммуникации в среде этнокультурного сообщества возможно достичь в пространстве художественной культуры.

Художественная культура является одним из компонентов, благодаря которому осуществляется постоянная социокультурная антитеза этноса «мы – они», «свои – чужие». Этот вид культуры играет роль в определении этничности: особенности художественной культуры способствуют осознанию себя, отличной от других этнокультурных общностей посредством художественных образов, таким образом, художественная культура является системообразующей формой саморепрезентации индигенных групп. Характеристики культуры разных коренных малочисленных северных народов зачастую оказываются схожими ввиду близости и компактности проживания, однако, несколько черт оказываются специфическими, становится дифференцирующей по отношению к другой этнокультурной группе. Так селькупы и ненцы относятся к группе

самодийских народов, тем менее исторический и религиозный культурогенез демонстрирует разницу.

Как правило, этнос стремится сохранить приобретенный и приобретаемый опыт, знания, навыки, таким образом, этническая культура содержит в себе уникальность процесса своего формирования. Каждое этнокультурное сообщество проживает в определенной природно-климатической среде, которая диктует набор имеющихся естественных ресурсов, что также в свою очередь определяет эстетическое видение и особенности художественного воспроизводства действительности. В случае с коренными малочисленными северными народами преимущественно экологическая ниша определила и определяет формы художественной культуры, характерные для этнической культуры этих народов.

Этническая художественная культура фиксирует и отражает в материально-чувственной форме специфику этнической самобытности, она сохраняет и ретранслирует в своих образах родовую сущность устройства этнокультурного социума. Традиция как сложная конфигурация, состоящая из морально-нравственных, социально-исторических, религиозных, философских и художественно-эстетических категорий, фиксирует разнообразие отношений человека с окружающим миром.

Художественная культура антропоцентрична – она репрезентирует в своих произведениях особенности устройства социума, которые воспринимается через оптику человеческой рефлексии. Именно зритель, слушатель, читатель, наблюдатель наделяет идейным содержанием предметы художественной культуры. В случае с этнической художественной культурой отраженный мир представлен не столько сквозь призму человеческого восприятия, сколько через обращение к социоцентрическим идеалам этнокультурной группы. Этническая художественная культура направлена не только на исследование места человека в мире и сопутствующие этому вопросы, а познает человека в полноте бытия с позиции внутригрупповой

жизни, органичной связи с природой и миром и жизнью этнокультурного сообщества.

Традиционная художественная культура воспроизводит важнейшие для этнокультурного социума идеалы в устойчивых формах. Но в то же время искусство как ядро художественной культуры является динамичной в своих практиках и подходах к ретрансляции этнических социокультурных идеалов. Искусство реагирует на трансформации политических, социальных, экономических и прочих условий и производит образы в ответ на эти изменения. Так современные мастера художественного творчества среди представителей коренных малочисленных народов севера создают произведения, ориентированные на демонстрацию тех проблем существования их этносов, с которыми они столкнулись. Также меняются некоторые художественные материалы, внедряются новые техники и технологии в разные виды творческой деятельности. Например, создающиеся образцы национального костюма, украшений, бытовых вещей и т.п. в большом количестве для экономических целей производятся с учетом возможностей современных достижений.

Художественная культура способна оказывать глубокое воздействие на человека, поскольку оно оперирует художественными образами и апеллирует к образному мышлению, воздействуя на чувственно-эмоциональном уровне. Когда человек проживает опыт в совокупности с эмоциями, эффект воздействия оказывается сильнее – средства выразительности художественной культуры обладают большей убедительностью, чем иные формы мыслительной деятельности человека.

Обращаясь к интерпретативной модели культуры К. Гирца, можно говорить о том, что художественная культура определенного этноса представляет собой совокупность смылосущих текстов, репрезентирующих социоцентрические идеалы этого этнокультурного сообщества.

Таким образом, художественные образы художественной культуры этноса представляет собой своего рода семантемы, содержащие этносоциальную информацию, определяющую функционирование этнокультурного сообщества.

Художественные образы через средства выразительности видов этнического искусства – аудиальные, визуальные, пластические, вербальные и т.п. – фиксируют необходимые для существования этнокультурной группы коренных малочисленных идеалы. Произведения этнической художественной культуры посредством художественных знаков транслируют человеку различные жизненные установки, ценностные ориентиры и т.п. Начиная с детского возраста, человек внутри этнокультурной группы контактирует с художественными образами в виде рассказанной сказки, фиксирующей модель поведения в конкретной ситуации, визуальных образов, фиксирующих образы духов, орнаментики на национальной одежде,

Во втором параграфе первой главы рассматривалась теория культуры Д. В. Пивоварова, согласно которой культура понимается как непрерывное идеалообразование жизнедеятельности людей. Понимание культуры таким образом позволяет изучать культурные формы как процесс создания идеалов, эталонов, согласно которым вырабатываются схемы действия для деятельности человека. Каждый аспект жизни является частью культуры, таким образом, человек всегда руководствуется эталонами.

Теория идеального основывается на понимании культуры через взаимоотношение субъекта с чувственно доступным репрезентантом бесконечного. Идеал в этой концепции обладает духовной и материальной природой, т.е. он не «односторонний». И поскольку идеал содержит в себе две природы, то он способен выступать как посредник между конечным субъектом и бесконечным объектом. Он находится в неразрывной связи с духовной и материальной составляющими культуры. Именно в художественных произведениях максимально проявлен потенциал идеала как репрезентанта сущности.

Согласно современной теории искусства В. И. Жуковского и Н. П. Копцевой художественная культура и искусство являются сферой создания идеалов, являющихся репрезентантами и воплощенных посредством художественных образов. Специфика природы художественного образа позволяет осуществить коммуникацию между человеком и обществом, человеком и миром в целом, с самим собой. Успешная коммуникация возможна при понимании языка коммуникации всеми сторонами, участвующими в нем. Язык может быть, как вербальный, так и визуальный, музыкальный и т.д.

Указанная теория искусства понимает произведение как систему знаков, которую реципиент способен прочесть как текст, в теории заложена возможность интерпретирования художественного текста произведения искусства. Произведение искусства фиксирует идеалы разных уровней посредством особенностей материального воплощения и содержательных компонентов, закладываемых автором и художественным материалом. Это могут быть идеалы эгоцентрические, социоцентрические, космоцентрические и абсолютноцентрические.

В исследовании художественной культуры этнических групп наибольший интерес представляют социоцентрические идеалы. Они определены знаками концептуальными для некоторой общности, сформированной историческим развитием, идеологией и т.д. В них выражаются идеалы социума.

Согласно современной теории искусства у художественного произведения есть три автора: художник, художественный материал и реципиент. Художником условно обозначается мастер, воплощающий в материальной форме произведение вне зависимости от вида художественного творчества. Художественный материал понимается в широком смысле – не только дерево, глина и т.д., но и содержание сюжетов эпоса, образы духов и т.д. В процессе взаимодействия художника и художественного материала появляется произведение, в котором

зафиксированы следы диалогического взаимоотношения обоих создателей – каждый из них сообщил произведению содержательно-техническую часть. Например, произведение, вырезанное на кости: кость как художественный материал, обладает рядом характеристик – нужно учитывать его фактуру, цвет, плотность и прочие свойства. И оно диктует художнику, как с ним можно обращаться – свойства дерева и иных материалов для пластики разные. Художник, вырезающий по кости учитывает эти свойства и вырезает сюжет в соответствии с габаритами и нюансами материала, наполненный определенным смыслом. Реципиент, считаясь одним из равноценных авторов произведения, следующим участником в создании произведения. Содержание произведения актуализируется в момент обращения к нему зрителя, читателя, слушателя, наблюдателя. И образ, формируемый в течение взаимодействия реципиента и произведения, и есть художественный образ.

Поскольку предполагается диалогическое взаимоотношение человека и произведения, между ними происходит коммуникативный акт. Исследование художественной культуры в единстве коммуникации произведения и реципиента позволяет минимизировать разрыв между духовной и материальной культурой. Реципиентом актуализируется произведение – вне коммуникации оно представляет физический габаритный предмет. Народная этническая песня конституируется как песня во время исполнения, именно тогда ее смысл, значение и функция осуществляются. Вырезанная орнаментика на кости «оживает» во времени взаимодействия со зрителем. Именно ситуация взаимодействия способна реализовать коммуникационный потенциал произведения.

Как правило, художественный образ отличается субъективностью. Особенность художественного образа произведений этнической художественной культуры или искусства заключается в том, что уровень субъективности минимизирован, т.к. в подобных произведениях фиксируются смыслы, репрезентирующие конкретную этническую культуру. Такой художественный образ условно также можно назвать субъективным,

только не в контексте его формирования человеком, а в контексте отдельного этнокультурного сообщества. Специфика материально-технического воплощения и образно-содержательного характера одного и того же культурного текста будет по-разному прочитана этносами.

С позиции этнической культуры социоцентрический идеал как представитель материального и духовного может функционировать в двух направлениях. С одной стороны, некоторыми членами этнокультурного сообщества он может быть востребован именно уникальными характеристиками своего материального воплощения. В таком случае носители этнической культуры выстраивают ее развитие с позиции материальности, обращается внимание на материальные ценностные ориентиры культуры – минимизируется духовное содержание идеалов, культурные символы не выполняют в полной мере свое предназначение. С другой стороны, может наблюдаться ситуация, при которой преобладает культивирование сверхчувственной природы социоцентрического идеала. Так идеал выходит за пределы своего воплощения, теряя материальное воплощение, наблюдается трансформация культурных форм. Гармоничное развитие этнокультурой общности возможно при равновесной и равнозначной актуализации обеих сторон существования социоцентрического идеала.

Репрезентативность художественного произведения формируется из того, что оно является образцом, представителем разных аспектов своего существования – оно фиксирует в своем конечном виде те действия, которые предпринимали художник и художественный материал и с точки зрения материального воплощения, и содержательного. Художественный образ каждого произведения обладает уникальной мерой характеристик, которые репрезентируют определенную школу, традицию, творчество конкретного мастера.

Художественный образ произведения этнической культуры кристаллизует и опредмечивает этнокультурные идеалы, он аккумулирует в

себе социальный опыт людей, в особенности нравственного аспекта. Художественный образ в своем роде проектирует, конструирует эталон морально-нравственного поведения этнокультурной группы. Таким образом искусство проектирует систему социоцентрических идеалов и в произведениях актуализирует этические, эстетические, нравственные и иные аспекты жизни этноса.

Обращаясь к теории культуры Д. И. Пиварова, в которой художественная культура понимается как идеалообразование, можно говорить о том, что эта сфера культуры работает не только как образное отражение мир, но и как сфера создания идеальной реальности.

Материальные воплощения – чувственно-явленная форма предметов художественной культуры воплощает и отражает национальный характер, ценности этноса и т.п. Именно они составляют культурный фонд этноса. Позволяет соотнести себя с фундаментальными ценностями.

Через произведения искусства или иные материальные артефакты культуры человек получает информацию о мироустройстве, о структуре социума, о мире в принципе. Произведения искусства отражают и фиксируют разнообразные социальные практики, существующие в мире. Благодаря материальной, оформленной согласно эстетическим нормам, форме зритель визуально считывает законы функционирования с самим собой, обществом и т.д. Зритель и искусство взаимовлияют и направляют развитие.

Так как художественные образы произведений искусства концептуализируется социальность в различных ее проявлениях, сфера искусства является пространством репрезентации идентичностей разных уровней, в том числе этнической. Область искусства, в частности изобразительного, характеризуется высоким потенциалом для познания конструирования этнокультурной идентичности в ее исторической динамике.

Традиционному искусству предписывают выполнение таких функций, как коммуникативная, прогностическая, эстетическая, гедонистическая, познавательная, воспитательная, компенсаторская. Это не означает, что

каждое произведение максимально осуществляет эти задачи – оно их выполняет, в той или иной степени. С точки зрения исследования этнической идентичности и ее манифестации наибольшую значимость представляют проявления познавательной, компенсаторской, эстетической и коммуникативной функций. Эти функции способствуют изучению зрителем взаимоотношений между различными структурами мира, поиску места в мире и т.д.

Образ художественной культуры, с одной стороны, репрезентирует реальные представления об этничности, характерные для конкретной этнокультурной общности в определенный момент развития ее культуры. С другой стороны, каждый вид художественной культуры обладает рядом средств выразительности способны трансформировать эти представления, обосновывая это необходимостью с точки зрения эстетики.

Выводы параграфа

Этнокультурная группа сама определяет, какие компоненты традиционной культуры включать в создаваемый публичный образ. И совершая акты этноманифестации, происходит реэтнификация. Конструируя публичный образ этнической культуры, отбираются некоторые компоненты этнической культуры, а какие-то становятся характерными только для ведущих тундровый образ жизни или только для поселковых жителей. Отобранные для манифестации формы этнической культуры предназначены для укрепления этнического мироощущения и поведения, так вырабатывается социокультурная норма, регулирующая жизнь этнического сообщества.

Особенность этого процесса заключается в том, что конструируемый образ этнокультурной группы имеет двойственную природу: этноманифестация способствует формированию самообраза для внутригрупповой солидаризации и публичного образа для внегрупповой репрезентации. Одной из целей манифестации этнической идентичности

является в том числе привлечение новых членов в этнокультурную общность и пополнение ее численности.

Формы этнической манифестации определяются символически-игровым характером и являются модификацией актуального этнокультурного производства. Как правило, компоненты этнической культуры репрезентируются на, своего рода, сценах: этнических праздниках, фестивалях, городских, коммерческих и политических мероприятиях, акциях и этнографических выставках. Также это могут образы, задействованные в рекламной продукции, модной индустрии и т.п. Подобные формы манифестации соответствуют современной культуре и актуальным практикам репрезентации. Это должны быть яркие, иногда нарочитые, стереотипизированные образы, отвечающие представлениям внегруппового этнического сообщества о культуре «экзотического» этноса. Этнокультурной группе необходимы техники узнавания для обособления себя от иных подобных сообществ.

Конструируемый публичный образ создается из наиболее узнаваемых образов, что отвечает стереотипным представлениям об особенностях культуры индигенных групп, тем самым формируется современный миф о ней. Наблюдается определенная закономерность: чем более условным, схематизированным является образ, тем большую силу достоверности приобретает этот миф.

Согласно Ф. Барту, сведения, составляющие современный миф, не подвергаются сомнению реципиентами. Напротив, сомнение в их достоверности может вызвать возмущение того общества, где этот миф существует. Формируемый образ культуры этнической общности, который включается в массовую культуру. Так манифестация этнической идентичности может привести к тому, что публичный образ этнокультурной группы коренных малочисленных народов Севера будет включать в себя такие стереотипные ярлыки, как оленеводство, унты, речевые обороты и т.п. Эти представления действенны в связи с приверженностью людей к

ностальгическим переживаниям, романтизации старины как чего-то подлинного.

Конструирование репрезентативных образов этничности посредством компонентов традиционной культуры формирует несколько искаженный мифологизированный образ и усиливает этническую идентификацию новых членов этнокультурного сообщества через обращение к истории. Э. Эрикссон, исследовавший феномен идентичности, отмечал, что она основывается на осмыслении временной протяженности своего бытия. Таким образом, историческое развитие культуры коренных малочисленных народов Севера является ключевой сферой бытия этнокультурной общности и становится территорией этнической идентификации для ее представителей. Поэтому актуализируется необходимость сохранения и конструирования памяти для осуществления групповой идентификации. Создаваемая групповая историческая память также выполняет социоцентрическую функцию – направлена на единение сообщества по принципу общности прошлого этнокультурной группы. Оно также создается путем отбора, реконструирования культуры, а выбираемые для его образа компоненты могут быть идеализированы или искажены. Мифологизированное прошлое может быть сформировано как из реальных фактов истории культуры этноса, так и домыслов, фантазий и т.п.

Представителями этнической культуры переосмысливается концепт традиционной культуры, а также наблюдается увеличение сферы ее репрезентации и стремление к формированию публичного образа этнокультурной группы. В современных условиях традиционная культура становится основанием для признания сообществом в целом их прав на этническую самоидентификацию, а манифестация этнокультурных особенностей основанием для получения специального политического статуса, которые необходимы в борьбе за традиционные места проживания, возможность вести традиционную промыслово-хозяйственную деятельность.

Традиционная культура может являться инструментом мобилизации этнокультурной группы для укрепления «коллективного голоса».

Как и для многих этносов, культурные традиции коренных малочисленных народов Севера имеют высокие шансы исчезновения, этническая идентификация уступает позиции определению иных форм идентичности. И в таких условиях традиционная культура, общность происхождения этноса наделяются статусом главных посредников формирования коллективной идентичности. И есть вероятность, что в таком случае культура становится практически равнозначной групповой идентичности, в результате чего могут наблюдаться ситуации ее абсолютизации, развитие форм этнокультурного консерватизма. Это может привести к поддержанию или интенсификации межгрупповых этнических границ.

К социокультурным функциям художественной культуры можно отнести конструирование эталонных образцов нравственного поведения и самосознания, реализуемых в художественных образах. Произведения этнической художественной культуры способствуют включению реципиента в актуальную для группы систему этических, эстетических и морально-нравственных идеалов.

Специфика произведений художественной культуры северных малочисленных коренных народов заключается в том, что в них фиксируется реальный опыт взаимодействия человека, а значит, и всей этнокультурной группы, идеалов их сообщества. Тем самым этническая художественная культура выступает в качестве социального регулятора жизни этнокультурной общности.

2.2. Киберэтничность как форма культурной идентичности коренных малочисленных народов Красноярского края (долган, кетов, нганасан, селькупов) в конце XX — начале XXI века

Интенсификация численности и деятельности виртуальных сообществ понимается как одно из обоснований и подтверждений теории «воображаемых сообществ», поскольку этноориентированные онлайн-группы создаются и интерпретируются пользователями социальных медиа как сообщества. Интернет-пространство сетевого сообщества маркируется посредством идеи виртуальной этничности в оптике М. Постера – она трактуется как «взаимодействие реальных и виртуальных элементов конструирования этнических групп»³²¹.

Сфера Интернета позволяет исследовать современное состояние многих социальных и культурных феноменов, в том феномен виртуальной этничности коренных малочисленных народов Севера. И, с одной стороны, в нем сложнее проследить особые этнические отличия между людьми, поскольку информационное поле безгранично и неопределяемо в принятых физических категориях. С другой стороны, эта система более открыта, обладает высокими возможностями для поиска необходимой информации.

Исследование виртуальных групп этнокультурной направленности вызывает исследовательский интерес по ряду причин. Они являются одной из ключевых площадок для реализации этнической манифестации, будучи добровольными объединениями. Создатели, администраторы и участники цифровых групп понимаются как единомышленники и, исходя из особенностей функционирования сообществ в сети Интернет, соавторами. Пользователи проводят тщательный отбор тех виртуальных сообществ, в которых состоят и в деятельности которых будут принимать участие. Создаваемый ими контент публикаций дифференцируется тематически, в

³²¹ Poster M. Virtual Ethnicity: Tribal Identity in an Age of Global Communications // CyberSociety 2.0. Revisiting Computer- Mediated Communication and Community. Thousand Oaks, 1998. С.153.

результате чего можно определить основные содержательные основания репрезентируемой виртуальной этничности.

Для данного исследования были выбраны сообщества социальной сети Вконтакте, репрезентирующие этнокультурную идентичность коренных малочисленных народов Севера. Выбор этой социальной сети обусловлен тем, что она является самой многочисленной по количеству активных пользователей в России. Посредством детализованного поиска, встроенного в систему этой социальной медиа, были обнаружены и проанализированы одиннадцать этнолокализованных виртуальных сообществ и десять субэтнических.

Методологическая стратегия определена виртуальной этнографией и представляет собой комплекс из методов традиционной и кибер-полевой этнографии, классических научных методов и инструментов аналитики big data, позволяющих провести статистическое исследование и исследование контента. Применение аналитических сервисов big data обусловлено технологической природой цифровых сообществ, позволяющих провести интенсивное по погружению изучение содержания этих онлайн-групп от момента их создания до настоящего времени.

Целью данного параграфа является изучение виртуальной этничности как формы культурной идентичности коренных малочисленных народов Севера России.

Коллективная идентичность, коей является этнокультурная, существует благодаря индивидуумам и их деятельности по ее актуализации. Именно они воплощают этнокультурное «мы». Этнокультурная идентичность в целом и виртуальная этничность в частности, являясь воображаемой в контексте теории «воображаемых» сообществ, по замечанию Яна Ассмана³²² требует и воображаемой реализации, преемственности. Реализация и преемственность

³²² Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

виртуальной этничности протекает в пространстве сообществ, размещенных в Интернет-среде.

Процессы социализации представителей коренных малочисленных народов Севера и утверждение их существования, самобытности происходит в определяемых этнической культурой формах. Современная культура в целом интернетогенна и современная эпоха определяется возможностями медиасферы, в связи с чем наблюдается востребованность пространства Интернета носителями традиционной этнокультуры для позиционирования и конструирования образа этноса в этой среде.

Такая составляющая этничности как «единство территории» связана с тем, что первоначально этнокультурную идентичность человек получает в кругу близких людей, семьи, общины и т.п. Понимая Интернет как специфическое пространство, можно говорить о том, что он способен восполнить дефицит территориальной близости для осуществления этнокультурной коммуникации, что в большей степени актуально для этнических меньшинств³²³. Именно они зачастую набирают наибольшую активность в использовании кибер-площадок для этнокультурной манифестации. Большое количество разнообразных виртуальных сообществ со схожей тематикой также порождает конкуренцию, стимулируя к развитию, стремлению удержать внимание читателей и выбору в пользу качественного контента, тем самым порождается несколько этноориентированных онлайн-сообществ, посвященных одной этнокультурной группе.

Интернет-сообщества востребованы как сферы самопрезентации коренных малочисленных народов Севера. Каждая цифровая группа в социальных медиа представляет собой уникальный этнокультурный проект. Создатели, администраторы, модераторы определяют перспективные линии развития, отбирая тематику, формат, время публикаций и способы

³²³ Пчелкина, Д. С., Авдеева, Ю. Н. Способы этнической манифестации в виртуальном пространстве: концептуальный анализ // Северные архивы и экспедиции. 2020. № Т. 4. № 2.

взаимодействия с аудиторией, степень ее вовлеченности в конструирование виртуальной этничности. Они несут ответственность за появляющуюся информацию. Также все этноориентированные группы в онлайн-среде выступают как популяризаторы собственной этнокультуры.

Первыми участниками цифрового сообщества могут стать друзья и близкие люди, однако, впоследствии возможно быстрое расширение зоны распространения деятельности сетевой группы. Благодаря поисковым запросам в сети Вконтакте, Facebook и других социальных сетях пользователи, заинтересованные в нахождении единомышленников, могут быстро и легко найти имеющиеся и функционирующие сообщества, присоединиться к ним.

Интернет как пространство медиасферы является дискурсивным, семантическим, в котором язык и текст выполняют одну из главных ролей, они выстраивают и конструируют отношение читателей виртуальных сообществ к тем элементам этничности, которые выбрали авторы текстов для репрезентации. Именно через тексты выстраиваются новые социальные границы между членами группы, становясь факторами ретрайбализации и детрайбализации.

Публикации в цифровых сообществах как нарративные тексты являются инструментом ретрансляции этнокультурной идентичности «в силу того, что их дискурсивный потенциал сводится к трансформации, преломлениям повествуемой действительности в аспекте авторской точки зрения и, как следствие, конструирования не столько новой действительности, сколько модуса отношения и восприятия к «известной» действительности»³²⁴. Нарративные характеристики текстов, размещаемых в виртуальных сообществах, формируются различными видами медиа. Понимая медиа как средство коммуникации и способы передачи информации, ими можно считать СМИ, искусство, ритуальные и обрядовые практики и т.п.

³²⁴ Дронова, И. Г. Нарративный подход к анализу этнической идентичности: возможности и перспективы // Наука и современность. 2010. № 2-3.

Нарративность текста провоцирует у читателя ощущение действительности, формирует у него однозначность отношения к предмету повествования, выстраивает четкий образ описываемых в публикациях феноменов.

Авторы публикаций, ведя повествование, предлагают аудитории воспринимать информацию об этнокультуре в выбранной им манере подачи информации, высказываний определенной точки зрения, т.е. предлагается определенная идеологическая упаковка. Тем самым авторы способны влиять на развенчивание или закрепление существующих стереотипичных взглядах о той или иной культуре, порождают новые мировоззренческие установки. Виртуальная этничность, репрезентированная в виртуальных сообществах, воспринимается как объективная, реальная, так как она закрепляется в дискурсном формате носителями этнической культуры.

Интерес для участника цифрового сообщества заключается и в том, что нарратив виртуальной этничности актуализируется в настоящее время, в данный момент с позиции представителя этноса. Манера изложения выстраивается с позиции человека сегодня, знающего итог динамики развития жизнедеятельности этноса. Виртуальная этничность конструируется авторами, модераторами виртуальных сообществ. А их участники, становясь сначала реципиентами нарративных текстов, затем через систему распространения публикаций внутри социальных медиа («лайки», «репосты», комментирование) становятся соавторами, популяризируют систему элементов виртуальной этничности.

Самопрезентация коренных малочисленных народов Севера, реагируя на социокультурные трансформации, в онлайн-группах соответствует следующим тенденциям. Во-первых, тенденции к индигенизации, в рамках которой каждая этнокультурная группа стремится к обособлению собственной уникальной этнокультуры как в оффлайн-, так и онлайн-пространстве и воплощает субъективную форму виртуальной этничности. Во-вторых, ориентация на транснациональные взаимодействия. Будучи признанным на государственном уровне национальным меньшинством,

сообщества коренных северных малочисленных народов в социальных медиа не характеризуются большим количеством пользователей в сравнении с группами более крупных этносов, например, татарских. И чтобы получить ощутимый социальный вес, наблюдается тенденция создания большого количества сообществ, объединяющих различные коренные этнокультурные группы. Тем самым создается коллективная виртуальная этничность северных коренных народов. Такие сообщества имеют большее количество участников, большой охват аудитории разных возрастов, групп населения, активное участие пользователей в сообществе. И, как следствие, их деятельность направлена на решение тех вопросов, которые вызывают наибольший интерес пользователей – административных, правовых вопросов и т.п., связанных с положением этих этнокультурных групп в обществе. В-третьих, курс на позиционирование традиционной культуры в качестве политического и экономического ресурса. Именно к ее уникальности апеллируют представители народов Арктической зоны, а точнее к угрозе ее сохранности в условиях глобализации, тем самым переосмысляя ее как концепт.

Важно отметить тенденцию трансляции информации о культуре этноса посредством создания образа определенной личности, персонажа, через оптику которого и освещается тематика сообщества. Самопрезентация этнокультуры коренных малочисленных народов России в пространстве социальных медиа становится более субъективизированной и полиэтнических, и этнолокализованных виртуальных сообществах. Это направление реализуется различными способами. С одной стороны, персонажем может выступать представитель этноса. С другой стороны, это может быть субъект иной культуры, взаимодействующий по определенным причинам с носителями этнокультуры коренных малочисленных народов Севера.

В первом случае обращаются к следующим группам лиц: носители культуры, чей уклад жизни можно охарактеризовать как традиционный, в

образе которых кристаллизована репрезентативность и основа культурной идентичности этноса. Одна из востребованных рубрик сообществ в таком случае – интервью, в которых задаются вопросы о проблемах сохранения этнокультурной идентичности в современных условиях изменения климата и связанные с этим фактором последствия для поддержания традиционной хозяйственно-промысловой деятельности. А представители различных административных управлений, местные общественные деятели и другие представители этнокультуры комментируют актуальные события и новости в жизни поселка, например.

Еще одной групп лиц, к образам которых обращаются авторы, модерирющие работу соответствующих социальных медиа, – это выдающиеся личности этнокультурной группы, которых можно назвать образцовыми представителями, выступающие примером для остальных. В данном случае это могут быть спортсмены³²⁵, добившиеся определенных результатов, или имеющие высокие академические достижения, создающие социокультурные и этноориентированные проекты, талантливые мастера³²⁶³²⁷, фиксирующие в своих работах образы, относящиеся к этнокультурной самобытности. Они являются личностями, которые осуществляют фиксацию субъектов этнической культуры, следовательно, и самой культуры, как уникальных, особенных, выделяющих ее на фоне остальных. В таком аспекте видятся логичными и частые записи в поле новостной ленты виртуального сообщества о днях рождения или смерти известных людей³²⁸, знаковых для этнической культуры – поэтов и поэтесс, рукодельниц, охотников, активистов и т.д.

Подобные записи усиливают чувство общности у этнокультурной группы, способствуя рефлексии об этничности в виртуальном пространстве. Проводится линия преемственности от былых выдающихся носителей

³²⁵ https://vk.com/wall-72178198_3063. Публикация от 14.11.2016

³²⁶ https://vk.com/wall-177396622_561. Публикация от 24.12.2019

³²⁷ https://vk.com/wall-177396622_588. Публикация от 27.12.2019

³²⁸ https://vk.com/wall-177396622_515. Публикация от 16.12.2019

этнокультуры к современным. Примеры для подражания ушедшей эпохи и современного периода совершали и совершают деяния, прославляющие свою этнокультурную группу и позволяющие закрепить за общностью статус особенной, великой. Регулярность появления подобных новостных сообщений и регулярность взаимодействия участников сообщества в социальных медиа по этой теме показывает, насколько актуальным является такой механизм для циркуляции этнокультурных смыслов и воспроизводство этничности.

В случае, когда темой публикаций в виртуальном сообществе становится субъект иной культуры, оказавшийся в ситуации инклюзии с этнокультурными коренными малочисленными северными народами, реализуется процесс этнокультурной идентификации, только не посредством осознания причастности, переживание чувства близости и родства. В данном случае виртуальная этничность осознается в процессе дифференциации от «иногo», возобновляя проведение границ между разными этнокультурными группами.

Этническая манифестация в пространстве медиа посредством образов конкретных личностей обращается к таким жанрам, как интервью и репортаж. Они ориентированы на формирование психологического портрета интервьюируемого, получение и передачу информации по актуальным вопросам и формированию сопереживания у читателей. Близость переживаемых проблем определяет интерес реципиента. Зачастую будучи краткими, интервью демонстрируют высокий уровень информативности, который необходим, т.к. нацеленными на освещение тех задач, осуществление которых возможно не столько на локальном уровне, сколько на государственном. Мы полагаем, что это связано с важностью и, возможно, первостепенной необходимостью решать вопросы сохранения и воспроизводства этнической культуры, чье дальнейшее существование под угрозой. Обращаясь к текстовому варианту интервью или смотря видеозапись, репортажные заметки, читатель становится третьим участником

коммуникации, конструируя свой субъективный образ новостного сообщения, но при этом формируя его с опорой на содержание интервью.

В противовес подобным информационным форматам репрезентация официальных СМИ обращается также к жанрам интервью и репортаж, носит более развлекательный характер. Например, в телевизионной репрезентации коренных малочисленных народов Севера востребованным является формат «инфотейнмент». Он ориентирован на информативность, транслируемую в развлекательном ключе, как и, в целом, содержание таких телевизионных программ. Инфотейнмент предполагает превалирование досугового формата, что выражено в характере оформления материала. Примером реализации может служить «трэвел-журналистика». Он предназначен для увеличения туристического потока в регионы компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, что может благотворно повлиять на экономику региона. Но при этом актуализируются «зрелищные» элементы культуры локальных этнокультурных групп, которые уже сейчас являются десакрализованными. И таким образом можно отметить еще одну тенденцию – символическую инверсию, т.е. обращение стигмы в норму.

Новые медиа, становясь все более активной площадкой для этнической манифестации виртуальной этничности, используют традиционные журналистские жанры. Но при этом, обращаясь к пространству Интернет и его особенностям как медиасферы, формируют иные условия взаимодействия читателя, аудитории и создаваемого медиатекста.

Деятельность модераторов, создателей цифровых сообществ направлена постоянное движение смыслов, составляющих систему этнической культуры, только реализуемых в пространстве Интернета, посредством чего поддерживается этнокультурную общность. Воспроизводство культурных кодов обеспечивает этнокультурную идентичность и поддержание виртуальной этничности.

Виртуальная манифестация этничности большинства медиасообществ на стимулировании чувства гордости и достоинства за принадлежность к

конкретному этносу или развитие чувства собственной уникальности, благодаря чему происходит конструирование эмпатических связей между его представителями. Часто можно встретить такие фразы в сетевых сообществах, посвященных коренных малочисленных народов Севера, как «мы одни из древнейших народов» или «нас осталось в мире немного. Ты представитель малочисленного народа».

Сообщество по типу участия в нем может быть закрытым, однако, заголовок, своего рода девиз сообщества, остается видным пользователям, случайно или специально обнаружившим эту группу. И даже теми, кто не стал участником сообщества, подобное позиционирование членов данного медиатоваришества будет зафиксировано. Таким образом идентичность, а впоследствии и манифестация, формируется на основании принадлежности не коллективу, а через фиксирование принадлежности к великому этносу, имеющему давнюю историю, уникальную культуру и т.п. Особенно ярко подобное конструирование происходит в иноэтническом окружении или в условиях, когда возникает угроза существованию этноса, когда есть угроза потери культуры, что можно наблюдать в данной момент развития современной культуры.

Однако, как говорилось ранее, группы социальных медиа, освещающие культуру коренных малочисленных народов Севера, как правило, малочисленны и по своему составу: малочисленность влияет на состав виртуальных сообществ. В ситуации угрозы существования этнокультуры, с другой стороны, наблюдается обратная тенденция – формированию сообществ, в состав которых входят различные этнокультурные общности. В данном случае имеет значение землячество и переживание схожих ситуаций в деле сохранения традиционной культуры, близостью характеристик этнической культуры. Такие группы объединяют коренные малочисленные народы в формации, насчитывающие несколько тысяч человек. Например,

сообщество «КМНС»³²⁹, численность которого более трех тысяч человек, а также «Ассоциация КМНСС и ДВ РФ»³³⁰ (3636 участников), «Российский Север»³³¹ (2065 пользователей), "Сибирское землячество в Санкт-Петербурге»³³², «Коренные народы Севера, Сибири, Дальнего Востока» (1942 участника)³³³, тогда как моноэтнические цифровые группы могут определяться только десятками и сотнями подписчиков.

Виртуальное сообщество «КМНС» начало свою деятельность в мае 2018 года и ставит целью своей деятельности «содействие коренным малочисленным народам севера в виде услуг способствующих получению грантов, кредитов, предоставление новостей и информации, разработка презентаций и т.д.», что у них завялено в заголовке сообщества. Это та информация, которую первой воспринимает попавший на страницу сообщества. Оно обсуждает экономические события, актуальные для жизни его представителей: снижение цен на соболиные шкуры в три раза, отмена аукционов по их продаже, сложности обеспечения жизни для семей охотников и сложности морской зверобойной деятельности. Появляются публикации о создании учебников на языках коренных народов, о вкладе коренных народов в победу в Великой Отечественной войны и т.п. Но самыми частыми и востребованными записями являются сообщения об увеличении дотаций, о новых грантах, итоги переписи коренного северного населения, мероприятия (например, «Гостеприимный чум», состоявшийся 18.05.2018) и сообщения от Министерства природы и природопользования.

Подобной деятельности посвящена работа РОО "Сибирское землячество в Санкт-Петербурге»³³⁴ с триста шестью подписчиками, но это сообщество в большей степени выполняет просветительскую миссию: «Мы не забываем свои корни, язык, традиции и особенности, а, наоборот,

³²⁹ <https://vk.com/kmnsru>

³³⁰ <https://vk.com/vkraipon>

³³¹ https://vk.com/ros_sever

³³² <https://vk.com/siberiancommunity>

³³³ <https://vk.com/club27950389>

³³⁴ <https://vk.com/siberiancommunity>

стремимся приобщить петербуржцев к нашей самобытной и интересной культуре. Мы – молодое поколение (от 18 до 30), которое стремится реализовать свой потенциал и сделать вклад в укрепление межнациональных отношений внутри страны», что они и представляют участникам на заглавной странице.

Подобные многочисленные по составу онлайн-группы поднимают вопросы культурной идентичности. Тематика варьируется от новостей из сферы искусства до стратегии экономического развития региона, состояние традиционной культуры до проектов, направленных на ассимиляцию с вызовами глобальной среды. Например, появляется публикация об инициативе экспресс-курсы английского языка для коренных малочисленных народов Севера (проект «ЧУМовой английский») для реализации туристических и молодежных проектов³³⁵, и о соответствии традиционным канонам, которые актуализируются этническими театрами³³⁶. И оба события затрагивают состояние культурной идентичности. Первое преподносится читателям с позиции переосмысления состояния территории компактного проживания в случае их трансформации в туристические лагерные пространства, т.е. угроза существует извне, и она реальна. Второе событие связано с внутренней жизнью сообщества – несоблюдение правил традиционного национального танца. Танец как символическая форма культуры не актуализируется полноценно, а в искаженном виде. И этот вопрос соответствия позиционируется как дискуссионный, где разные стороны могут высказать аргументы.

Выделяющимися активными участниками, модераторами являются представители этнокультурных меньшинств Арктической зоны Красноярского края, проживающие в разных частях России, ученые, юристы, спортсмены и т.п. Они ведут деятельность в сети Интернет по распространению информации о проблемах существования своей культуры,

³³⁵ https://vk.com/club27950389?w=wall-27950389_10318%2Fall. Публикации от 23.01.2020

³³⁶ https://vk.com/club27950389?w=wall-27950389_10415%2Fall. Публикация от 26.02.2020

разъяснению прав и обязанностей своим сотоварищам, задействуя различные цифровые площадки – не только упомянутую сеть Вконтакте, также Instagram, Youtube.

Подобные участники этнокультурных медиа объединения выбирают просветительскую деятельность не только среди субъектов собственной этнокультуры, но и среди более широкой аудитории. Они распространяют информацию о существовании таких самобытных культур, определяющихся малочисленностью, особенностью географического проживания, важности взаимосвязи сосуществования культуры и природы для воспроизводства этнокультурных смыслов, имеющейся угрозе для этого. Создаются медиатексты, в которых культура коренных малочисленных народов Севера представлена в контексте угрозы ее исчезновения, ставятся вопросы об ответственных людях, организациях и процессах. Они обращаются к анализу политических указов, законов, относящихся к их этническим общностям и определяющих условия их жизни, правах, грантах, пособий и т.п. Таким образом, виртуальная этничность этих этнокультурных групп приобретает черты политизированности, заявляя о себе и своих проблемах на большую аудиторию, возможно не знающую о таких этносах или проживающую далеко за пределами территорий традиционного расселения. В данном случае мы можем отметить трансформацию понимания традиционной культуры, поскольку формируется новый публичный образ этноса, который определяется через самопрезентацию своей культуры как редкой ввиду малочисленности ее представителей, находящейся на грани исчезновения из-за глобализационных процессов, тем самым испытывающей ущемление в правах.

Субэтнические виртуальные сообщества представлены также группами, предлагающими узкопрофилированную тематику – например, «Товары для оленеводов»³³⁷ (с 86 пользователями), группа, предлагающая

³³⁷ <https://vk.com/public162771874>

услуги установки чума «ООО "Община КМНС - Тор"³³⁸ (334 участника), бренд по продаже северной сувенирке «Хайвалам»³³⁹. Но, как и исследованные ранее сообщества, они не сосредотачиваются только ключевой теме. Каждая группа выполняет просветительскую функцию культурологической направленности – события из детства, связанные с первыми взаимодействиями с геологами, заметки о Дне оленевода, о почитаемых знаковых днях в культуре ханты и манси («Вороний День»), о приметах, связанных с природой и главными процессами в тот или иной период. Основательница и главный модератор группы «Хайвалам» является представительницей кетской и хантыйской культур. Обязательными публикациями и регулярной рубрикой в администрируемом ей сообществе является составление списков фильмов о культуре коренных северных народов, рассказ о жизни носителей культуры, подкрепленный личными детскими фотографиями, когда автор проживала в поселке на Севере, кетскими сказками, аудиозаписями и т.п. Она раскрывает нюансы этнокультурной идентичности: знакомит с понятиями, формирующими культурную идентичность (например, с феноменом «нимат» – обычаем взаимопомощи у тунгусских народов Сибири), о традиционном приветствии, обращает внимание на события экологического календаря малочисленных этнических сообществ Севера, объясняет названия некоторых товаров ее магазина. В этой цифровой группе активно поднимается проблема сохранения национального языка.

Исходя из анализа контента экономически ориентированных сообществ Вконтакте можно говорить о том, что, с одной стороны, традиционная культура для них является экономическим ресурсом – примером может являться слоган «Расскажи о своем народе, культуре через национальные футболки с принтами!» в группе «Хайвалам». С другой стороны, каждая из групп в определенной степени создает условия и информационное поле,

³³⁸ <https://vk.com/obshchinator>

³³⁹ <https://vk.com/haivalam.brand>

рассказывая о культуре и краугольных вопросах бытности своей этнокультурной группы. И экономические функции начинают работать в соединении с распространением информации об актуальном состоянии коренных народов. Виртуальная этничность выстраивается на чувстве необходимости и долга актуализировать традиционную культуру, она выступает как основа для стимуляции интереса к малознакомой широкой аудитории этнокультуре.

Социально-экономические факторы активно влияют на существование северных коренных малочисленных народов, в связи с чем трансформируются и способы этноманифестации. В исследовании применялся один из методов цифровой этнографии – онлайн-наблюдение. Оно велось в течение продолжительного времени: изучение сообществ коренных малочисленных народов Севера в Вконтакте ведется с 2018 года.

Первый этап исследования связан с поиском и нахождением онлайн-сообществ в этой социальной медиа. Она была выбрана, поскольку является крупнейшей в России – с наибольшей численностью активных пользователей в месяц. Многие из этнокультурных общностей выбирают именно Вконтакте в качестве площадки для самопрезентации.

Отбор цифровых сообществ на первом этапе исследования осуществлялся посредством функции встроенного поиска этой медиа посредством указания параметров поиска. Ими выступали следующие: названия этнокультурных групп и прилагательные, производные от них. Так единицами запросы стали «селькупы», «долганы», «нганасаны», «кеты». Из предложенных поисковой системой вариантов происходил дальнейший отбор: некоторые названия схожи или идентичны названиям онлайн-групп, которые посвящены репрезентации культурной идентичности казахов. Поэтому первоначальное число обнаруженных сообществ на втором этапе сократилось. Ввиду малочисленности кетов, селькупов, нганасан и долган этноориентированных онлайн-групп также небольшое количество, а также

может быть связано не только с их малочисленностью как таковой, а также с интенсификацией процессов этнокультурной ассимиляции.

За это время наблюдалась динамика численности сообществ, участников, статусов групп. Группа «нганасаны»³⁴⁰ сократила численность с 49 пользователей до 15 (2018-2020 гг.), долганское виртуальное сообщество, напротив, выросло – с 245 до 305 человек. Одна из групп – «Нганасаны – самый Северный Народ Евразии» – изменила статус и стала закрытой. Виртуальные сообщества селькупской этнокультурной группы дифференцировались по тематике: новостной паблик, сообщество школьников поселка, веб-группа музыкального коллектива и лингвистические сообщества.

Из дальнейшего исследования были исключены сообщества Вконтакте, являющиеся закрытыми, поскольку в такой ситуации отсутствует возможность проанализировать содержание записей, аудио, видео и фотофайлов, а, соответственно, сделать вывод о регулярности появления публикаций, охвате аудитории, количестве и качестве комментариев, репостов (вторичная публикация, размещенная другим пользователем).

Некоторые виртуальные сообщества являются закрытыми, когда участником этой группы можно стать, отправив заявку на вступление, но желание быть участником какого-либо онлайн-сообщества и подача заявки не гарантия вступления в него. Это своеобразный фильтр, не пропускающий определенную аудиторию, дифференцирующих «своих» и «чужих». В то же время этот механизм сокращает число потенциальных членов сообщества социальных медиа. Закрытые группы в данном исследовании анализировались только с позиции численности, названия, заголовка, используемого в них языка и изображения группы.

Следующие параметры, которые анализировались – численность группы, название и языковая модель, наличие/отсутствие изображения в «аватаре» группы (графическое изображение, представляющее пользователя,

³⁴⁰ <https://vk.com/club43078921>

группу, игрового персонажа в социальных сетях). Содержание этих параметров создает своего рода дискурсивное субъективное поле каждой цифровой группы.

Результатом поискового запроса, по ключевым словам, «селькуп», «селькупы», «селькупский» стали три сообщества, каждое из которых активные. Это группы SelkupLiveNews³⁴¹ (1546 участников), СЕЛЬКУПЫ³⁴² (110 пользователей), КР ОО АКМНС «Колта-Куп» ТО³⁴³ (74), Ансамбль селькупской песни "Мачит коймы"³⁴⁴ (99 участников), Южноселькупский язык³⁴⁵. Особенность последнего сообщества заключается в том, что это не виртуальное сообщество в привычном понимании социальных медиа: автор ведет просветительскую деятельность с личной страницы, создавая информационное поле, связанное с селькупским языком. Читателями данного сообщества являются 131 человек.

Виртуальная этничность долган представлены в группах «hакалар – долганы»³⁴⁶ с 305 участниками и МОО "Союз долган ТМР"³⁴⁷ со 140 пользователями. Сообщество МОО "Союз долган ТМР" вело активную деятельность до 2018 года, но 2019 и 2020 год не отмечены появлением публикаций в группе. Но происходили изменения в условиях вступления в состав читателей, так что можно говорить о том, что группу продолжают модерировать.

Культура кетов освещается сообществом «ОСТЫГАННА БА'Ў | ЗЕМЛЯ КЕТОВ»³⁴⁸, являющимся многочисленным (518 пользователей) среди представленных в этом исследовании.

Нганасаны ведут активную деятельность в Вконтакте. Их этнокультурная общность самопрезентирована в следующих сообществах:

³⁴¹ <https://vk.com/selkuplivenews>

³⁴² <https://vk.com/selkupi>

³⁴³ <https://vk.com/club147790354>

³⁴⁴ https://vk.com/machit_koymi

³⁴⁵ <https://vk.com/torova.lyagha>

³⁴⁶ <https://vk.com/hakalar>

³⁴⁷ <https://vk.com/public86594487>

³⁴⁸ <https://vk.com/club133441545>

НГАНАСАНЫ³⁴⁹ (73 подписанных на сообщество человек), нганасаны³⁵⁰ (15 пользователей), МОО «Союз нганасан»³⁵¹

Первичный анализ найденных групп показывает, что наиболее активная и этноманифестация в Вконтакте, наблюдается у селькупов. У них пять активных сообществ в социальной медиа, по названию которых можно определить ведущую тематическую линию: есть новостной портал («SelkupLiveNews»), лингвистически ориентированные («Южноселькупский язык» и «Колта-Куп»), а также посвященное традиционному искусству сообщество (Ансамбль «Мачит коймы»).

Три сообщества освещают культуру нганасан, два – долган. Малым числом сообществ представлены кеты – одно сообщество, но которое является самым многочисленным из представленных.

Анализ названий сообществ выявил тенденцию трайбализации. Выбор для наименований объединений слов «союз» (группы долган и нганасан) и «земля» (кетская группа) фиксирует единение представителей. Семантически слово «союз» близко таким понятиям, как «родство», «тесная связь», «объединение», «партнерство». Семантические свойства слова «земля» постулируют иное значение, оно может пониматься как территория, которая находится в чьем-то владении или как место жительства и деятельности людей. Авторы и вступившие в сообщество кетов тем самым закрепляют правомерность закрепление за собой определенного цифрового пространства, на котором они будут реализовывать свою деятельность.

Процесс поиска сообщества, своего рода «клуба по интересам» схожи и в онлайн, и в оффлайн пространстве: человек руководствуется собственными интересами и выбирает группу со схожим мировоззрением на определенные концепты. И вне пространства медиа человек в ходе коммуникации устанавливает, насколько ему близка общность, в которую он мог бы вступить. Степень близости вне Интернет-сферы определяют в ходе

³⁴⁹ <https://vk.com/club18787594>

³⁵⁰ <https://vk.com/club43078921>

³⁵¹ <https://vk.com/public114462597>

коммуникации. Онлайн же пространство предлагает человеку знакомиться с содержанием, правилами виртуальной группы и т.д. В верхней части страницы сообщества администратором или совместно с единомышленниками концептуализируются цель, задачи, назначение, тематика, правила общения между пользователями. Вступая в сообщество, новый пользователь соглашается с подобным «уставом». Поэтому важно обратиться к анализу этих аспектов в исследовании Интернет-сообществ коренных малочисленных народов Севера. Это позволяет понять, какие задачи ставят и реализуют модераторы группы, на какие элементы этнокультурной идентичности они будут опираться в виртуальной этноманифестации.

Выше говорилось о том, что названия онлайн-групп селькупов позволяют понять и основную тематику, цель функционирования сообщества, целевую аудиторию. SelkupLiveNews позиционирует себя как информационное сообщество, фиксирует дату его основания и обращается с просьбой к подписчикам высылать при наличии старые фотографии, т.е. это сообщество не функционирует согласно заглавной информации как пространство реализации этнокультурной манифестации, а ориентировано на более широкий спектр аудитории. Остальные же селькупские группы, напротив, сосредоточены на культурной идентичности. Группа «СЕЛЬКУПЫ» заявляет, что «Если ты увлекаешься историей и культурой малых народов, то в этой группе ты сможешь найти интересную информацию и единомышленников. Если в твоих венах течёт кровь селькупа, то здесь ты найдёшь своих соплеменников» в заглавии сообщества, что сужает тематику, но при этом в число подписчиков могут входить не только носители этнической культуры, но и заинтересованные сторонние лица. Ансамбль селькупской песни посвящает искусству созданное сообщество, цель «Колта-Куп» – это «Возрождение, сохранение и развитие культуры и селькупского языка».

«ОСТЫГАННА БА'Ң | ЗЕМЛЯ КЕТОВ» в соответствии с названием видит своей целью воссоединение не только кетов, но и других малочисленных народов Севера, что и фиксирует в базовой информации о сообществе: «Эта группа создана, чтобы объединить кетов, этнических кетов представителей других народов енисейской языковой семьи и других таежных народов, а также всех, кто как-то связан или интересуется культурой кетов. Страница для тех, кто интересуется, изучает, владеет или является носителем кетского языка. Целью группы является объединение людей, помнящих о своих корнях, искренне любящих свою землю и культуру», а заголовок «Тайгу в наследство сыну» усиливает намерение создать некое пространство, где будут собираться все «таежные народы» и принадлежность территории проживания и жизнедеятельности коренным малочисленным северным народам.

У нганасанских и долганских групп либо отсутствует вводная информация о группе, либо она позиционируется через понимание своего этноса как самого самодийского «Таким образом, можно сказать, что нганасаны являются генетически «самым самодийским»³⁵² народом из всех. Кроме того, это один из самых однородных народов из тех, что изучены по ДНК Y-хромосоме» (группа «нганасаны»). И в таком случае сложно сделать вывод о том, для кого и чего осуществляется деятельность сообщества. потенциальному пользователю может быть трудно идентифицировать себя как частью подобной группы.

Визуальный образ, используемый заглавном графическом изображении цифрового сообщества, служит для ее распознавания пользователями, а также несет дополнительную информацию о сообществе. Это лицо группы, и оно в случае онлайн-сообществ репрезентирован художественными образами традиционной культуры. Выбираются архетипичные образы, например, изображение гагары, священной птицы у селькупов и других северных этносов или изображение солнца. Также для самопрезентации отбираются

³⁵² <https://vk.com/club43078921>

востребованные и узнаваемые аудиторией образы, такие как национальные костюмы, музыкальные инструменты, традиционное жилище и т.д. Можно сказать, что «лицом» цифровых сообществ становятся стереотипизированные визуальные образы, связанные с этнокультурой, в том случае, если деятельность онлайн-групп распространяется не только на представителей этноса. Художественное оформление заставок сообществ преимущественно обращается к образам культурной памяти: фрагменты черно-белых фотографий былых представителей этнокультурных групп, чумов и т.п., старые рисунки острогов.

Одним из главных средств этноманифестации считается использование национального языка. Из исследуемых Интернет-групп шесть используют в названии русский язык, три сообщества билингвальные – названия, только на национальном языке – одно сообщество и одно – на английском языке. Это связано как с ситуацией владения национальным языком, так и с этническим составом целевой аудитории сообществ. Ведение групп не осуществляется только на национальном языке, он скорее дополнение к русскому. Русский язык служит ключевым инструментом коммуникации.

Аналитическими инструментами содержания публикаций стали как классические научные методы, так и современные из сферы маркетинга в социальных сетях. Сам предмет исследования – социальные медиа – предполагают применение не только сугубо научной традиционной методологии. Цифровые сообщества, являясь образованием в сфере медиа, как предмет исследования предполагают обращение к тем инструментам, которые учитывают технологичность их природы. В этой части данного диссертационного исследования применялись способы обработки информации big data: сервисы аналитической и статической обработки данных³⁵³, а именно аналитика публикаций в социальных сетях, приложения для исследования аудитории сетевых сообществ^{354 355 356}. Научная

³⁵³ <https://popsters.ru/>

³⁵⁴ https://vk.com/compare_groups

³⁵⁵ <https://allsocial.ru/communities>

методология исследования основывалась на применение метода контент-анализа и анализ дискурса.

Применение комплекса этих методов при изучении этнолокализованных и полиэтнических сообществ в сети Вконтакте позволило выявить ключевые темы содержания публикаций, которые вызывали наибольший отклик у аудитории этих групп социальных медиа, востребованность и неактуальность определенной тематики у аудитории, особенности социально-демографического состава аудиторий, языковая система. Результатом стало определение смысловых структур, составляющих основу виртуальной этничности представителей коренных малочисленных народов Севера, а также представить ее влияние на пространство оффлайн.

В целом, можно говорить о том, что основной языковой моделью коммуникации в сообществах, сосредотачивающихся на культуре одной этнической группы, является использование русского языка. Публикации, относящиеся к новостным сообщениям, написаны исключительно на нем, даже в тех группах, в которых могут быть записи на национальном. Если же в публикациях применяется национальный язык, то содержание таких сообщений относится преимущественно к области культуры, юмора, нюансам культурной идентичности, которые сложно или невозможно передать, используя русский язык. Подобное наблюдается в социальных медиа различных этнокультурных групп: по замечанию З. А. Махмутова³⁵⁷, татарские виртуальные сообщества характеризуются схожими подходами к формированию содержания публикации с точки зрения языка, но виртуальных сообществ на татарском языке существует большее количество. Если говорить про этнокультурные группы, то у более многочисленных можно наблюдать актуальность и востребованность ведения виртуальных сообществ на национальном языке. Примером может служить новостной

³⁵⁶ <https://media-vk.ru/about.php>

³⁵⁷ Махмутов, З. А. Новые формы функционирования и воспроизводства этничности (татарские этнолокализованные виртуальные сообщества) // Кавказология. 2019. №2.

паблик на хантыйском языке³⁵⁸, группа «Сахалыы ырыалар», посвященная якутской музыке³⁵⁹ и представляющая собой сообщество меломанов якутских традиционных песен и современных, написанных и исполняемых на национальном языке.

Первый этап контент-анализа позволяет выделить блоки тем, которые являются ведущими. Во-первых, это традиционные культура и искусство (сообщения, касающиеся фольклорной музыки, художественных и документальных фильмов о собственном этносе или об этносе индигенных соседей, аудио- и видеозаписи песен, сказок, особенностей религиозной системы предков и т.п.). Во-вторых, одной из преобладающей тем стали новостные сообщения, актуальные для жизни коренного сообщества – новости о реестре коренных народов, о сокращении поголовья оленей, об объявленных новых грантах и т.д. Это новостные сообщения политического характера. В редких случаях это могут быть относящиеся к мировым событиям новости, как, например, поздравления с Новым Годом и т.д. В-третьих, обращение к заслугам определенных представителей этнокультурной общности. В-четвертых, регулярная, но не частая тема публикаций – это история этноса. Как правило, подобные сообщения могут быть закрепленными на «стене» сообщества и пользователь именно его видит первым. Эта тема востребованная, хотя и не отмечена высокой степенью регулярности. Каждую публикацию можно отнести к конкретной теме из указанных. В отдельных случаях содержание сообщения можно причислить к нескольким рубрикам.

Второй этап контент-анализа связан с определением количественных и качественных данных, но не вводной информации сообществ, а содержания публикаций. В сервис posters.ru для создания аналитической базы контента были внесены имеющиеся посты всех изучаемых онлайн-групп коренных малочисленных северных групп. Этот аналитический инструмент составляет

³⁵⁸ <https://vk.com/public160896507>

³⁵⁹ https://vk.com/sakha_songs

рейтинг популярности и актуальности публикаций, опираясь на количество лайков, комментариев, репостов, а также высчитывает показатель ER – степень вовлеченности участников сообществ. Данный коэффициент представляет собой соотношение суммы действий пользователей к их количеству. Также он определяет охват аудитории каждой публикации сообщества: благодаря существующим в каждой социальной сети алгоритмам распространения информации любую публикацию видят большее количество человек, чем количество участников сообщества. Охват аудитории осуществляется через различные SMM-инструменты, например, через указание хештэгов, гео-локаций и т.д. И используемые сервисы в этом исследовании позволяют измерить данные показатели, выявить публикации, вызывающие наибольший и наименьший резонанс у аудитории.

Количественные подсчеты показали, что наибольшее количество публикаций в сообществе у SelkupLiveNews – 3307, наименьшее – 80 постов в МОО «Союз нганасан». Однако, что первое сообщество ориентировано на новостную тематику, редко уделяя внимание проблемам культуре коренных малочисленных народов Севера, поэтому в данном случае «ОСТЫГАННА БАН ЗЕМЛЯ КЕТОВ» является цифровым сообществом, сосредоточивающим свою деятельность на культурогенезе кетов. Деятельность кетского онлайн-объединения, несмотря на малочисленность и узкоспециализированную направленность, тем не менее отмечено высокой активностью подписчиков – их 308 постов насчитывают 4596 лайков, 257 комментариев и 74 репоста.

Посредством smm-сервисов для контент-аналитики были изучены образы, составляющий визуальный нарратив публикационной деятельности сообществ. Востребованными изображениями являются связанные с традиционной культурой – фотографии образцов национального костюма, музыкальных инструментов и инструментов для промысловой деятельности, а также фотографии представителей этнокультуры. Текстовый формат

публикации дополняет визуальный или же основа нарратива публикации строится вокруг визуального.

Визуальное содержание виртуальных сообществ коренных малочисленных народов Севера формируется на совмещении прошлого и настоящего: используются для демонстрации как архивные фотографии, так и современные, черно-белые художественные и документальные фильмы двадцатого века и двадцать первого, при этом тематика отбираемых для демонстрации образов схожа. Так подчеркивается тенденция фиксации преемственности поколений одной этнокультурной группы. В Интернет-сообществах регулярной является рубрика по поиску среди подписчиков и их знакомых, друзей фотографий разных эпох поселков, родственников, чумов, национального костюма. Таким образом прослеживается важность создания своеобразной виртуальной летописи как веб-группы, так и этнокультурной в принципе.

В рамках репрезентации визуальных образов наблюдается и тенденция к межэтническим контактам и созданию более крупного этнонишевого сообщества: каждая из изученных веб-групп демонстрировала фотографии «соседей», подкрепляя их описаниями другой малочисленной этногруппы и знакомя подписчиков с их культурой, т.е. прослеживается ориентация на межэтнические взаимодействия.

Значимыми визуальными образами являются репрезентанты изобразительного искусства, в частности живописи и кино. Живописные произведения представлены в следующих направлениях – публикации с работами сибирских художников, выбирающих в качестве персонажей север Красноярского края или же работы современных северных художников. Подобные произведения становятся инструментом надления места проживания коренных малочисленных народов статусом особенного – локальные мастера зафиксировали это в произведениях искусства. Эта особенность проявлена и в самом процессе создания произведений: для написания этюдов и создания произведений художникам Красноярского края

требовалось преодолеть большое расстояние и сложность дороги, чтобы добраться в эти отдаленные территории. В настоящее время эти живописные произведения хранятся в музеях края как историческая и художественная ценность региона.

Анализ содержания публикаций в виртуальных сообществах показал, что самая высокая степень активности наблюдается у тех публикаций, что посвящены тонкостям этнокультурного мировоззрения^{360, 361, 362} в том числе о связи родного языка и общения с предками, духами и последствиях невладения национальным языком, языковой ситуации в целом у кетов³⁶³, остро-социальные вопросы – например, как другие национальные меньшинства выиграли столкновение с государственными структурами за принадлежность территории³⁶⁴, показ по телевидению³⁶⁵, мастер-классы по развитию традиционных хозяйственных навыков³⁶⁶, конкурс для участия представителей малочисленных северных народов³⁶⁷. Эти темы относятся к процессу этнокультурного ренессанса позиционирования традиционной культуры как регулятора этничности.

Содержание публикаций в цифровых сообществах в целом сконцентрировано на манифестации этнокультурной идентичности повседневного уровня и социального. Затрагиваются темы семьи, воспитания молодого поколения в соответствии с традициями, необходимости обучения национальному языку, знания фольклора и т.п. Эти же вопросы раскрываются с позиции взаимодействия с официальными представителями власти – размещаются новости, связанные с законом о реестре коренных малочисленных народов Севера, о грантах и дотациях, конкурсах и иной государственной, частной поддержке. Тема ритуальных и обрядовых практик

³⁶⁰ https://vk.com/wall-18787594_57. Публикация от 04.11.2018

³⁶¹ https://vk.com/wall-133441545_241. Публикация от 19.12.2016

³⁶² https://vk.com/wall-133441545_227. Публикация от 12.12.2016

³⁶³ https://vk.com/wall-133441545_569. Публикация от 03.04.2019

³⁶⁴ https://vk.com/wall-133441545_144. Публикация от 06.12.2016

³⁶⁵ https://vk.com/wall-114462597_57. Публикация от 22.09.2017

³⁶⁶ https://vk.com/wall-114462597_108. Публикация от 26.10.2018

³⁶⁷ https://vk.com/wall-114462597_68. Публикация от 04.12.2017

преимущественно табуирована: встречаются сообщения об истории шаманизма и роли шамана в жизни общины, современное состояние этих аспектов традиционного мировоззрения не освещаются.

Активно демонстрируется публичный уровень манифестации: многочисленные объявления о проведении мероприятий с участием носителей традиционной культуры, освещается ход этнических праздников и фестивалей, фотоотчеты и текстовые отчеты о степени участия в них. Помимо празднично-фестивальной этнокультурной деятельности и призывов участия в них активно представителями этнокультурной группы посещаются конференции и форумы, на которых актуализируются этнические вопросы и концептуализируются программы их дальнейшего решения. К этому же уровню самопрезентации виртуальной этничности можно отнести тематику культурогенеза.

Виртуальная этничность в веб-группах Вконтакте конструируется путем стимулирования чувства гордости в связи с преимуществом с великим этносом. Это необходимо для воссоздания и укрепления эмпатических связей между членами этнокультурной общности. Нарратив публикаций создает образ уникального этноса, который в ситуации давления внешних факторов в лица государства, климатических изменений, последствий национальной политики, оказался в ситуации близкой к детрайбализации. Пребывающие в меньшинстве носители этой уникальной, имеющей недостаточное количество возможностей и инструментов для самопрезентации, несмотря на обстоятельства непреодолимой силы, предпринимают попытки и формируют сообщество единомышленников на площадке Интернет. Представители традиционных культур представлены как своего рода атланты, пытаясь на своих плечах удержать или приостановить, замедлить, прекратить процесс потери этнокультурной идентичности.

Нарратив подобных публикаций выстраивается с помощью использования фраз «нас осталось не много», «наши предки – уникальны, а мы их потомки», «важен каждый» и т.п. Обращение и трансляция образов

прошлого не является достаточной для утверждения этнокультурного самосознания, поэтому для реактуализации чувства уникальности фиксируются новостные сообщения о достижениях молодых представителей коренных малочисленных народов – это может быть, вышедшая книга с национальными рецептами, молодой дизайнер, создающий коллекцию одежды на основе долганского костюма и победители спортивных состязаний.

Одними из ключевых психологических качеств, которые манифестируются Интернет-сообществами в рамках виртуальной этничности представителей индигенных групп, мнс, взаимовыручка, готовность помочь, которые позиционируются как традиционные национальные характеристики. и отзывчивость. Сообщества Вконтакте SelkupLiveNews, Мы из селькупа, НГАНАСАНЫ, ЗЕМЛЯ КЕТОВ регулярно размещают объявления о продаже разнообразных товаров, о сдаче и съеме жилья, об услугах, которые можно получить (поиск попутчика в дальнюю дорогу между поселками, услуги из сферы ухода за внешностью и т.п.). Медиа пространство этноса начинает использоваться как пространство ресурсов, сфера поиска и обретения даров и, проявляя отзывчивость, оказать ответную услугу, если это возможно. При этом можно отметить, что данная практика взаимопомощи можно рассматривать как современную реализацию черты традиционной мировоззренческой системой, связанной с взаимовыручкой, только осуществляется она на технологической площадке.

Проведенное в 2017 году исследование репрезентации этнической идентичности народов в Вконтакте Интернета³⁶⁸ (виртуальные сообщества национальных меньшинств Севера анализировались среди прочих) был сосредоточен преимущественно на количественной аналитике. Обращаясь к контенту, создаваемому веб-группами автор отмечала, что его основа – это этнографические сведения о культурном развитии этносов и публичный

³⁶⁸ Белимова, Т. Н. Этническая манифестация коренных народов Сибири в сети Интернет [Электронный ресурс] : выпускная квалификационная работа бакалавра, 2018.

уровень этноманифестации и недостаток актуальной современным социокультурным изменениям и отсутствие тематического разнообразия.

Сейчас мы можем наблюдать постепенное расширение сферы публичной демонстрации этничности: активно развиваются направления по созданию и ведению сообществ как однородных, так и разнообразных по этническому составу. Наблюдается интенсификация информационной деятельности цифровых сообществ, связанной с предоставлением сведений правового характера касательно льгот, изменений в законах и получении налогов для коренных народов. Онлайн-группы все чаще расширяют проблематику тем публикаций и ориентируются на все более широкую аудиторию, ставя задачи и сохранения, поддержания культурной самобытности, и популяризации своей этнокультуры. Применяются различные способы привлечения внимания широкой аудитории – проводятся конкурсы, подача материала осуществляется часто в юмористическом ключе, акцент ставится на доступность информации. Стоит заметить, что Интернет-сообщества, публикующие сообщения сугубо исторического, этнографического характера, более малочисленны и менее популярны, на их «страницах» Вконтакте сниженная активность пользователей. Они в меньшей степени ориентированы на установление взаимодействия с другими сообществами, работающими с этнокультурной спецификой.

Основой виртуальной этничности коренных малочисленных народов Севера в Вконтакте выступает традиционная художественная культура. Но позволительно говорить о том, что ее элементы как коммуникативные инструменты не функционируют полноценно. Ретранслируются стереотипизированные формы, которые являются узнаваемыми большой аудиторией людей, и актуализируется только внешняя форма символических концептов, таких как национальный костюм, орнаментика, национальные праздники и т.п. Значение этих символических конструкторов остается за прошлым этносов.

Тем не менее, в сообществах Вконтакте традиционную культуру заявляют своеобразным регулятором и систематизатором общественной жизни этнокультурной общности. Но если формы этнокультурной манифестации актуализируются только с внешней стороны, то они не могут полноценно осуществлять постоянный процесс смыслообразования для той или иной культуры. Но поскольку традиционный образ трудодеятельности свойственен лишь низкому проценту национального меньшинства, то и полноценное возрождение традиционной этнокультуры невозможно, так как ее культурогенез зависел от хозяйственно-промысловой жизни, то и ренессанс этнической культур должно иметь несколько иную направленность, когда традиционная культура позиционируется как ценностная основа для этнокультурной идентичности.

Выводы параграфа

Виртуальные сообщества понимаются в оптике теории о «воображаемых сообществах», представляя собой социальный конструкт, реализуемый в техногенном пространстве. Этничность в медиа пространстве выступает как форма этнокультурной идентичности, и для ее поддержания и функционирования необходима циркуляция культурных знаков, общая для ее носителей система символов для установления и поддержания чувства единения. Как и в случае с физическим пространством, сетевая общность должна быть осознаваемой и отрефлексированной. Для этого необходимо сконструировать знаки, кодирующие общность. В случае с виртуальными сообществами коренных малочисленных народов Севера основой такой знаковой системой выступает комплекс элементов традиционной культуры.

Виртуальная этничность, введенная в научный обиход в 1998 г. М. Постером, основывается на компонентах этнокультурной идентичности и их репрезентации в сети Интернет. Одним из главных инструментов ее формирования становится создание нарративных текстов. На основании их анализа в цифровых сообществах в сети Вконтакте можно говорить о том, что этничность коренных малочисленных народов Севера конструируется

согласно двум тенденциям в Интернет-пространстве – ретрайбализации и детрайбализации. С одной стороны, социокультурные трансформации провоцируют этнокультурные группы на создание однородно этнических онлайн-сообществ. С другой стороны, в случае с национальными меньшинствами актуальным становится создание групп, объединяющих несколько этнокультурных общностей.

В данной части исследования были отобраны и изучены двадцать одно сообщество в сети Вконтакте, которая является крупнейшей в России по числу активных пользователей в месяц. Десять веб-сообществ представляют собой этнолокализованные цифровые сообщества кетов, селькупов, долган, нганасан, одиннадцать – межэтнические группы коренных северных народов. Методологическая стратегия исследования включала в себя метод киберэтнографии онлайн-наблюдение, классический метод анализа контента и применение сервисов аналитики big data. Онлайн-наблюдение за данными группами велось в течение трех лет.

Этнолокализованные виртуальные сообщества преимущественно малочисленны и выстраивают образ уникального этноса, существующего в условиях, ведущих к потере культурной самобытности. Анализировались количество публикаций, подписчиков, формы активности подписчиков, охват аудитории и степень распространения публикаций в социальной сети, анализ контента. Таким сообществам свойственно доминирование тематики культурогенеза этноса в разные его аспекты. Традиционная культура выступает в качестве основы позиционирования себя в статусе носителей редкой национальной культуры.

Такие сообщества, прежде всего, ориентированы на повседневный и публичный уровень манифестации виртуальной этничности: освещаются темы тонкостей этнокультурного мировоззрения, публикуется информация образовательной направленности, уточняющая знания традиционной культуры и национального языка.

Основная языковая модель коммуникации виртуальных сообществе – русский язык. Национальный язык используется в публикациях, связанных со значимыми для этнокультуры событиями, юмором.

Визуальное содержание публикаций данных групп также сосредоточено на ретрансляции традиционной культуры. Здесь прослеживается тенденция преемственности, связи прошлого и настоящего, осуществляя движение культурных кодов. Это использование архивных фотографий и современных для сопоставлений, демонстрирующих национальный костюм, жилище, инструменты для промысловой деятельности и т.д., таким образом, создается фотоархив виртуального сообщества. Также востребованы кинообразы и произведения живописи, репрезентирующие природа Севера и культуру индигенных групп.

В целом можно отметить, что с 2017 года этнолокализованные виртуальные сообщества коренных малочисленных народов Севера в сети Вконтакте увеличили количественные и качественные показатели, а также развиваются по пути тематической дифференциации групп.

Виртуальные общности, посвященные этнической культуре разных групп коренных малочисленных северных народов, представлены большим количеством и большей численностью. Они оказываются более действенными с точки зрения этнической манифестации. В случае с этнолокализованными сообществами зачастую создателями и модераторами становятся локальные энтузиасты. В противовес им этнически разнообразные цифровые сообщества представляют, как правило, муниципальные или частные организации, в результате чего они более осведомлены с точки зрения применения инструментов SMM, маркетинга, например, они активнее применяют хештэги, геотэги и создают видео, «сториз», что сказывается на популярности и востребованности их деятельности. Также более профессиональный подход наблюдается и в визуальном оформлении этих групп: профессиональные фотографии составляют визуальный ряд отчетов, использование дизайнерских услуг и т.п.

Тематика этих сообществ ориентирована на экономические и политические темы: оформление грантовых проектов, получение государственной поддержки, правовая грамотность подписчиков сообществ, столкновение с силовыми структурами в борьбе за территории, актуальные события в жизни этнокультурных общностей (например, сокращение поголовья оленей). Общей темой для всех групп является языковая ситуация – вопрос о знании национального языка, проводимых практик для улучшения уровня, создания письменности и т.д.

Виртуальная этничность субэтнических кибер-сообществ выстраивается путем усиления ощущения преемственности – постоянными публикациями являются сообщения о деяниях былых представителей этнокультуры и их преемников в настоящее время. Важно отметить, что современные выдающиеся деятели-представители коренных народов активно занимаются просветительской и популяризаторской деятельностью – проводят встречи с пользователями, подписчиками и т.д.

Данный вид виртуальных этнокультурных сообществ дифференцируется по способу организации деятельности на муниципальные, этнокультурные, узкоспециализированные (например, сообщество для продажи товаров для оленеводов или установки чумов на мероприятиях). Однако, важно заметить, что несмотря на наличие ключевой темы информационных сообщений,

Виртуальная этничность полиэтнических цифровых сообществ включает в себе обретение и понимание политического веса этнокультурного сообщества групп коренных малочисленных народов Севера, осознание необходимости ведения просветительской деятельности среди широкого круга населения, применение современных методов распространения информации о традиционной культуре и ее имеющихся проблемах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем диссертационном исследовании, посвященном анализу трансформации этнической манифестации народов Арктической зоны Красноярского края, были сделаны следующие выводы.

Первый параграф первой главы «Этническая манифестация и процессы этнической идентификации как предмет культурологических исследований» посвящен анализу теоретических и методологических подходов к изучению этнической идентификации и этнической манифестации. Феномен этнической манифестации слабо теоретизирован, в настоящий момент он становится предметом исследовательского интереса. По этой причине отсутствует обширная база его исследования. Этническая манифестация рассмотрена в контексте исследований этноидентификации как форма репрезентации этнической идентичности.

Тремя главными подходами изучения этнических идентификационных процессов являются примордиалистский, инструменталистский и конструктивистский. Первый подход основой этнической идентификации называет биологические данные, факторами культуры указывает язык, тип экономики, религиозную систему, мировоззрение. Второй подход – инструменталистский – в качестве основы идентичности выбирает социологический функционализм, а этничность рассматривается как инструмент борьбы различных групп за обладание привилегиями, и как результат политических мифов. Этническая идентификация в этом подходе не является ключевым видом идентификации. Конструктивисты же понимают этнос как конструкт, создаваемый в процессе интеллектуального взаимодействия людей, которое реализовывается в поведенческих моделях. Они передаются из поколения в поколение и представляют собой смыслообразующие символы конкретной этнокультурной группы. Рациональная деятельность приводит к формированию нации посредством таких факторов, как социальные, экономические, исторические процессы.

Эти подходы в современном гуманитарном знании дополняют друг друга, их наиболее значимые аспекты интегрируются в исследованиях. Одним из востребованных для изучения фактором конструирования этнической идентичности в целом и этнических меньшинств в частности является фактор глобализации, а вопрос сохранения их этнической культуры – актуальным. Также ученые активно обращаются к исследованиям сферы репрезентации этничности, практик ее реализации, т.е. этнической манифестации. Исследователи отмечают все большее значение пространства Интернета как области и инструмента конструирования этнической идентификации и ее манифестации.

Для диссертационного исследования значима конструктивистская теория Б. Андерсона. Согласно концептуальным положениям его теории нация сформировалась как общность не через повседневное непосредственное общение участников, что ввиду невозможности взаимодействия всех ее представителей. Нация создается благодаря сконструированному образу национальной группы в сознании ее представителей. В этом общем ментальном образе зафиксированы идеалы, ценности, правила и нормы поведения, дифференцирующие одну этнокультурную группу от другой.

Также важным концептуальным положением данного исследования является теория Д. В. Пивоварова, в которой культура понимается как идеалообразование. Эта теория позволяет уточнить суть процесса этнической манифестации. Каждая группа обладает социальными идеалами, в которых закрепляются содержательные элементы этнической идентичности, они в концентрированной форме представляют уникальность мировоззренческой системы этой группы. Социальные идеалы функционируют как средства коммуникации внутригрупповой жизни, усиления солидаризации участников группы, так как в ходе развития сообщества отбираются те объекты, которые составляют ядро бытности всей группы.

Этническая группа может быть названа этнокультурной в оптике концепции культуры К. Гирца. Его теоретическая рамка культурным текстом считает любой акт, явление, объект, наделяемые значением членами этнической группы. Значение определяется самой этнокультурной общностью. Для адекватного функционирования и поддержания существования этнокультурной группы должно происходить постоянное воспроизведение этнокультурных символов и их смыслов. И этническую манифестацию в таком случае можно понимать как процесс социальной коммуникации: актуализируется определенный символический этнокультурный компонент, представители этнической культуры репрезентируют этничность, производя коммуникативный акт, понимая значение элементов, тем самым возобновляя социальный идеал определенного этнокультурного сообщества.

Второй параграф первой главы «Цифровая этнография как методологическая стратегия культурологического изучения этнической манифестации» направлен на изучение методологических возможностей цифровой этнографии в исследованиях самопрезентации этноидентичности в виртуальной среде, в частности, в социальных медиа.

Характеризующее современную культуру глобальное коммуникационное пространство приводит к трансформациям структур общества в масштабах мира и отдельно взятого локального сообщества, что также приводит к дальнейшим изменениям. Изучение коммуникационных возможностей Интернет-среды происходит в рамках такого направления, как цифровая этнография. Она находится на стадии становления, определяется название дисциплины, уточняется теоретическая и методологическая основа и так далее.

Технологичность среды Интернета характеризуется отсутствием «физических» границ, что позволяет этнокультурным группам репрезентировать социоцентрические идеалы на широкую аудиторию пользователей социальных медиа. Представленность этнокультурной группы

в социальных медиа позволяет реконструировать этническую идентичность. Этническая манифестация позволяет создать публичный образ группы, для этого используются визуальные, вербальные формы, каждая из которых требуют анализа и соответствующего подхода к изучению.

Цифровое этнографическое исследование проводится быстрее и насыщеннее по погруженности в предмет исследования – технические особенности пространства Интернета позволяет изучать феномен с момента его первого упоминания в онлайн-сообществе. Цифровое исследование социальных медиа характеризуется необходимостью анализировать контекст: изучаемые объекты онлайн-среды находятся в неразделимой связи ввиду природы Интернета, поэтому содержание публикаций необходимо понимать как нарративы. И одними из ведущих методов кибер-этнографии стали онлайн-наблюдение как метод сбора данных, контент-анализ и анализ дискурса.

Главными недостатками методологии цифровой этнографии считают недоверие к исследователю ввиду новизны научной области (однако, этот недостаток постепенно теряет свою актуальность), настороженное отношение к эмпирическому материалу в киберэтнографии – сбор данных в цифровых сообществах вызывает скептицизм, насколько собранный там массив информации позволительно считать эмпирическим материалом.

Виртуальную этническую манифестацию можно рассматривать как инновационную форму самопрезентации этнокультурной группы, развившуюся из конструктивистской теории «воображаемых сообществ» Б. Андерсона. Позволительно это сделать, поскольку содержание виртуальной этничности определяется участниками каждого онлайн-сообщества: они актуализируют определенные правила и характеристики, идеалы и нормы, которые будут являться базисом для нее. В пределах онлайн-пространства пользователи приходят к соглашению, какие символические действия, предметы и т.п. будут являться социальными идеалами их этнокультурной групп, и своими конвенциональными действиями создают ментальный образ

этничности. Социальные идеалы и их значение закрепляются в ходе коллективных онлайн-практик – через создание и размещение публикаций в пространстве Интернет-сообщества, их комментирование и обсуждение, вторичное размещение публикаций на личных страницах пользователей, привлечение внимания к наиболее важным вопросам существования и воспроизведения этнической культуры. Так цифровое сообщество групповыми мировоззренческими установками и онлайн-практиками конструируют свою форму этничности.

В первом параграфе второй главы «Формы этнической манифестации в культуре коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» исследуются традиционные формы этнической манифестации коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края (национальные язык, праздники, костюм, художественная культура) и анализируется их современное состояние.

Формируемая в настоящий момент глобальная среда стимулирует развитие двух противоположных тенденций в вопросе этничности этнических меньшинств – стремление к самоопределению, сохранению традиционного хозяйства и утверждению этнокультурных особенностей, с одной стороны, и, к межэтнокультурной интеграции, с другой. Выделяются два типа культурных практик этнической манифестации: экстериоризирование, направленное на создание публичного образа этнокультурной группы, и интериоризирование, направленное на репрезентацию этничности внутри этнокультурного сообщества. Основой конструирования публичного образа выступает воспроизведение и репрезентация символов, образов художественной культуры этнокультурных сообществ.

Представителями этнической культуры увеличивается сфера традиционной культуры в процессах манифестации. В современных условиях этот вид культуры становится основанием для признания мировым сообществом прав этнических меньшинств на этническую

самоидентификацию, а манифестация этнокультурных особенностей – основанием для получения специального политического статуса, которые необходимы в борьбе за традиционные места проживания, возможность вести традиционную хозяйственную деятельность. Традиционная культура может являться инструментом мобилизации этнокультурной группы для укрепления «коллективного голоса».

Пространством манифестации, осуществляемой репрезентацией элементов традиционной культуры, становятся своего рода сцены – различные мероприятия, фестивали, этнические праздники и т.д. Публичный образ группы в таком случае конструируется через демонстрацию таких образов, которые для широкой аудитории ассоциативны с коренными малочисленными народами.

Художественная культура играет роль регулятора производства, на основе регулярного воспроизводства которых создаются актуальные культурные практики этноманифестации. В границах именно художественной культуры конструируются этические идеалы и поведенческие нормы, которые находят воплощение в чувственно-явленной форме художественных образов. Произведения этнической художественной культуры выполняют инклюзивную функцию – они включают реципиентов в мировоззренческую систему этнокультурной группы. Благодаря регулярно возобновляемому смыслообразованию через манифестацию образов художественной культуры конструируется и поддерживается культурная память, что позволяет осуществлять групповую этническую идентификацию.

Интенсивное распространение и интервенция глобальной среды, как говорилось выше, ставит под угрозу существование культуры коренных малочисленных народов Севера, поскольку этническая идентификация уступает позиции определению иным формам идентичности. Бытность этнической культуры при таких условиях сложна, однако, традиционная культура, история развития этнической культура наделяются статусом

главных медиаторов конструирования коллективной этнической идентичности.

Второй параграф второй главы «Киберэтничность как форма культурной идентичности коренных малочисленных народов Красноярского края (долган, кетов, нганасан, селькупов,) в конце XX — начале XXI века» направлен на изучение современных культурных практик манифестации виртуальной этничности коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края как формы культурной идентичности, выявлению содержания виртуальной этничности долганской, кетской, нганасанской и селькупской этнокультурных групп и процессов ее манифестации в цифровых сообществах.

Были выбраны и проанализированы 11 виртуальных сообществ, чья деятельность связана с одной конкретной этнокультурной группой, и 10 полиэтнических онлайн-групп, посвященных нескольким этнокультурным группам народов Арктической зоны Красноярского края. Виртуальная этничность, репрезентируемая этими сообществами, относится к медиа-площадке Вконтакте, являющейся самой многочисленной в России по количеству активных пользователей. Результаты проведенного цифрового эмпирического исследования были получены в ходе применения междисциплинарных подходов, а именно метод онлайн-наблюдения, контент-анализ, культурологический анализ и инструменты аналитики big data.

Анализ публикаций всех исследуемых сообществ показал, с одной стороны, дезактивацию национального языка — для репрезентации этничности в качестве языковой модели коммуникации выбирается русский язык. Большинство публикаций осуществлены на русском языке, а национальный язык становится темой образовательных записей для аудитории. Национальный язык используется в ситуациях, связанных со значимыми для этнокультуры событиями, праздниками, памятными датами важных представителей этнокультурного сообщества. С другой стороны,

пространство Интернета используется как сфера реактуализации современных языковых практик. Например, набирают обороты тенденция ведения так называемых прямых трансляций на национальном языке, изучение онлайн языка и т.д. Также он позволяет укрепить связи с представителями этнической культуры, живущими на большом расстоянии друг от друга.

Визуальные образы публикаций цифровых сообществ сосредоточены на ретрансляции традиционной культуры, осуществляя преемственность, связь прошлого и настоящего, благодаря чему происходит движение культурных кодов.

Виртуальная этничность, конструируемая в этих цифровых сообществах, схожа с манифестацией традиционных форм культуры – соответствует двум тенденциям – трайбализации и детрайбализации. С одной стороны, виртуальная этничность формируется вокруг осознания самобытности этнокультурной группы и первоочередной задачи по ее сохранению. С другой стороны, активно развивается тенденция межэтнического взаимодействия между разными этнокультурными группами.

Культурная идентичность, манифестируемая в цифровых сообществах одной этнокультурной группы, создается через формирование положительного медийного образа. Он основывается на уникальных характеристиках этнокультуры, угрозе ее потери в современных условиях глобализации и необходимости спасательных мер. Символы и образы системы культуры определяют и виртуальную этничность: совместными практиками в онлайн-среде участники сообществ, пользователи, модераторы осуществляется циркуляция комплекса культурных знаков, которые репрезентируются в качестве традиционных, а также подчеркивается важность сохранения и конструирования памяти для осуществления этнокультурной идентификации. Культурная память выполняет социоцентрическую функцию, она объединяет людей в сообщество на основе

принципа общего прошлого. И темы, связанные с культурогенезом этноса, имеют наибольшую представленность в содержании публикаций в онлайн-пространстве. Такими цифровыми сообществами, посвященных одной этнокультурной группе коренных малочисленных народов Севера, определен повседневный и публичный уровни манифестации виртуальной этничности посредством создания нарративных текстов.

Цифровые сообщества, объединяющие представителей различных этнокультурных групп, имеют большую численность, ориентированы на создание условно единой групповой виртуальной этничности коренных народов Севера. Близость процессов развития культуры, глобализационных вызовов, единая территория расселения и компактного проживания, которые оказались сферой интереса промышленной деятельности актуализируют важность их объединения. Виртуальная этничность в этом случае основывается на манифестации общих для этносов Севера мировоззренческих качеств, составляющих их идентичность, транслирование имеющихся проблем, вопросов, которые могут быть решены сообща. В таких цифровых сообществах наблюдается обращение к вопросам экономики и политики в отношении коренных народов Севера через апеллирование к уникальной традиционной культуре и ее значимости для современных этнокультурных процессов, обретение и усиление политического веса этнокультурного объединения в российском и мировом сообществе, повышение правовой осведомленности, ведение просветительской деятельности среди широкого круга населения инструментами маркетинга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, Р. Н. Сетевые структуры и формирование информационного общества / Р. Н. Абрамов // Социологические исследования. – 2002. – № 3. – С. 133-140.
2. Агеев, В. С. Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы / В. С. Агеев. – М.: Издательство МГУ, 1990. – 288 с.
3. Аладышкина, А. С. Современное Интернет-сообщество: Социально-стратификационный анализ : автореферат дис. ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2006. – 24 с.
4. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: КАНОНпресс-Ц, Кучково поле, 2001. — 288 с.
5. Андреева, Г. М. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности "Психология" / Г. М. Андреева, Н. Н. Богомолова, Л. А. Петровская. – М.: Аспект-Пресс, 2001. – 286 с.
6. Андросова, Ф. С., Анцупова, С. Г., Парникова, Г. М. Сохранение коренных народов республики Саха (Якутия) в условиях промышленного освоения Арктики и крайнего Севера / Ф. С. Андросов, С. Г. Анцупов, Г. М. Парникова // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – №4 (71). – С.82-84.
7. Арутюнов, С. А. Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие [Текст] / С. А. Арутюнов. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 385 с.
8. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
9. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России / А. С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 594 с.

10. Барт, Ф. Этнические группы и социальные границы : социальная орг. культурных различий /Фредерик Барт. – М.: Новое изд-во, 2006. – 198 с.
11. Баташев, М. С. Этническая история коренных народов Енисейского уезда / М. С. Баташев // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 6 (6). – С. 842-869.
12. Бауман, З. Индивидуализированное общество / Зигмунт Бауман ; перевод с английского под редакцией В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
13. Бахтин, М. М. Собрание сочинений: В 7 т. / М. М. Бахтин // Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. – М.: Русское слово, 1996.
14. Белик, А. А. Теория «Я» Дж. Г. Мида и психологическая антропология / А. А. Белик // Социальная психология и общество. – 2011. – № 1. – С. 31-43.
15. Белимова, Т. Н. Этническая манифестация коренных народов Сибири в сети Интернет [Электронный ресурс]: выпускная квалификационная работа бакалавра : 51.03.01 / Т. Н. Белимова – Красноярск : СФУ, 2018 // Режим доступа: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/73002>
16. Белоруссова, С. Ю. #Силакряшен: виртуальная жизнь непризнанного народа / С. Ю. Белоруссова // Сибирские исторические исследования, 2019. – № 2. – С.41-63.
17. Белоруссова, С. Ю., Головнёв, А. В. Виртуальная этничность — инновация на фоне традиции (введение в тему) / С. Ю. Белоруссова, А. В. Головнев // Сибирские исторические исследования, 2019. – № 2.
18. Белоруссова, С. Ю., Головнев, А. В., Киссер, Т. С. Веб-этнография и киберэтничность / С. Ю. Белоруссова, А. В. Головнев // Уральский исторический вестник. – 2019. – № 1(58). – С.100-108.
19. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Питер Бергер, Томас Лукман. – М.: Московский философский фонд, 1995. – 322 с.
20. Бердяев, Н. Новое средневековье: размышление о судьбе России и Европы / Николай Бердяев. – Берлин: Обелиск, 1924. – 142 с.

21. Березюк, С. В. Самобытность долганского фольклора и его место в современном музыкальном искусстве / С. В. Березюк // Северные архивы и экспедиции. – 2020. – Т. 4. – № 2. – С. 8-17.
22. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / Марк Блок; Пер. Е. М. Лысенко; Примеч. и ст. [с. 182-231] А. Я. Гуревича; [АН СССР.]. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 1986. – 254 с.
23. Богатырева, А. А., Липатова, М. Е. Актуализация межкультурного диалога в современном интернет-пространстве / А. А. Богатырева, М. Е. Липатова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2016. – №1. – С. 72-85.
24. Бондаренко, С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ : автореферат дис. ... доктора социологических наук : 22.00.04 / Ростовский государственный университет. – Ростов-на-Дону, 2004. – 49 с.
25. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. / Пер. с фр. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. 2-е изд. – М.: Весь мир, 2006. – 622 с.
26. Бромлей, Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность [Текст] / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1987. – 333 с.
27. Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. – 408 с.
28. Бурдьё, П. Социология социального пространства / Пьер Бурдьё; общ. ред. пер. Н. А. Шматко. – М.; Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2005. – 288 с.
29. Вакулич, Н. Р. Свобода и личность: социокультурные основания : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2002. – 20 с.
30. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер с англ. П. М. Кудюкина под общей ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.

31. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / Макс Вебер. – М.: Высшая школа экономики, 2017. – 428 с.
32. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии / Г. В. Ф. Гегель. – СПб: Наука, 1993. – 349 с.
33. Геллнер, Э. Нации и национализм / Эрнест Геллнер; пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. – М.: Прогресс, 1991. – 319 с.
34. Гендина, Н. И. Виртуальные средства межкультурных коммуникаций: сравнительный анализ самоидентификации коренных малочисленных народов на отечественных и зарубежных сайтах / Н. И. Гендина // Кемеровский государственный университет культуры и искусств. – 2015. – № 4. – С. 209-229.
35. Гердер, И. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер; Пер. и примеч. А.В. Михайлова. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
36. Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Энтони Гидденс; [пер.: Тюрина И.]. – М.: Академический проект, 2003. – 525 с.
37. Гиляева, Д. Р. Международные гарантии доступа коренных народов к земле и ресурсам / Д. Р. Гиляева // Право и политика. – 2013. – № 3. – С. 355 - 362.
38. Гирц, К. Интерпретация культур / Клиффорд Гирц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 557 с.
39. Головнев, А. В. Кружение в кочевом и виртуальном пространстве-времени / А. В. Головнев // Сибирские исторические исследования, 2019. – № 2. – С.108-131
40. Голосовкер, Я. Э. Имагинативный реализм / Я. Э. Голосовкер // «Архе» Культурологический ежегодник, 1993. – Выпуск 1. – С..382—398.
41. Горовиц, Д. Л. Структура и стратегия этнического конфликта / Д. Л. Горовиц // Власть. – 2007. – № 4. – С. 49-54.
42. Грановеттер, М. Сила слабых связей / М. Грановеттер // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10. – № 4. 2009. – С. 31-50.
43. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев; Под ред. В. С. Жекулина; – 3-е изд. стер. – Ленинград: Гидрометеиздат, 1990. – 526 с.

44. Гумилев, Л. Н. Этнос: мифы и реальность / Л. Н. Гумилев // Дружба народов. – 1988. – № 10. – С. 218—231.
45. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия. / Э. Гуссерль // Вопросы философии, 1986. – № 3. – 101-116 с.
46. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурно-исторические и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – СПб.: Глаголь, 1995. – 514 с.
47. Джеймс, У. Теории личности в западноевропейской и американской психологии: [хрестоматия по психологии личности] / ред.-сост. : Д. Я. Райгородский. – Самара: Бахрах, 1996. – 479 с.
48. Дробижева, Л. М. Этническое и историческое самосознание народов СССР на рубеже последнего десятилетия XX века (в конце 60-х – нач. 90-х гг.) / Л. М. Дробижева // Духовная культура и этническое самосознание. – 1991. – №.2. – С. 65–82.
49. Дронова, И. Г. Нарративный подход к анализу этнической идентичности: возможности и перспективы / И. Г. Дронова // Наука и современность. – 2010. – № 2 – 3. – С. 186-190.
50. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Эмиль Дюркгейм; пер. с фр. А. Аполлонова и Т. Котельниковой. – М.: Издательский дом Дело; РАНХиГС, 2018. – 732 с.
51. Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития [Текст] / А. В. Коротаев [и др.]. – М.: URSS, 2010. – 343 с.
52. Замараева, Ю. С. Сложные формы этнической идентичности / Ю. С. Замараева // Северные архивы и экспедиции. – 2020. – Т. 4. – № 2. – С. 75-89.
53. Зубачевский, М. В. Этническая самоидентификация и её объективация в культуре : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Зубачевский Мирослав Викторович; [Место защиты: Омский государственный педагогический университет]. – Омск, 2010. – 20 с.

54. Иванов, В. Н., Петрова Г. Д. Коммуникационные технологии как механизм сохранения культурной идентичности суваро-болгаро-чуваш / В. Н. Иванов, Г. Д. Петрова // Информационное пространство региона : история, современность и актуальные проблемы : статья в сборнике статей конференции. – 2015. – С.90-96.
55. Иванов, Д. В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема / Д. В. Иванов // Проблемы теоретической социологии. – № 3. – 2000. – С.273-285.
56. Иванова, Н. Л. Психологическая структура социальной идентичности : автореферат дис. ... доктора психологических наук : 19.00.05 / Ярослав. государственный университет им. П. Г. Демидова. – Ярославль, 2003. – 51 с.
57. Кант, И. Собрание сочинений в 8 томах / Иммануил Кант — Издательство: ЧОРО, 1994. – 4600 с.
58. Кантор, А. М. Духовный мир русского горожанина: вторая половина XVII века. Очерки / А. М. Кантор. – М.: РГГУ, 1999. – 117 с.
59. Карсавин, Л. П. Философия истории / Л. Карсавин. – Берлин: Обелиск, 1923. – 358с.
60. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс: пер. с англ. А. Матвеева. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
61. Кирко, В. И. Постсоветские практики сохранения этнокультурной идентичности коренных народов Севера и Сибири в Красноярском крае Российской Федерации / В. И. Кирко // Социодинамика. – 2015. – № 6. – С.113-133.
62. Киссер, Т. С. Виртуальная идентичность российских немцев / Т. С. Киссер // Сибирские исторические исследования. – 2019. – № 2. – С. 63-84
63. Кистова, А. В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичностей на основе этнографического подхода в социальной философии: автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 /

- Кистова Анастасия Викторовна; [Место защиты: Сибирский федеральный университет]. – Красноярск, 2013. – 22 с.
64. Кистова, А. В., Пименова, Н. Н. Декоративно-прикладное искусства коренных народов, проживающих на территории эвенкийского и таймырского муниципальных районов / А. В. Кистова, Н. Н. Пименова // Сибирский антропологический журнал. – 2017. – Т. 1. – № 3. – С. 72-92.
65. Кистова, А. В., Пименова, Н. Н. Мониторинг современного состояния энецкой этнокультурной группы / А. В. Кистова, Н. Н. Пименова // Сибирский антропологический журнал. – 2018. – Т. 2. – № 4. – С. 20-40.
66. Кистова, А. В., Пименова, Н. Н., Букова М. И. Современное состояние декоративно-прикладного искусства эвенков – коренных народов Сибирской Арктики / А. В. Кистова, Н. Н. Пименова, М. И. Букова // Северные архивы и экспедиции. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С.49-56.
67. Колесник, М. А., Ситникова, А. А. Модель развития декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края / А. В. Кистова, А. А. Ситникова // Сибирский антропологический журнал. – Т.1. – № 3. – 2017. – С.42-59.
68. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории; Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. – М.: Наука, 1980. – 485 с.
69. Кон, И. С. Психология ранней юности: книга для учителя / И. С. Кон. – М.: Просвещение, 1989. – 256 с.
70. Конечкая, В. П. Социология коммуникации: учебное пособие / В. П. Конечкая. – М.: МУ-БиУ: Братья Карич, 1997. – 302 с.
71. Конт, О. Общий обзор / О. Конт; пер. с фр. И. А. Шапиро; под ред. Э. Л. Радлова. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 200 с.
72. Копцева, Н. П. К вопросу о сохранении и воспроизводстве традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Сибирском федеральном округе / Н. П. Копцева // ВВ: Проблемы общества и политики. – 2013. – № 12. – С.1-16.

73. Копцева, Н. П. Середкина, Н. Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе: монография / Н. П. Копцева, Н. Н. Середкина. – Красноярск: СФУ, 2013. – 183 с.
74. Копцева, Н. П., Амосов, А. Е., Кистова, А. В., Колесник, М. А. и др. Создание произведений детской литературы на родных языках коренных народов Севера и Сибири [Электронный ресурс] / [Н. П. Копцева и др.]. – Красноярск: СФУ, 2018. – 378 с.
75. Копцева, Н. П., Замараева, Ю. С., Сергеева, Н. А., Филько, А. И., Стручева, Е. С., Кирко, В. И. Полевые исследования в Эвенкийском муниципальном районе: по материалам научно-исследовательской [работы электронное издание] / Н. П. Копцева, Ю. С. Замараева, Н. А. Сергеева [и др.]. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2018. – 210 с.
76. Копцева, Н. П., Кистова, А. В., Пименова Н. Н. Культура детства коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (на материале полевых исследований чулымской этнокультурной группы в Тюхтетском районе Красноярского края) / Н. П. Копцева, А. В. Кистова, Н. Н. Пименова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1. – С. 422.
77. Копцева, Н. П., Либакова, Н. М. Гигиена как культурно-антропологическая практика сохранения и трансляции культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / Н. П. Копцева, Н. М. Либакова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. – С. 646.
78. Копцева, Н. П., Хижнякова, А. Н., Резникова, К. В. К вопросу о концептах языков коренных народов Красноярского края / Н. П. Копцева, А. Н. Хижнякова, К. В. Резникова // Северные архивы и экспедиции. – 2017. – Т. 1. № 1. – С. 6-22.
79. Кривоногов, В. П. Изменение антропологического облика народов Сибири (по данным генеалогий) / В. П. Кривоногов // Северные архивы и экспедиции. – 2019. – Т.3. – № 3. – С.6-19.

80. Кривоногов, В. П. Этническое самосознание и языковые процессы у долган / В. П. Кривоногов // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 6. – С. 870-881.
81. Куропятник, М. С. Коренные народы в процессе социокультурных изменений : автореферат дис. ... доктора социологических наук : 22.00.06 / Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб, 2006. – 35 с.
82. Ленуар, Р., Мертье, Д., Пэнто, Л., Шампань, П. Начала практической социологии / Реми Ленуар, Доминик Мерлье, Луи Пэнто, Патрик Шампань. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – 406 с.
83. Леонтьев, К. Н. Как надо понимать сближение с народом? / К. Н. Леонтьев. – М.: типография Е.И. Погодиной, 1881. – 29 с.
84. Лобакова, Н. М., Колесник, М. А., Сергеева, Н. А., Сертакова, Е. А. Исследовательские возможности антропологии искусства на примере косторезных произведений мастеров Сибири / Н. М. Лобакова, Е. А. Сертакова // Сибирский антропологический журнал. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 22-34.
85. Лобакова, Н. М., Сертакова, Е. А. Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов / Н.М. Лобакова, Е.А. Сертакова // Сибирский антропологический журнал. – 2017. – № 3. – С.6-22.
86. Лобакова, Н.М., Сертакова, Е.А. Экспедиция в поселок Суринда Эвенкийского муниципального района. Дневник полевого исследования / Н. М. Лобакова, Е. А. Сертакова // Северные архивы и экспедиции. – 2018. – Т. 2. – № 2. – С. 6-29.
87. Локк, Дж. Сочинения: в 3 т. / [ред. и примеч.: И. С. Нарский, А. Л. Субботин; пер. с англ. А. Н. Савина]. Т 1. – М.: Мысль, 1985. – 623 с.
88. Лотман, Ю. М. Статьи по типологии культуры / Ю. М. Лотман. – Тарту: Тартунский университет, 1973. – 95 с.
89. Лузан, В. С. Особенности правового регулирования социокультурного развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях глобальных трансформаций / В. С. Лузан // Журнал

- Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (5). – С.678-687.
90. Лузан, В. С., Авдеева, Ю. Н. Нормативно-правовая база для регулирования состояния декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов / В. С. Лузан, Ю. Н. Авдеева // Сибирский антропологический журнал. – 2017. – Т. 1. – № 3. – С. 60-71.
91. Лукьянов, Г. И., Игнатов, В. Н. Отношение к историческому прошлому как фактор формирования социокультурной идентичности / Г. И. Лукьянов, В. Н. Игнатов // Философия и культура. – 2012. – № 6. – С. 88 - 95.
92. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Никлас Луман; под ред. Н. А. Головина ; пер. с нем. И. Д. Газиева. – СПб.: Наука, 2007. – 641 с.
93. Макаров, Н. П. Древние этапы культурогенеза народов Красноярского Севера / Н. П. Макаров // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 6 (6). – С. 816-841.
94. Макеев, С. Н., Макеев, А. Н. Проблемы идентификации личности в социальных сетях / С. Н. Макеев, А. Н. Макеев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – 2015. – № 8 (58). – С. 127-129.
95. Маклюэн, Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн ; пер. с англ. В. Г. Николаева. – М.: Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 464 с.
96. Макушева, М. О. Трансформации идентичности ненецкой молодежи в инокультурной среде / М. О. Макушева // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2017. – № 4. – С. 54-65.
97. Малиновский, Б. Научная теория культуры / Бронислав Малиновский. – М.: О.Г.И., 1999. – 205 с.
98. Мамонтова, Н. А. Кочевание на просторах Интернета: репрезентация эвенкийской культуры on-line / М. А. Мамонтова // Сибирские исторические исследования. – 2014. – № 2. – С. 95-125

99. Мангейм, К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.
100. Манович, Л. Теории софт-культуры / Лев Манович. – Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. – 208 с.
101. Манович, Л. Язык новых медиа / Лев Манович. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 399 с.
102. Маркарян, Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры / Э. С. Маркарян. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973. – 143 с.
103. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Киев: Политиздат Украины. 1985. – 601 с.
104. Мартынова, Е. П., Новикова, Н. И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения: Этнологическая экспертиза 2011 года. / Е. П. Мартынова, Н. И. Новикова. – М.: ИП А. Г. Яковлев, 2012. – 132 с.
105. Махмутов, З. А. Новые формы функционирования и воспроизводства этничности (татарские этнолокализованные виртуальные сообщества) / З. А. Махмутов // Кавказология. – 2019. – №2. – С.152 – 163.
106. Межуев, В. И. Идея культуры: очерки по философии культуры / В. И. Межуев. – М.: Университетская книга: Прогресс-Традиция, 2012. – 403 с.
107. Мещерякова, Л. Ю. Феноменологическая социология Альфреда Шюца: теоретические предпосылки и основные идеи / Л. Ю. Мещерякова // Вестник РУДН. Серия «Социология». – 2002. – № 1. – С. 116-127.
108. Мид, Дж. От жеста к символу. В кн.: Американская социологическая мысль / Сост. Е. И. Кравченко. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 495с.
109. Микешина, Л. А., Опенков, М. Ю. Новые образы познания и реальности / Л. А. Микешина, М. Ю. Опенков. – М.: Росспэн, 1997. – 240 с.
110. Михайлова, М. А. Этнокультурная идентичность в условиях культурной глобализации / М. А. Михайлова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 1. – С. 191-196.
111. Момзикова, М. П. «Северная масленица»: День оленевода в советском и современном российском контекстах / М. П. Момзикова // Мифологические

- модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сборник статей / сост. А. Архипова. – М.: РГГУ, 2013. – 472 с.
112. Мунье, Э. Манифест персонализма / Эмманюэль Мунье. – М.: Республика, 1999. – 558 с.
113. Надеждин, Н. И. О русских народных мифах и сагах, в применении их к географии и особенно к этнографии русской / Н. И. Надеждин. – [Б. м.] : [б. и.], 1857.
114. Никитина, Э. В. Этнические процессы в глобальном информационном пространстве / Э. В. Никитина // Информационное общество. – 2014. – №. 5-6. – С. 77-83
115. Общая теория социальной коммуникации: учебное пособие / А. В. Соколов. – СПб.: Михайлов, 2002. – 459 с.
116. Основы теории коммуникации: учебник для студентов вузов / М. А. Василик и др.; под ред. М. А. Василика. – М.: Гардарики, 2006. – 615 с.
117. Павленко, В. Н., Таглин, С. А. Общая и прикладная этнопсихология: учебное пособие / В. Н. Павленко, С. А. Таглин. – М.: Товарищество научных издательств КМК, 2005. – 483 с
118. Пальчин, С. Я. Нынешние социальные и экономические данные о коренных малочисленных народах Севера с 2012 года / С. Я. Пальчин // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 6 (6). – С. 913-924
119. Парсонс, Т. О социальных системах / Талкотт Парсонс. – М.: Академический Проект, 2002. – 830 с.
120. Пивнева, Е. А. Пути и возможности сохранения обско-угорских языков и культур в условиях глобализации: опыт Югры / Е. А. Пивнева // Труды Карельского научного центра РАН. – 2014. – № 3. – С. 58-65.
121. Пивоваров, Д. В. Синтетическая парадигма в философии: избранные статьи / Д. В. Пивоваров. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011. – 532 с.

122. Пивоваров, Д. В. Социоцентрические религии / Д. В. Пивоваров. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. – 137 с.
123. Пименов, В. В. Массовые этнологические обследования: методы и техника / В. В. Пименов, В. Р. Филиппов. – М.: Полиграфсервис, 1995. – 250 с.
124. Плеснер, Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Хельмут Плеснер. – М.: РОССПЭН, 2004. – 367 с.
125. Поворознюк, О. А., Функ, Д. А. Урбанизация и коренные народы Севера: введение к теме номера / О. А. Поворознюк, Д. А. Функ // Этнографическое обозрение. – 2016. – №1. – С.5-9.
126. Пожидаева, М. А. Интернет-технологии как средство диаспорной коммуникации / М. А. Пожидаева // Идеи и идеалы. – 2016. – Т. 2. – №. 1 (27). – С. 22-29.
127. Празаускас, А. А. Этнос и политика: хрестоматия / Сост. А. А. Празаускас. – М.: Издательство УРАО, 2000. – 395 с.
128. Психология развития человека / Л. С. Выготский. – М.: Смысл: Эксмо, 2003. – 1134 с.
129. Пушкарева, Е. Т. Культура народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа как один из маркеров его региональной идентичности / Е. Т. Пушкарева // Этнокультурное наследие народов Севера России: К юбилею доктора исторических наук, профессора З. П. Соколовой. М.: Новости, 2010. – С. 243-255.
130. Пчелкина Д. С., Авдеева Ю. Н. Способы этнической манифестации в виртуальном пространстве: концептуальный анализ / Д. С. Пчелкина, Ю. Н. Авдеева // Северные архивы и экспедиции. – 2020. – № Т. 4. – № 2. – С. 143-152.
131. Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН / Российская акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – 424 с.

132. Резанова, З. И. Институциональная и личностная презентация национально-культурной идентичности в интернет-коммуникации: жанровые формы и дискурсивные стратегии / З. И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. – 2013. № 375. – С. 33-41.
133. Резникова К. В. Специфика языков самодийской группы, включая ненецкий и энецкий языки / К. В. Резникова // Сибирский антропологический журнал. – 2018. – Т. 2. – № 4. – С. 62-82.
134. Резникова, К. В. Сохранение и трансформация некоторых аспектов традиционного образа жизни коренных и малочисленных народов Севера, проживающих в населенных пунктах (поселках) Туруханск и Фарково / К. В. Резникова // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 6. – С. 925-939.
135. Резникова, К. В. Социальное конструирование общенациональной идентичности в Российской Федерации : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Резникова Ксения Вячеславовна; [Место защиты: Сибирский федеральный университет. – Красноярск, 2012. – 19 с.
136. Резникова, К. В., Середкина Н. Н., Замараева Ю. С. Рекомендации по развитию декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края / К. В. Резникова, Н. Н. Середкина, Ю. С. Замараева // Сибирский антропологический журнал. – 2017. – Т. 1. – № 3. – С. 23-41.
137. Рейнгольд Г. Умная толпа = новая соц. революция / Говард Рейнгольд. – М.: Издательско-торговый дом ГРАНД: Фаир пресс, 2006. – 415 с.
138. Рикёр, П. Герменевтика и метод социальных наук / П. Рикёр // Герменевтика. Этика. Политика. – М., 1995. – 159 с.
139. Римский, В. Л. Воздействие сети Интернет на социальную активность, формирование и развитие идентичностей / В. Л. Римский // Вестник общественного мнения. – 2009. – № 1 (99). – С. 86-96.
140. Сартр, Ж. П. Экзистенциализм - это гуманизм / Жан-Поль Сартр. – М.: Издательство иностранной литературы, 1953. – 42 с.

141. Севоян, Д. Г., Сунцов, А. П. Актуальные проблемы обеспечения субъектами Российской Федерации конституционного права народов на сохранение родного языка / Д. Г. Севоян, А. П. Сунцов // Право и политика. – 2013. – №11. – С.1438 - 1443.
142. Сиволов, Д. Л. Интернет-сайт как предмет социологического исследования: метод анализа интерактивных документов / Д. Л. Сиволов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 16. – С.139-143.
143. Слепцов, Ю. А. Эвенские игры: пути поиска и применения / Ю. А. Слепцов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – №4. – С. 188-190
144. Смелзер, Н. Социология / Нейл Смелзер. – М.: Феникс, 1994. – 687 с.
145. Смит, Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.
146. Соколов, А. В. Общая теория социальной коммуникации: учебное пособие / А. В. Соколов. – СПб.: Издательство Михайлова В. А., 2002. – 461 с.
147. Соколов, М. М. Влияние общения в Интернет на динамику этнической идентичности / М. М. Соколов // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: материалы международной научно-практической конференции, 3-6 июня 2002 г. / [Редкол.: Ю. С. Давыдов (отв. ред.) и др.]. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – С. 173-174.
148. Солдатова, Г. У. Диагностика типов этнической идентичности / Энциклопедический словарь [Под ред. А. А. Бодалева] — М.: Изд-во Когито-Центр, 2011. — 511 с.
149. Соловьев, А. И. Три облика государства - три стратегии гражданского общества. / А. И. Соловьев // Полис. Политические исследования. 1996. – № 6. – с. 29-38 .
150. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин. – М : Политиздат, 1992. – 542с.

151. Социология коммуникации / В. П. Конечкая. – М.: Международный университет бизнеса и управления; Братья Карич, 1997. – 302 с.
152. Степанова, О. Б. Социальная политика государства по отношению к коренным малочисленным народам Севера в начале XXI в. (на примере северных селькупов) / О. Б. Степанова // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири: сборник научных статей. – СПб.: Музей антропологии и этнографии (МАЭ) РАН (Кунстакамера), 2017. – С. 349-443.
153. Степанова, О. Б. Связь двух эпох: воплощение в празднике / О. Б. Степанова // Вестник археологии, антропологии и этнографии ИПОС СО РАН. – 2018. – № 2 (41). – С. 148-156.
154. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология: учебник для студентов вузов по специальности "Психология" / Т. Г. Стефаненко. – Екатеринбург: Деловая книга; М.: Институт психологии РАН, 2000. – 320 с.
155. Сулейманова, О. А. «Праздник Севера и традиционный День оленевода»: к проблеме изучения культурно-массовой деятельности как формы актуализации этнокультурных традиций аборигенного населения Мурманской области / О. А. Сулейманова // Труды Кольского научного центра РАН. – 2018. – № 11 – 15 (9). – С. 42-52.
156. Тиллих, П. Избранное. Теология культуры / Пауль Тиллих. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
157. Тишков, В. А. Этнология и политика / В.А.Тишков. – М.: Наука, 2001.
158. Тишков, В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков; Рос. акад. наук. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2003. – 542 с.
159. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории / Арнольд Дж. Тойнби. – М.: АСТ; Владимир: Астрель, 2011. – 318 с.
160. Торндайк, Э., Уотсон, Дж. Б. Принципы обучения, основанные на психологии / Э. Торндайк, Дж. Б. Уотсон. – Назрань: АСТ, 1998. – 701 с.
161. Труевцева, О. Н. Музеи Сибири и сохранение культурного наследия коренных народов / О. Н. Труевцева // Вестник Кемеровского

- государственного университета культуры и искусств. Кемерово. – 2012. – № 19. – С. 76-81
162. Филько, А. И., Худоногова, А. Е. Культура энецкого народа: возможно ли возродить язык? / А. И. Филько, А. Е. Худоногова // Сборник материалов конференции: Специфика этнических миграционных процессов в XX–XXI веках: опыт и перспективы материалы Международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 200-206.
163. Фрейд, З. Введение в психоанализ: лекции / Зигмунд Фрейд. – М.: Наука, 1991. – 455 с.
164. Фромм, Э. Человеческая ситуация / Эрих Фромм. – М.: Смысл, 1995. – 239 с.
165. Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / Мишель Фуко. – М.: Магистериум; Издательский дом "Касталь", 1996. – 446 с.
166. Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы / Ю. Хабермас. – М.: Весь мир, 2017. – 344 с.
167. Хабибуллина, З. Р. Селфи в Мекке: харам или досточтимый хадж? / З. Р. Хабибуллина // Сибирские исторические исследования. – 2019. – № 2. – С.85-107.
168. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон. – М.: АСТ; Астрель, 2003. – 571 с.
169. Харючи, С. Н., Филант, К. Г., Антонов, И. Ю. Социальные нормы коренных малочисленных народов Севера России: [обряды, обычаи, ритуалы, традиции, мифы, нормы морали, нормы права]: монография / С. Н. Харючи, К. Г. Филант, И. Ю. Антонов. – М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2009. – 277 с.
170. Хаховская, Л. Н. Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана / Л. Н. Хаховская // Сибирские исторические исследования. – 2014. – №2. – С.40-59
171. Хобсбаум, Э. Дж., Хабермас Ю. Нации и национализм / Эрик Дж. Хобсбаум, Юрген Хабермас. – М.: Праксис, 2002. – 416 с.

172. Хоннет, А. Право свободы: очерки демократической нравственности / А. Хоннет // Кантовский сборник. – 2012. – № 1 (39). – С. 91-100.
173. Хотинец, В. Ю. Этническое самосознание / В. Ю. Хотинец. – СПб.: Алетея, 2000. – 235 с.
174. Хренов, Н. А. Культура в эпоху социального хаоса / Н. А. Хренов. – М.: УРСС; Калуга: ГУП Облиздат, 2002. – 446 с.
175. Чебоксаров, Н. Н., Чебоксарова, И. А. Народы, расы, культуры [Текст] / Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. – М.: Наука, 1971. – 256 с.
176. Чешко, С. В. Человек и этничность / С. В. Чешко // Этнографическое обозрение. – 1994. - № 6. – С. 35–46
177. Шадрин В. И. Трансформация этнической идентичности коренных малочисленных народов Севера Якутии в условиях глобализации (на примере юкагиров Республики Саха (Якутия) / В. И. Шадрин // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2016. – № 4(10). – с.132-144.
178. Шарден, П. Т. де. Феномен человека / Пьер Тейяр де Шарден. – М.: АСТ, 2002. – 553 с.
179. Шелепов, В. Г. Общность происхождения – признак этнической общности / В. Г. Шелепов // Советская этнография. – 1968. – № 4. – С.65-74.
180. Шеллинг, Ф. В. Й. Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки / Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг. – СПб.: Наука, 1998. – 518 с.
181. Шиманская, К. И., Копцева, Н. П. Историографический обзор коренных исследований за 2014-2018 гг. / К. И. Шиманская, Н. П. Копцева // Сибирский антропологический журнал. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С. 43-57.
182. Широкогоров, С. М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов / С. М. Широкогоров. – Владивосток: [б. и.], 1919. – 62 с.
183. Широкогоров, С. М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / С. М. Широкогоров. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 134 с.

184. Шпак, А. А. Концептуальные и методологические основы для исследования феномена сложных идентичностей / А. А. Шпак // Сборник материалов конференции: Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы материалы международной научно-практической конференции, 2020. – С. 68–73.
185. Шпенглер, О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер; пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. Т 2. – М.: Мысль, Всемирно-исторические перспективы, 1998. – 606 с.
186. Эриксон, Э. Жизненный цикл: Эпигенез идентичности / Э. Эриксон. – Самара: Издательский дом «Бахрус», 1996. – 373 с.
187. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Эрик Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 340 с.
188. Юдаев, В. В. Информационные технологии в политическом процессе: теоретико-прикладной анализ : Диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.01. – М.: 2005. – 147 с.
189. Юм, Д. Собрание сочинений в 2 т. / Давид Юм. – Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – 735 с.
190. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / Карл Ясперс; [Пер. с нем.]. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
191. Adamic, L. Social Network Analysis. Lecture Materials & Video [Электронный ресурс] / Lada Adamic. – Режим доступа: <https://www.coursera.org/course/sna>
192. Aipperspach, R. J. et al. Etho-Mining: Integrating Numbers and Words From the Ground Up [Электронный ресурс] : University of California Berkeley Technical Report, 2006 / R. J. Aipperspach // Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/246104025_Etho-Mining_Integrating_Words_and_Numbers_from_the_Ground_Up

193. Akturan, U. et al. A review of cyber ethnographic research: A research technique to analyze virtual consumer communities / U. Akturan // *Bogazici Journal*, 2009. – №. 1-2. – P. 1-18.
194. Anderson, B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* / B. Anderson. – London: Verso Books, 1991. – 224 p.
195. Androutsopoulos, J. Potentials and limitations of discourse-centred online ethnography [Электронный ресурс] / J. Androutsopoulos // *Language@ internet*, 2008. – № 5 (8). – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/242740747_Potentials_and_Limitations_of_Discourse-Centred_Online_Ethnography
196. Arruda, G. M., Krutkowski, S. Arctic governance, indigenous knowledge, science and technology in times of climate change: Self-realization, recognition, representativeness / G. M. Arruda, S. Krutkowski // *Journal of Enterprising Communities*, 2017. – № 11 (4). – P. 514-528.
197. *Authors of their own lives: Intellectual autobiographies by twenty American sociologists* / Ed. a. with an introd. by Bennett M. Berger. – Berkeley: University of California press, 1990. – 503 p.
198. Avdeeva Yu.N., Degtyarenko K.A., Pchelkina D.S., Shimanskaya K.I., Koptseva N.P., Shpak A.A., Khrebtov M.Ya. Religion of the Selkups and the Kets in the Historical and Cultural Genesis / Yu. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko et al // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – 2019 – Vol.12. – № 5 – P. 726-751.
199. Barabasi, A. *Linked: The New Science Of Networks* / Albert-Laszlo Barabasi. – NY.: Perseus Books Group, 2002. – 280 p.
200. Beaulieu, A. Mediating ethnography: objectivity and the making of ethnographies of the internet / A. Beaulieu // *Social epistemology*, 2004. – Vol. 18. – № 2-3. – Pp. 139-163.
201. Bell, D. *The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting* / D. Bell. – New York: Basic books, 1973. – 507 p.

202. Belton, A. K. From Cyberspace to Offline Communities: Indigenous Peoples and Global Connectivity / A. K. Belton // Sage journals. Boulder, 2010. – № 35 (3). – P. 193-215.
203. Boellstorff, T. Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human / T. Boelstorff. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2008. – 348 p.
204. Boelstorff, T., Nardie, B. et al. Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method / T. Boelstorff, B. Nardie et al. – Princeton: Princeton University Press, 2012. – 237 p.
205. Boyd, D. How can qualitative internet researchers define the boundaries of their projects: A response to Christine Hine // Internet inquiry: Conversations about method / Edited by A. N. Markham, N. K. Baym. – Los Angeles: Sage, 2008. – P. 26-32.
206. Brass, P. Ethnicity and Nationalism. Theory and Comparison / P.Brass. – New Delhi: Newbury Park, California: Sage Publications, 1991. – 362 p.
207. Buchtman, L. Digital Songlines: The Use of Modern Communication Technology by an Aboriginal Community in Remote Australia / L. Buchtman // Critical Studies in Innovation. – 2012. – Vol. 1. – P. 59-74.
208. Budka, P. From Cyber to Digital Anthropology to an Anthropology of the Contemporary? [Электронный ресурс] / P. Budka // Режим доступа: <https://easaonline.org/downloads/networks/media/38p.pdf>.
209. Burrell, J. The field site as a network: A strategy for locating ethnographic research / Jenna Burrell // Field methods. – 2009. – № 21 (2). – P. 188-199.
210. Caliandro, A. Ethnography in digital spaces: Ethnography of virtual worlds, netnography, and digital ethnography / A. Caliandro // Handbook of anthropology in business, 2014. – P. 738-761.
211. Chiang, M. Networks: Friends, Money and Bytes [Электронный ресурс] / M. Chiang // Режим доступа: <https://www.coursera.org/course/friensmoneybytes>.
212. Civallo, E. Ancestral cultures in modern universes / Edgardo Civallo // Digithum. – 2008. – P. 1575-2275.

213. Denzin, N. K., Lincoln, Y. S. Reconsidering self and other: the methods, politics, and ethics of representation in online ethnography / N. K. Denzin, Y. S. Lincoln // In Handbook of qualitative research. – New York: Thousand Oaks: Sage, 2004.
214. Diamandaki, K. Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace / K. Diamandaki // Global media journal, 2003. – Vol. 2. – №. 2. – P. 26.
215. Domínguez, D. et al. Virtual ethnography / D. Dominguez // Forum Qualitative Sozialforschung/Forum: Qualitative Social Research, 2007. – Vol. 8. – №. 3.
216. Estalella, A., Ardèvol, E. Field ethics: Towards situated ethics for ethnographic research on the Internet / A. Estalella, E. Ardevol // Forum Qualitative Sozialforschung/ Forum: Qualitative Social Research. – 2007. – Vol. 8. – №. 3.
217. Fukuyama, F. The End of History and the Last Man / F. Fukuyama. – New York: Free Press, 1992. – 446 p.
218. Garcia, A. C. et al. Ethnographic approaches to the internet and computer-mediated communication / Angela Cora Garcia et al // Journal of contemporary ethnography, 2009. – № 38 (1). – P. 52-84.
219. Gellner, E. Nations and Nationalism / Ernest Gellner. – UK: Cornell University Press, 2009. – 152 p.
220. Glezer, N., Moynihan, D. P. Ethnicity: Theory and Experience / N. Glezer, D. P. Moynihan. – Cambridge (USA): Harvard University Press, 1976. – 531 p.
221. Gomez, E., Ardevol, E. Ethnography and the Field in Media (ted) settings: A Practice Theory approach / E. Gomez, E. Ardevol // Westminster Papers in Communication and Culture, 2013. – №. 3. – P. 27-46.
222. Greschke, H. M. Logging into the field—Methodological reflections on ethnographic research in a pluri-local and computer-mediated field / H. M. Greschke // Forum Qualitative Sozialforschung/Forum: Qualitative Social Research, 2007. – Vol. 8. – №. 3.

223. Hallett R. E., Barber K. Ethnographic research in a cyber era / R. E. Hallett, K. Barber // *Journal of Contemporary Ethnography*, 2014. – Vol. 43. – №. 3. – P. 306-330.
224. Hine, C. *Virtual Ethnography* / C. Hine. – London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 2000. – 179 p.
225. Hobsbawn, E. J. E. *Nations and Nationalism* / E. J. E. Hobsbawn // New York, Cambridge, 1991. – 220 p.
226. Isabella, S. Ethnography of online role-playing games: The role of virtual and real contest in the construction of the field / S. Isabella // *Forum Qualitative Sozialforschung/Forum: Qualitative Social Research*. – 2007. – Vol. 8. – №. 3.
227. Jacob, K. *The Kurdish Diaspora's Use of Facebook in Shaping a Nation: Facebook is My Second Home* / K. Jacob. – GlobeEdit, 2014. – 124 p.
228. Kardiner, A. *The psychological frontiers of society* / A. Kardiner // New York, 1946. – 475 p.
229. Keans, M. *Networked Life* [Электронный ресурс] / M. Keans // Режим доступа: <https://www.coursera.org/course/networks>
230. Kistova, A.V., Pimenova, N. N. *Historiography of ket language* / A. V. Kistova, N. N. Pimenova // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2018. – Vol. 11. – № 4. – P. 534-545.
231. Kolesnik, M. A., Libakova, N. M., Sertakova, E. A. *Enets language in the studies of domestic and foreign scientists* / M. A. Kolesnik, N. M. Libakova, E. A. Sertakova // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2018. – Vol. 11. – № 4. – P. 546-560.
232. Kollock, P., Smith, M.A. *Managing the Virtual Commons: Cooperation and Conflict in Computer Communities* [Электронный ресурс] / P. Kollock, M. A. Smith // Режим доступа: <http://www.sscnet.ucla.edu/soc/csoc/papers/virtcomm/>
233. Kozinets, R. V. *Netnography: Doing ethnographic research online* / R. V. Kozinets. – Los Angeles: Sage publications, 2010. – 232 p.
234. Latour, B. *On technical mediation* / B. Latour // *Common knowledge*, 1994. – Vol. 3. – №. 2. – Pp. 29-64.

235. LeVine, R. A., Campbell, D. T. *Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes and Group Behavior* / R. A. LeVine, D. T. Campbell // New York: John Wiley, 1972. – 310 p.
236. Lu, J. Theorizing the impacts of digitally mediated social interaction on diasporic identity formation: a case of Chinese diaspora in Australia [Электронный ресурс] / J. Lu // Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/280217694_Theorising_the_impacts_of_digitally_mediated_social_interaction_on_diasporic_identity_formation_a_case_of_Chinese_diaspora_in_Australia // – 2015.
237. Macfadyen, L. P. Virtual ethnicity: the new digitization of place, body, language, and memory [Электронный ресурс] / L. P. Macfadyen // *Electronic magazine of multicultural education*, 2006. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/242563792_VIRTUAL_ETHNICITY_The_new_digitization_of_place_body_language_and_memory
238. Marcia, J. E. Ego identity status: Relationship to change in self-esteem, «general maladjustment» and authoritarianism / J. E. Marcia // *Journal of Personality*, 1967. – Vol. 3. – № 5. – P. 118–133.
239. Markham, A. N. Fieldwork in Social Media What Would Malinowski Do? [Электронный ресурс] / A. N. Markham // Режим доступа: https://annettemarkham.com/wp/content/uploads/2010/04/QCR0204_05_Markham.pdf
240. Marotta, V. New online ethnicities and the politics of representation / V. Marotta // *Journal of intercultural studies*, 2011. – Vol. 32. – №. 5. – P. 539-55.
241. Milgram, S. The Small-World Problem / S. Milgram // *Psychology Today*, 1967. – Vol. 1. – P. 61-67.
242. Moreno, J. L. *Who Shall Survive? A New Approach to the Problem of Human Interrelations* / J. L. Moreno. – Washington, D.C., 1934. – 464 p.
243. Moynihan, D. P. *Pandaemonium : Ethnicity in intern. Politics* / D. P. Moynihan. – Oxford: Oxford University Press, 1993. – 221 p.

244. Muñoz, R. A. On new means or new forms of investigation. A methodological proposal for online social investigation through a virtual forum / R. A. Muñoz // Forum Qualitative Sozialforschung/Forum: Qualitative Social Research. – 2007. – Vol. 8. – №. 3.
245. Murthy, D. Digital ethnography: An examination of the use of new technologies for social research / D. Murthy // Sociology, 2008. – № 5. – P. 837-855.
246. NurMuhammad, R. et al. Uyghur Facebook use and diasporic identity construction / R. NurMuhammad et al // IAMCR 2013: Crises, Creative Destruction and the Global Power and Communication Orders. International Association for Media and Communication Research, 2013.
247. Oh, D. C. Reconsidering ethnic media research: An argument for a diasporic identity framework / D. C. Oh // Atlantic Journal of Communication, 2016. – Vol. 24. – №. 5. – P. 264-275.
248. Pchelkina D. S., Timoshkin D. O. Russian-Speaking "Migrant YouTube" as a focus of urban and social studies / D.S. Pchelkina, D. O. Timoshkin // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2020. – Vol. 13. – № 15. – P. 676-687.
249. Poster, M. Virtual Ethnicity: Tribal Identity in an Age of Global Communications / M. Poster // CyberSociety 2.0. Revisiting Computer-Mediated Communication and Community, 1998. – P. 184-211.
250. Postill, J., Pink, S. Social media ethnography: The digital researcher in a messy web / J. Postill, S. Pink // Media International Australia, 2012. – № 145 (1). – P. 123-134.
251. R. Indigenous, ethnic and cultural articulations of new media / R // International journal of cultural studies, 2008. – № 9 (4). – P. 497-518.
252. Robinson, L., Schulz, J. New avenues for sociological inquiry: Evolving forms of ethnographic practice / L. Robinson, J. Schulz // Sociology, 2009. – № 43 (4). – P. 685-698.

253. Rybas, N., Gajjala, R. Developing cyberethnographic research methods for understanding digitally mediated identities / N. Rybas, R. Gajjala // Forum Qualitative Sozialforschung/Forum: Qualitative Social Research, 2007. – Vol. 8. – №. 3.
254. Sade-Beck, L. Internet ethnography: Online and offline / L. Sade-Beck // International Journal of Qualitative Methods, 2004. – № 3 (2). – P. 503-520.
255. Salazar, J. F. Indigenous peoples and the cultural construction of information and communication technology (ICT) in Latin America / J. F. Salazar // Information Communication Technologies: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications, 2008. – P. 13-22.
256. Scaramuzzino, G. Ethnography on the Internet—an overview / G. Scaramuzzino // Pondering on methods, 2012. – P. 41-54.
257. Sherif, M., Sherif, C. W. Groups in Harmony and Tension: An Integration of Studies on Intergroup Relations / M. Sherif, C. Sherif. – New York: Harper, 1961. – 316 p.
258. Sitnikova, A. A. / A. A. Sitnikova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2016. – Vol. 9. – № 9. – P. 2005-2012.
259. Sitnikova, A. A. The ket language / A. A. Sitnikova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2018. – Vol. 11. – № 4. – P. 654-662.
260. Smith, A. D. Nations and Nationalism in Global Era / A. D. Smith. Cambridge: Polity Press, 1995.
261. Smith, A.D. Ethno-symbolism and nationalism: a cultural approach / A.D. Smith. – N.Y.: Routledge, 2009. – 189 p.
262. Srinivasan, R. Indigenous, ethnic and cultural articulations of new media / Ramesh Srinivasan // International journal of cultural studies, 2008. – № 9 (4). – P. 497-518.
263. Suler, J. R. Identity Management in Cyberspace / J. R. Suler // Journal of Applied Psychoanalytic Studies, 2002. – Vol. 4. – P. 455-460.

264. Thomsen, S. R., Straubhaar, J. D., Bolyard, D. M. Ethnomethodology and the study of online communities: exploring the cyber streets / S. R. Thomsen, J. D. Straubhaar, D. M. Bolyard // Information Research, 1998. – Vol. 4. – №. 1.
265. Tunçalp, D., Lê, P. (Re) Locating boundaries: a systematic review of online ethnography / D. Tuncalp, P. Le // Journal of Organizational Ethnography, 2014. – №. 1. – P. 59-79
266. Turkle, S. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet / S. Turkle // New York: Simon & Schuster, 1995. – 347 p.
267. Underberg, N. M., Zorn, E. Digital ethnography: Anthropology, narrative, and new media / N. M. Underberg. – Texas: University of Texas Press, 2013.
268. Wellman, B. Network analysis: some basic principles / D. Wellman // Sociological theory, 1983. – Vol 1. – P. 155-200.
269. Wilson, S. M., Peterson L. C. The anthropology of online communities / S. M. Wilson, L.C. Peterson // Annual review of anthropology, 2002. – Vol. 31 (1). – P. 449-467.